

СЛОВА

Литературно-философский журнал
№8

СОДЕРЖИМОЕ:

2.....	АРТ-ГРУППА "SPART"
7.....	ГЛЕБ КОЛОМИЕЦ, ДЭВИД ШИРО
13.....	СВЕТЛАНА ПОВАЛЯЕВА
15.....	АНДРЕЙ БЫЧКОВ
21.....	ВИКТОР МАХАРАДЖА
25.....	БРАЙАН МАССУМИ
34.....	ТЕАТР ЖЕСТОКОСТИ АЗСАКРЫ ЗАРАТУСТРЫ
42.....	ПРЕЛЕСТИНКА
47.....	АЛЕКСАНДР РЫБИН
60.....	НИКОЛАЙ БАЙТОВ
63.....	СВЕТА ЛИТВАК
65.....	ВАСИЛИЙ ШАРЛАИМОВ
71.....	АНДРЕЙ ЧЕМОДАНОВ
73.....	ОЛЕГ РАЗУМОВСКИЙ
75.....	АЛЕКСАНДР КОЛОЕВ
83.....	ПОТРОТ УАРУ
84.....	МИХАИЛ ВОЙКО, ГЛЕБ КОЛОМИЕЦ
87.....	ИННА КИРИЛЛОВА
91.....	ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ
98.....	ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Редактор: Инна Кириллова
Технический редактор: Глеб Коломиец
Координатор: Олег Разумовский

Сайт журнала:
<http://www.slova.uuuq.com>
Сообщество в Живом Журнале:
http://community.livejournal.com/slova_journal

Электронная почта:
amati6@rambler.ru
ardor@list.ru

*Мнение автора и редакции могут не совпадать
В текстах сохранены авторские орфография и
пунктуация
Все материалы опубликованы с согласия авторов
При оформлении обложки использованы работы
Эдуарда Кулёмина*

Работы Тима Гейза (Австралия)
Illustrations by Tim Gaze

Арт-группа «SPART»

Никто никуда не едет:
Сиди дома, делай искусство!

Иллюстрации Джастина МакКеона
(Северная Ирландия)
Illustrations by Justin McKeown

Международная слава с незапамятных времен была синонимом невероятно успешной карьеры. Это в особенности верно в отношении искусства, призванного развлекать человека как красота, так и несколько более «глубокими» своими проявлениями, например, идейной нагрузкой или политическим комментированием. Уже ни для кого не секрет, что в наши дни молодые амбициозные художники так выстраивают свою карьеру, чтобы их имена стали известны на международном уровне даже в большей степени, чем их искусство.

В чем причины появления такой тенденции? На определенном этапе истории искусств в этом был определенный коммерческий смысл. Тогда художники становились арт-олигархами: за каждую проданную картину, видео, скульптуру, рисунок, инсталляцию, перформанс (ненужное зачеркнуть) они выручали сумму достаточную, чтобы в течение года прокормить небольшую семью из Баллимерфи (Ballymurphy).

Но в наши дни искусство перестало быть денежным занятием, т.к. доходы от выставок едва покрывают издержки. Вряд ли можно назвать это бизнесом, скорее, «спонсируемым хобби». Если кто-то мне не верит, обратите внимание на тот факт, что почти все художники вынуждены где-то работать, чтобы обеспечить себе пищу и кров.

Хорошо, значит, причина не в деньгах. Может, молодые художники просто ищут славы? Весьма вероятно. Хотя, вряд ли наши юные друзья столь недалекновидны. Я не верю, что такие прозорливые, активные и позитивные молодые люди жаждут банальной «славы ради славы»... Существуют более легкие и дешевые способы добиться международной известности, чем учиться три года, а потом в долгое время питаться консервами, пока не появится какое-никакое признание. Тем более, в наши дни слава лишь немного снижает давление обстоятельств, не помогает наполнить кошелек. Так почему же молодые художники ищут международной карьеры? Раз уж причина не в славе и не в день-

гах, так может быть все дело в идеализме этих милых парней?

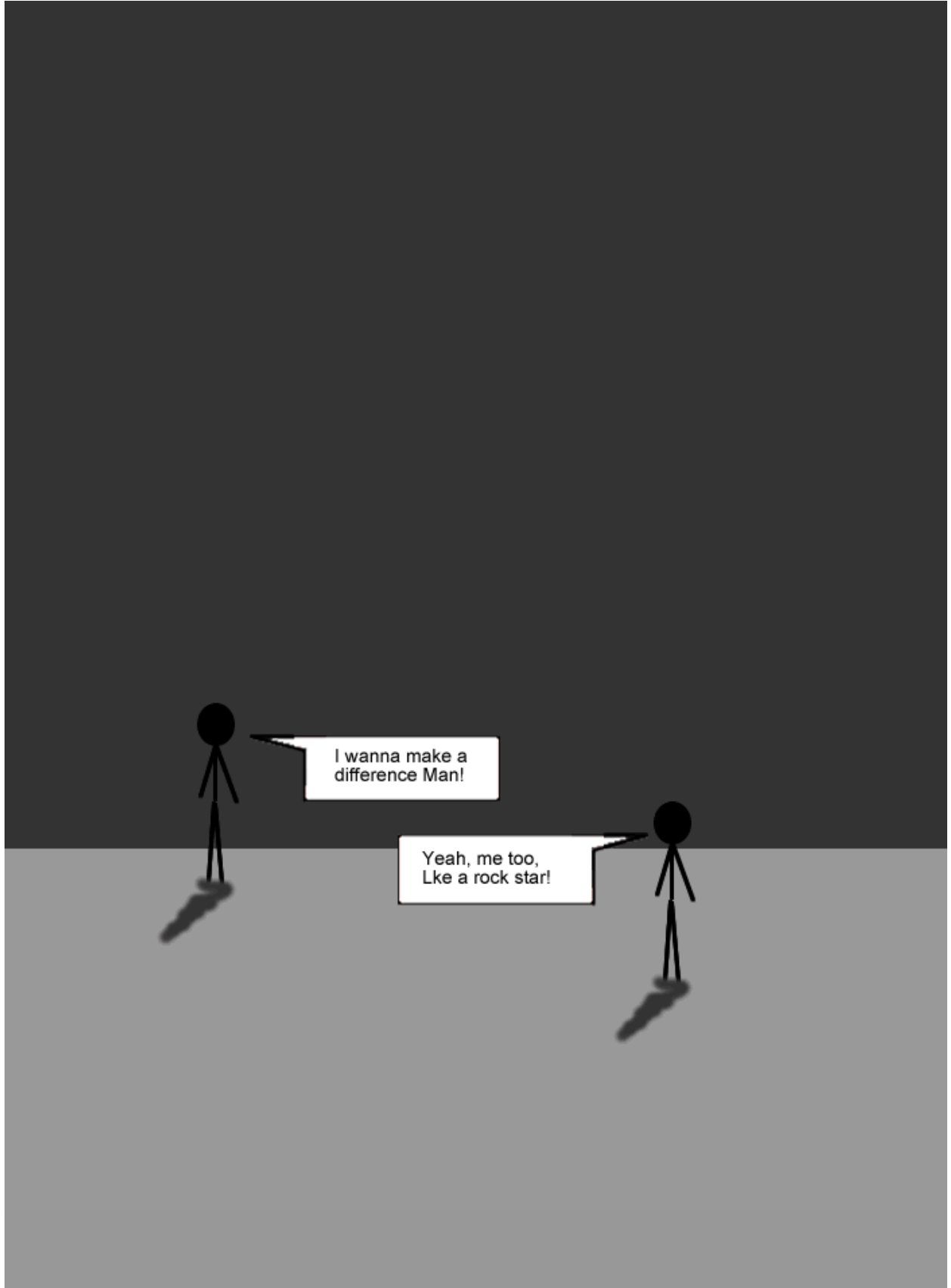
Молодые художники просто оголтелые идеалисты. Раз уж они ввязываются в такие неприбыльные мероприятия, иного объяснения быть не может. Вот в этом-то и смысл! «Искусство ради денег делают только циничные старпёры! – думают молодые художники, - А мы другие! Искусством надо заниматься, потому что это правильно, это то, чем следует заниматься ВСЕМ! Мы будем освобождать себя от мерзких денег, которые нам насильно всовывают в карманы корпорации, посылать нах истеблшмент и выражать, выражать себя, делая “искусство”». Ну что, похоже на правду? По всей видимости, идеализм – верный ответ на наш вопрос. Или точнее говоря, идеализм, отягощенный скрытной тягой к деньгам и славе.

Я не придираюсь к молодым художникам. Идеализм – это хорошая вещь; если ты идеалист, значит, ещё не сдался. Идеализм - это такая штука, которая даёт веру в то, что ты, маленький и незначительный, МОЖЕШЬ изменить этот усталый депрессивный мир. По всей видимости, так думают молодые художники. Многие из них отлично разбираются в философских теориях, связанных с политикой, экологией, активизмом – со всем тем, в чем, по их мнению, нужно разбираться, чтобы стать ответственным человеком, подняться с колен и внести новые изменения в этот более чем изменчивый мир.

У меня есть хорошая новость для всех этих подающих надежды идеалистов и активистов, одержимых жаждой международной карьеры, с деньгами и славой за компанию. Теперь вы можете изменять мир гораздо дешевле! Если раньше выезд за границу был редкой возможностью для художника, то теперь благодаря таким замечательным авиакомпаниям эконом-класса, как Easyjet, FlyB, Jet2 и др., можно быть идеалистом где угодно по цене не дороже, чем ужин в хорошем ресторане.

Но это не единственная хорошая новость! Вдруг откуда не возьмись, появились толпы, жаждущие

- Чувак, я хочу изменить мир!
- И я тоже! Как рок-звезда!

послушать разглагольствования молодых идеалистов на любые «политические» темы. Вот в этом-то и состоит проблема, а не в идеализме или желании разбираться в политике и влиять на политическую жизнь, которые, безусловно, заслуживают всяческого уважения.

Видите ли, чем больше люди путешествуют – живут неделю в Белфасте, потом едут в Будапешт, а потом Белград, и т. д. – тем меньше у них остается времени создать политический эффект в том месте, куда они приезжают. Технологии совершенствуются, а человеческая натура стара как мир. Если ты хочешь социальных перемен – а в этом и состоит цель политического искусства – то следует понимать, что общество основано на человеческой натуре. Чтобы сдвинуть косную и неуступчивую общественную идеологию, нужно нечто большее, чем эпатажное искусство, поддерживаемое «умной» аргументацией.

Большинство художников и сторонников политического искусства, просиживая вечера за разговорами об активизме, не замечают, как их внутренний тинэйджер жадно ловит каждое слово, как будто им всё ещё 16, и они слушают трэк группы «Rage Against the Machine». Хотя, полагаю, это только мне кажется очевидным. Выскажусь менее метафорично: люди не понимают, что культурные события, которые заявлены как платформы для социальных сдвигов, на самом деле сдерживают любые изменения, предоставляя выход для агрессии людей, переплавляют социальную агрессию в интеллектуальные диспуты. Люди, жаждущие социальных перемен, подменили прямое социальное действие на бесконечные и многообразные дискуссии о природе

того, чем они собираются заниматься.

Из этих бесконечных дискуссий выросла целая индустрия: появилась глобальная сеть болтливых кочующих революционеров, состоящая из галерей, университетов, издательств, независимых кураторов, культурологов, и, наконец, молодых художников-идеалистов, которые беспорядочно мечутся по всей Европе, как шарики для пинг-понга в стиральной машине. Все это работает в унисон, на манер отлаженной машины, производя книги, выставки, концептуальные модели мира и так называемых «художников» - все это предлагает нам инвестировать наши мозги, энергию и деньги. Система «политического искусства» не вносит никаких изменений в социальную среду. На самом деле, это просто ещё одна индустрия развлечений, предлагающая псевдореволюционное хобби для скукающих буржуа, главных сторонников «сидячего социализма» (armchair socialism).

И что же с этим делать? Ну, не знаю как Вы, а я с этим завязываю: ЭТО ОТСТОЙ! Я буду сидеть дома со своим ребенком и по вечерам прогуливаться в парке. Я больше никогда в жизни не заявлюсь ни на одну выставку. Я никогда не сяду на самолёт, который летит в Нью-Йорк, Лондон, Берлин или любую другу Богом забытую дыру, ЗА ИСКЛЮЧЕНИЕМ тех случаев, когда поездка не связана с искусством. Я больше не буду носиться туда-сюда с этими политическими крестноносцами - буду сидеть дома и наслаждаться собой. СИДИ ДОМА, ДЕЛАЙ ИСКУССТВО! Я предлагаю Вам присоединиться ко мне.

Чтобы присоединиться к акции, пишите на адрес: admin@spartaction.com

Дополнение и уточнение от Анти-Коллектива Пост-НеоАбсурдистов, Нью Джерси, США

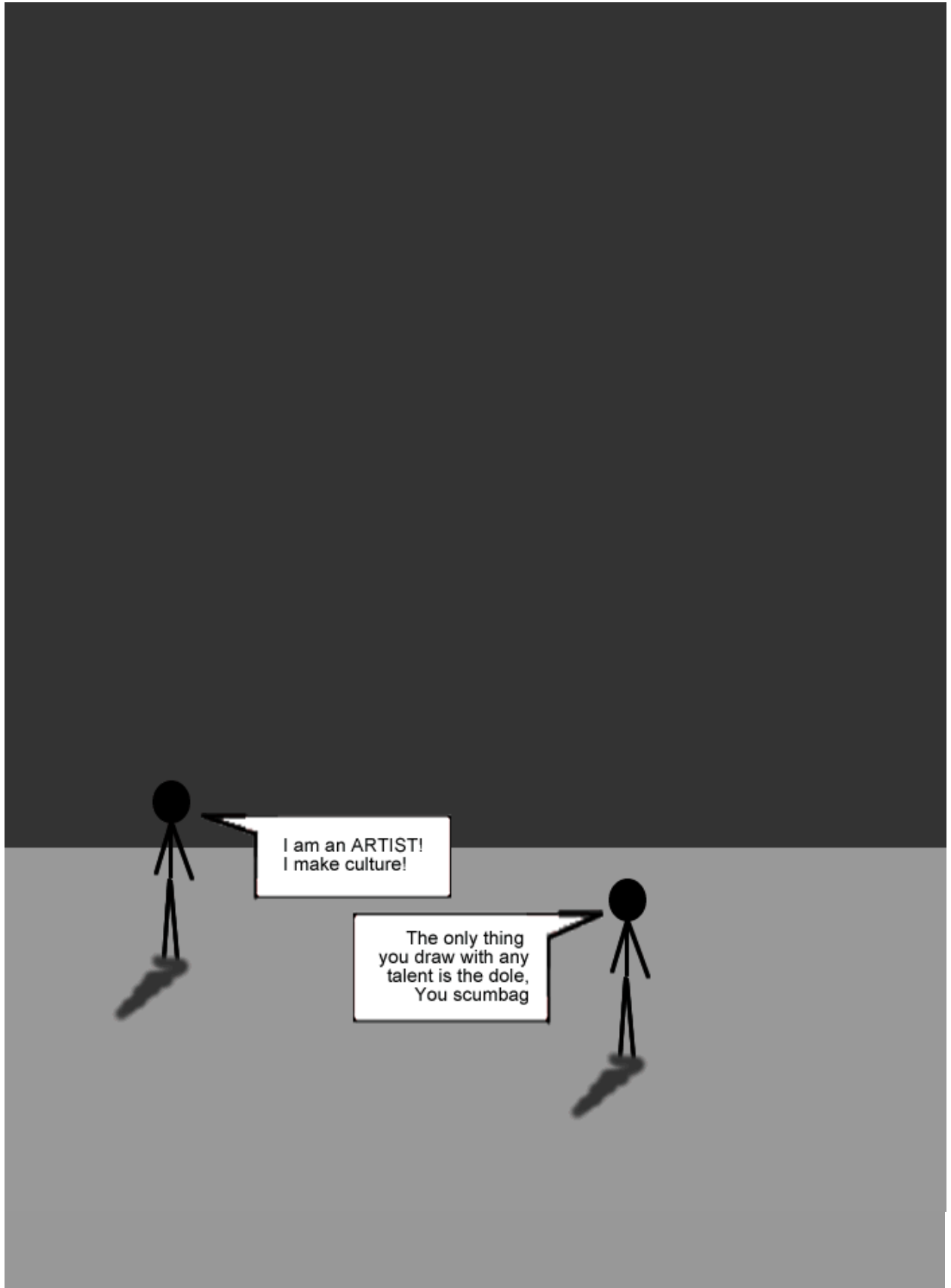
Чтобы выразить свою солидарность с призывом арт-группы SPART «сиди дома, делай искусство», мы, члены Анти-Коллектива Пост-НеоАбсурдистов, хотели бы добавить несколько слов, о том, как себя вести, если вдруг (а может, и не вдруг) человек попадает в ситуацию, когда ему грозит опасность поехать куда-либо, чтобы *делая искусство*. Предположим, Вы планируете увеселительную поездку в Осло и в последнюю минуту с удивлением обнаруживаете, что Вас *коварно обманули и втянули* в участие в выставке – и каким-то непонятным образом они уже достали Ваши работы. Или, например, Вы летите на самолете, где-то посреди Атлантического Океана. Вы обещали выступить на одном мероприятии – на какой-то конференции по внеинституциональному искусству, организованную четырьмя адъюнкт-профессорами из шести университетов при поддержке трёх правительств и пяти корпораций... И, вдруг, Вы понимаете, что *забыли* о своем обещании никогда не участво-

вать в коллективных дрочках этих поганых карьеристов и жополизов, которые поголовно косят под Карла Маркса. Или, скажем, обезьяна по кличке Лорд Чарльз, в треуголке вроде той, что была у Наполеона, угнала Ваш самолет, приставила нож к Вашему горлу и приказывает выступить в университетской аудитории с высокоинтеллектуальным пиздежом, который надобно выдать за открытое выступление против структур, управляющих обществом и культурой. (Последний пример, мне нравится больше остальных)

Или, допустим, Вы просто любите путешествовать, любите искусство, любите то и другое «в одном флаконе», не хотите стать провинциалом и изоляционистом. Избавляет ли это Вас от ответственности?

Ни в коей мере!

Но, предположим, Вы уже на месте. Как не стать пособником тех, кто ослабляет кипение народного гнева? Что делать?

- Я - ХУДОЖНИК! Я делаю культуру!
- Все, что ты рисуешь, вне зависимости от твоего таланта—жалко. Ты—мудак

Прежде всего, *не делайте искусство!*

Вот допустим, Вы приглашаете нескольких друзей (или друзей друзей; или людей с которыми Вы вообще не знакомы) – провести время вместе, совершая всяческие абсурдные действия и глядя на то, как это делают другие; это странным образом делает нашу жизнь лучше, это отказ жить механически, придерживаясь общественных норм, которые регулируют наше *свободное* время на низком, но очень эффективном уровне. То, что Вы делаете вместе с друзьями – протест против вторжения общественного в Вашу жизнь. НО! Назовите это «перформансом», переместите в галерею, приведите несколько университетских профессоров, которые с удовольствием обсудят происходящее, нагоните девиц с модными причадами, которые млеют от «интеллектуальных» *развлечений* - и все встанет на «свои» места. Так создается готовый к потреблению специальный дискурс, который с аппетитом хавают представители университетского истеблишмента, который спонсируется политико-экономическим истеблишментом; а если речь идёт об арт-объектах (а может, даже о тех же перформансах) в дело вступает коммерческий истеблишмент, который готов скормить эти «факты политики» потребительской машине, именуемой арт-рынком – его основное назначение состоит в том, чтобы предоставить высшему среднему классу широкий спектр возможностей откупиться от своей нечистой совести. Так что же происходит на самом деле? Это аудитория или просто прохожие? Это академическая теория или язык протеста? Это «искусство» или *жизненное кредо*? Это возможность пропиариться или просто *приятное времяпрепровождение*?

Раз уж мы собрались *сидеть дома и делать искусство*, тогда стоит руководствоваться тем же принципом, если мы внезапно оказываемся *вне дома*. Лучше всего будет сделать ЭТО место домом и побыстрее. Необходимо встретиться с представителями местных творческих и/или политических сообществ, организовать совместные выступления, *разговаривать с ними*, надо войти во все подробности творческой и социальной динамики на месте, понять, *как её видят живущие здесь люди, и как она влияет на их жизни* – и позволить оной воздействовать на нас.

Не живите в ёбаном отеле! Найдите себе вписку, поживите у кого-нибудь *дома*. Если мы НЕ УСИДЕЛИ дома, значит мы ЕДЕМ ДОМОЙ. И не ограничивайтесь творческим сообществом; надо, насколько это возможно, узнать город, райцентр или деревню, в которую мы попали, познакомиться с людьми которые ничего не знают о нашем искусстве, наших дискурсах, которым насрать даже на наши попытки сделать мир лучше. Надо напоминать себе о том, что наши дискуссии об Адорно и Деборе, о Дада и Флакхусе, НИЧЕГО НЕ СТОЯТ, если они никак не влияют на наш образ жизни, не говоря уж о манере общения с другими «художниками». Надо понимать особенности каждого локального сообщества, помнить о том, что никакие международные дискуссии об абстракциях ломаного гроша не стоят по сравнению с точными фактами, связанными с реальной

жизнью и стилем мышления *локальных сообществ*.

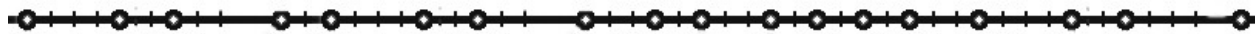
Так вот, скажем, мы уже на фестивале/конференции/другом мероприятии и уже собралась толпа клоунов («подающих надежды молодых художников»), и начались вкрадчивые излияния; нас затащили на лекцию или круглый стол, в рамках которых разноцветно-позитивные имбецилы обсуждают «политическое искусство» или «методы коллективного действия», как будто это всего *жанры*, как будто можно работать *вне* политических и социальных отношений, пытаясь создать *иллюзию* уместности или вовлеченности в социальную жизнь арт-продукции, не имеющей никакого отношения к реальному положению дел. Ну так что же нам делать в такой ситуации?

Уходите. *Бойкотируйте претенциозное искусство*. Пропускайте всё это говно, пропускайте свое выступление, свой «круглый стол» и призывайте всех последовать Вашему примеру. Идите в курилку или в паб, там Вы встретите своих единомышленников, которые отказались участвовать в этом лицемерии и между ними происходит *настоящая* дискуссия, они планируют свои акции, разрабатывают техники *проживания искусства*. Они обсуждают все это так же, как факты повседневной жизни, обсуждают темы находящиеся в самОЙ жизни, *среди* пересекающихся сообществ, так или иначе вовлеченных в жизнь этих людей. Надо развивать навык, который позволяет стать *временным членом* этого сообщества, а не интеллектуальным «наблюдателем», надо ВЗЯТЬ НАШ ДОМ С СОБОЙ.

И когда мы направляемся к новому дому, надо привезти туда старый; а на обратном пути захватить с собой новый. Мы не едем *на отдых*, чтобы разнести благу весть о том, что мы великие художники, мы едем знакомиться с людьми; надо брать с собой работы своих друзей и показывать их местным, а затем, когда мы вернемся домой, предъявить работы своих новых друзей своей обычной тусовке. Мы не разбрасываем имена, мы их собираем. А когда мы вернемся домой, *продолжим* участвовать в жизни того сообщества, в которое входили на правах временного члена. Мы продолжаем сотрудничество между *локальными* творческими (и другими) сообществами в обоих направлениях. Мысленно, мы не уезжаем и не возвращаемся, наши приоритеты остаются неизменными. Разговоры, которые состоялись *во время отдыха*, развиваются в совместные проекты, а аудитория превращается в приятелей.

Может ли такой подход оправдать «творческие» поездки? Конечно, нет. Лучше относиться к нашим советам как к особой форме раскаяния за слабость, ведь человек слаб. Когда Вы ошибаетесь, есть способ отчасти выйти из положения. Но не лучше ли вообще не ошибаться? Когда Вы делаете искусство, не путешествуйте; когда путешествуете, пожалуйте, *пожалуйста* - ПОЖАЛУЙСТА! – не делайте искусство, просто путешествуйте как *человек*, который *отдыхает*, а не как *художник*, который *работает*. ЭТО ОТСТОЙ!

postneoabsurdism@gmail.com

ГЛЕБ
КОЛОМИЕЦ

ДЭВИД
ШИРО

Иллюстрации Дэвида Широ (США)
Illustrations by David Baptiste Chirot

Перевод Глеба Коломийца

Окончание. Начало см. в 7 номере

Анархеология: интервью с Дэвидом Широ

- Творческий человек постоянно сталкивается с необходимостью делать выбор, избирать стратегию жизни. Попадали ли Вы в такие ситуации, и что влияло на Ваши решения?

- Когда я размышлял над этим вопросом, перед моим внутренним взором появился образ моего польского «отца» Вальдемара Ньеджевецки, такой внезапный и яркий, как будто он стоит рядом и говорит со мной, по обыкновению ярко жестикулируя. Я познакомился с ним, его сыном и другим молодым человеком по имени Кшиштоф когда был гастарбайтером в Голландии, на складе в получасе езды от Амстердама, где мы упаковывали луковицы тюльпанов на продажу. Это слишком длинная история, чтобы рассказывать здесь и сейчас. В последний раз я видел Вальдемара, когда приехал во Вроцлав, чтобы навестить его семью. Это было в 1975 году, тогда многие вещи в Польше как будто вышли из 30-х годов – телефоны, трамваи, автобусы и т.д.

Мой «отец» - я называл его Татто – (у меня был Инейской-Французско-Канадский дядя, которого мы называли Тато, как бы предвестник Татто) - так вот, Татто был героем, орденосцем, во время Второй Мировой он возглавлял отряд партизан, боровшихся против нацистов. Потом его взяли в плен и отправили в концлагерь Майданек. Там шейный отдел его спинного мозга пострадал в ходе «научного эксперимента», и впоследствии голова Татто иногда начинала резко вздрагивать, а через некоторое время приступ внезапно прекращался. Судороги подчеркивали его всплывчивость, взрывные жесты рук, глаз, рта, ног – всего тела – такая у него была манера выражаться.

Однажды мы шли с ним по улице, и он сказал: «Дэвит (Татто не мог выговаривать моё имя пра-

вильно) – когда-нибудь ты станешь художником, настоящим художником» - он скрестил свои пальцы, наподобие тюремной решетки – «Видишь? Даже в тюрьме у художника есть глаза и руки, чтобы творить – быть свободным. Жизнь – это тюрьма. Чтобы освободиться, надо уметь видеть и делать что-то. Мы всегда находимся в тюрьме, даже если не сидим взаперти».

Я помню его слова до сих пор, и буду помнить всегда, не только потому, что мне их сказал Татто, но и оттого, что они уже были внутри меня, с самого раннего детства. Не знаю, откуда они появились, но сколько себя помню, они со мной. Среди моих самых ранних воспоминаний есть одно – когда я стоял в своей кроватке, держась за деревянные прутья, и разглядывал формы и цвета, появляющиеся из трещин, пятен на потертых обоях напротив меня. Сквозь приоткрытую дверь я видел моего отца, который тогда учился в магистратуре; он сидел за столом, читал и что-то записывал в тетрадь. Моя мать работала по ночам, и я оставался в одиночестве часами, до тех пор, пока она не возвращалась домой и делала для нас с отцом бутерброды. Отец был постоянно занят своими исследованиями, поэтому я сам себе рассказывал сказки и развлекался, отыскивая смыслы в формах на стене.

Думаю, с тех пор не было ни одного случая, когда я скучал, т.к. даже в самом скудном окружении постоянно что-то происходит. То, что оживляет существо, имеет связь с формами, цветами, звуками, тишиной, намеками – со всем тем, что предлагают нам вещи. Когда мне ещё не было 2 лет, я узнал о существовании насыщенного и непрерывного энергетического потока, проходящего через предметы, сопряженного с их перемещением во времени. В своих визуальных работах и эссе я представляю вещи, слова, числа в процессе изменения, которое

порождается войнами, пожарами, повреждениями, погодными явлениями – всеми воздействиями человека и природы. Все сущее постоянно движется, в мире ничего по настоящему не останавливается; работа духа и ума непрерывна, и даже в состоянии бесстрастного созерцания я чувствую, что ток энергии безостановочен – в моей крови, в моём дыхании....

Когда я попал в Институт Криминального Мышления, я часами смотрел как в свете солнечного луча, пробивающегося через жалюзи, кружатся пылинки. Смотрел на пылинки или сигаретный дым – улавливал изменение в их движении, когда в комнате кто-то ходит или, когда зимний ветер задувает сквозь трещины в оконном стекле... В таком случае наблюдатель становится частью потока. Перемещение света и теней по потертому полу, прожженные окурками коврики на полу, пыль, которая движется от вибрации, вызванной речью – всё это открыло мне глаза, показало изобилие действий, происходящих одновременно, но на разных уровнях. Например, я могу сказать, что ковер и стены ветшают с разной скоростью – все это открывает реальность происходящего вокруг, позволяет отбирать материалы для работы, даже не прикасаясь к ним. В грязи, пыли, дереве, застарелых пятнах кофе на полу раскрываются множественные композиции, состоящие из движений и глаз и структур мысли.

Для того, чтобы учиться жить, художнику не нужны материалы или собственно художественная практика, достаточно учиться СМОТРЕТЬ, СЛУШАТЬ, находить способы делать картины, поэзию, прозу, эссе из всего, что попадает в поле зрения.

Например, эссе можно разглядеть в узорах, составляемых ветвями упавшего дерева или в куче мусора, сваленной на обочине – любой материал сопряжен с языком своего понимания.

- А что это за место, Институт Криминального Мышления? Не могли бы Вы рассказать подробнее?

- Несколько лет назад я был помещен на 90 дней в место, называемое «Институтом Криминального Мышления». Там происходило «исправление поведения» алкоголиков и наркоманов. Социальные работники Окруа Милуоки поместили меня туда, т.к. я был едва жив и несколько месяцев находился под воздействием психологической травмы. Мне было некуда идти, и, чтобы я не умер на улице, социальный работник из моей церкви нашел способ пристроить меня в Институт, дать шанс прийти в себя и поправиться. На самом деле, институт – это придаток (или «запасник») системы федеральных тюрем, куда преступники, так или иначе связанные с наркотиками, попадали перед тюрьмой и по окончании срока. Когда я стал «клиентом» Института, мне запретили рисовать, писать и читать, т.к. это «может конфликтовать с моим лечением». Я не обращал внимания на запреты и продолжал делать все то, что может делать художник в старом обветшалом здании.

По странной иронии, мне прислали журнал «KAIRAN» посвященный мэйл-арту и визуальной поэзии. Там было опубликовано моё эссе, о том, что создавать произведения из *отходов*, значит, совершать *отход* от понимания искусства, как чего-то отделенного от улицы, от того, что происходит вокруг нас. Я долго смеялся, потому что, вот он я, сижу взаперти и читаю собственные размышления о том, как это замечательно – работать на улице, на свободе.

Во время пребывания в Институте, я часто вспоминал жест Татто, и о том, что надо использовать каждое мгновение, чтобы учиться видеть, слушать и создавать «вещи» из мельчайших трещин на корпусе стиральных машин, которые стояли в подвале, где мы стирали наши вещи или отдыхали в «бытовке» с раздолбаным столом для пинг-понга и тренажерами.

Главное, что я вынес – искусство начинается со зрения и слуха, не нужны никакие материалы, студия, офис – достаточно лишь постоянно практиковаться в искусстве зрения и слушания, находить способы использовать все, что видишь перед собой или под ногами.

- Наверное, искусство смотреть и слушать дается с большим трудом?

- Кажется, что это очень просто, но со временем я стал замечать: немногие умеют смотреть и слушать. Напротив, множество визуальных поэтов стараются не видеть мир – все, что им нужно, находится на листе бумаги, а, глядя на мир, они узнают лишь знаки, символы, текст. С появлением Интер-

нета стало ещё проще игнорировать реальность. Гораздо больший интерес вызывает виртуальный образ, который становится способом «тренировки» зрения, как, например, в случае рекламы. Эти тренировки развивают только способность схватывать формы, расположенные на плоскости или в рамках «иллюзорной трехмерности» [монитора], и видеть только буквы, цифры, знаки, которые воспринимаются как «языковые игры». (Говоря об этом, я имею в виду визуальных поэтов из США, и вообще из Америки, которые время от времени создают «экспериментальные» работы, ориентированные на Слово, или, конкретнее, на букву). Огромный интерес в настоящее время вызывает асемическое письмо, которое остается именно что «письмом» и не требует от автора «точки зрения» на мир. Великий художник и эссеист Роберт Смитсон, называет это «искусством зрения», он писал, что настоящему художнику, достаточно только взгляда, чтобы создать произведение искусства, ему не нужны материалы. Этот вид творчества следует иметь в виду хотя бы потому, что он существует во времени, но не как объект. То, что существует как объект, становится тюрьмой для взгляда, может быть куплено и продано за цену, которая никак не связана с художником, цену, не стоящую того времени, которое он потратил, осваивая искусство зрения.

Художник может освобождаться от объектов, жить в мире, творя исключительно при помощи зрения, осваивая искусство зрения, «визуальное» творчество будет визуальным *per se*. Оно не будет зависеть от системы языка и значений. В зрении человек открыт по отношению к тому, что выражают вещи, и не будет накладывать свои умозрительные конструкции на мир.

- Вы пользуетесь только зрением, создавая свои работы?

- Когда я создаю что-либо, мои руки прикасаются к бумаге с одной стороны, а предмет – с другой. Руки, пастель, краска, встречаются и соприкасаются с предметами благодаря бумаге. Эта сверхъестественная встреча, форма «узнавания», чувствования, соприкосновения – одна из возможностей увидеть и услышать вещь... Так сама земля говорит от своего имени, почти непосредственно.

Прикосновение как возможность смотреть и слушать крайне важно для меня, я упражнялся в этом умении: работал в темноте, учился «видеть» руками и «трогать» глазами, а уши в это время слушали прикосновения и формы (об этом можно прочесть в некоторых моих эссе). Даже цвета звучат – можно бесконечно слушать цвета или созерцать звуки.

Так художник может освободиться от объектов, от любых зависимостей и работать в любых условиях. Умея работать в темноте, он не нуждается в освещении, в электричестве, которое, питает Интернет, а, следовательно, и искусство, размещенное в Интернете. Оно существует только благодаря электричеству.

Я работаю с минимумом материалов и денег, только с теми вещами, которые нахожу на ули-

це – и придумал для этого соответствующий лозунг: «Нужда – это ёбарь [motherfucker] вдохновения». Слово «ёбарь» очень запомнилось мне, я его постоянно слышал в Институте Криминального Мышления. Впрочем, и здесь, в моем непосредственном окружении, оно доминирует в межличностном общении.

Не сказал бы, что этот лозунг намекает на какую-либо конкретную творческую стратегию. Единственное правило, которое я определил для себя – прислушиваться к сущности текущего момента, мыслить и действовать спонтанно. Это правило помогает не бояться окружения, т.к. я доверяю сущности текущего момента – мне не надо оглядываться по сторонам, проверять, нет ли гопников в том месте, где я работаю. Меня не заботит, привлекаю ли я к себе внимание. «Я не ищу, я нахожу» – так говорил Пикассо, и я с ним согласен. Мой интуитивизм не требует разработки предварительных планов, я просто путешествую, брожу, не важно какова территория, по которой пролегает мой маршрут и насколько она обширна.

Эмили Диксон, один из моих любимых американских поэтов, написала: «Закрывать глаза – значит, отправиться в путь» и в другом стихотворении – «Чтобы оказаться на Молуккских островах, достаточно лишь пересечь комнату».

- Есть ли у Вас «идеальная модель» жизни и творчества художника? Можете ли Вы описать свой творческий метод?

- Я не знаю, как мог бы жить «идеальный» художник, у кого-то есть примеры для подражания, а я

всё чаще и чаще думаю о том, что все мои поступки ошибочны, я все делаю неправильно, все порчу, и надо об этом забыть, заниматься повседневными делами. Я постоянно говорю себе: «нужно быть гораздо более дисциплинированным, надо каждую минуту считать». Времени никогда не хватает, нужно научиться использовать то, что есть. Есть еще одна проблема, связанная с моим «методом» - я слишком заиклен на Импровизации, на работе со случайно найденными материалами. С одной стороны, я всегда открыт для полноты момента, ситуации, маршрута, но с другой стороны – можно незаметно и парадоксально впасть в зависимость от этого и бесконечно плодить незавершенные или мертворожденные работы – слишком уж размыты рамки.

Я надеюсь нащупать верный баланс, чтобы процесс шел плавно, чтобы у меня совесть была спокойней, нужна уверенность - все успел, все сделал. Так что, не имеет особого значения, какой метод ты применяешь, важнее быть открытым для момента и материала. Мне кажется, так лучше всего. Мне вообще сложно описать свой не-методический метод, за исключением тех случаев, когда задают прямой вопрос, как сейчас. Материалы и сущность момента – вот что помогает вступить в прямое общение со средой, в обмен идей, намеков, внезапных сдвигов, который происходит между художником и материалом. Единственное остается неизменным – надо работать каждый день, в меру сил, не важно, много ли будет «продукции», главное – что каждое взаимодействие с материалом при-

носит новые невысказанные понимания вещи и себя. Занимаясь творчеством, глубже понимаешь себя и мир.

- Насколько для Вас и Вашего творчества важна социальная и политическая тематика?

- В настоящее время в США существует предубеждение против связи искусства с социальной ситуацией, т.к. «политические стихи всегда слабые». Слабые в смысле формы. Сознание читателя сужено до формальных вопросов, и поэт занимается исключительно порядком слов. Работа с поэтической формой считается «экспериментальной, инновационной, трансгрессивной», потому что современная поэзия исчерпывается работой с «элементарными частицами» языка. Сегодня поэт забывает о смысле, о реальности; в плане лингвистического мышления любой сдвиг, любое изменение в ходе стиха кажется важным и значительным. Такая поэзия импонирует университетам и властным структурам – тем институциям, которые поддерживают такое искусство финансово. Сами поэты считают себя «новаторами, перевернувшими язык с ног на голову», «революционерами». Однако, со стороны, с позиции тех, кто дает на эти «революции» деньги, видно, что такое искусство ничего не изменяет. «Революция» в структуре предложения не подразумевает никаких изменений в общественных иерархиях и институциях.

Я часто обращаюсь к социальным темам, и не только в творчестве. Я распространяю через Интернет информацию о проектах в сфере мейл-арта

и визуальной поэзии, объединяя её с призывами к политическому действию – имею в виду сборы подписей, открытые письма и др. Я собираю информацию, распространяю её, и надеюсь, что появятся люди, которые найдут ей применение. Если кто-то обратит внимание на тот факт, что арт-проект соседствует с политическим проектом, он почувствует, что искусство и политика могут взаимодействовать, они не отделены друг от друга.

- Значит, те изобразительные средства, которыми Вы пользуетесь, тесно связаны с тем, что происходит в социальной среде?

- Последние пять лет я занимаю «временное жилье» для наркоманов и алкоголиков, где работаю и живу, мне оказывают социальная поддержка, я прохожу 12-уровневую программу, чтобы научиться жить без выпивки и наркотиков – долгое время я был наркозависимым, а позже и алкоголиком. В книге «Джанки» Уильям с. Берроуз пишет: «Джанк - не стимулятор, это образ жизни», и после, перед глоссарием, завершающим книгу: «Составить окончательный словарь из слов и выражений, понятия которых столь непрочно и изменчивы, просто невозможно».

Мне нравится эта идея, понимание языка как беглеца, всегда скрывающегося от преследователей – фиксированных значений, глоссариев, «интерпретаций» изменяющегося содержания слов. Я чувствую, как слова распадаются внутри меня и перерождаются во что-то новое – возможно, в новый язык, возможно, в хаос истершихся знаков, состоящий из поблекших, проржавевших, корродированных под воздействием времени, погоды и человека букв и чисел, которые находятся повсюду - на вещах, объектах, стенах, одежде, книгах... Язык в онтологическом смысле постоянно находится в процессе дезорганизации, и из этого «шума» или «хаоса» возникают новые, неведомые его формы. Я работаю с таким языком – нечетким, ускользающим, неуловимым. Это ризоморфный язык, Делез и Гваттари называли такую структуру «линиями бегства языка».

В «Тысяче плато» они пытались создать «набор инструментов», который можно взять с собой в мир, использовать в мышлении и действии, дополняя его новыми инструментами, взятыми из непосредственного окружения. Я уже писал, что живу с наркоманами и алкоголиками, кстати, среди них много психически больных людей – здесь я вступаю в область распада языка, в жизнь языка-беглеца, который продвигается во времени, чтобы скрыться от «фиксации», «поимки», «заключения». «Линия бегства» - в прямом и переносном смысле «пробегаёт» через это здание для покалеченных людей, которые находятся в разных степенях распада языка. Мне кажется, ризоморфный язык подразумевает постоянную дромоманию – со всеми движениями ускользания и шатания (как, например, в визуальной и саунд-поэзии). Эта линия бегства напрямую связана со Свободой, с поиском

территорий Свободы в этом мире. Я понимаю под Свободой такую ситуацию, в которой траектория линии бегства не может быть просчитана и изменена. Так движется взгляд художника, так создаются произведения искусства, так производятся действия ускользания, связанные с распадом языка в человеке и в природе. Этот стиль жизни я называю «жизнью в промежутке». Это похоже на жест Татто – его взгляд беспрепятственно проходил через решетку его пальцев. Свобода проявляется когда вещи оказываются Обнаруженными – не выдуманными заранее, не вооруженными каким-то значением или искусственно сращенным с ними концептом, а просто – продвигаясь в потоке вещей, Обнаруживая их, я Обнаруживаю себя.

- Ощущаете ли Вы связь между социальной революцией и авангардом? Какие радикальные течения оказали на Вас наибольшее влияние?

- Мои идеи касательно социальных действий и «ответственности» художника изначально были достаточно «романтическими» и вышли из книг, которые я читал в юности, которые на меня сильно повлияли. Например, книга Эдгара Сноу «Красная звезда над Китаем», работы Грэхема Пека о ситуации в Китае – он там жил некоторое время. Эти книги вдохновили меня в свое время – революция Мао ведь была значительным культурным, социальным, экономическим и политическим событием, как и революция в России, и весь последовавший период, вплоть до 1928-32 года, однако Маоисты не оказали такого влияния на искусство, как русские коммунисты. Я изучал русский опыт, чтобы понять, как искусство может быть революционным, как оно может поддерживать Революцию. Тогда все аспекты жизни становились революционными – это было для меня настоящим откровением, как и работы дадаистов, которые преодолели промежуток между искусством и жизнью, хотя это направление и не было политизированным. Единственное исключение - Берлинские Дадаисты, которые пытались совершить революцию, направленную против общества и войны, против империалистических сил того времени, против тех общественных устоев, которые настаивали на необходимости убийства миллионов – и ради чего? – ради Нации. Миллионы погибали, когда сталкивались демократия, коммунизм и анархизм. Кстати, анархистские идеи мне весьма импонировали, когда я был моложе, как и идеи дадаистов, те из них, которые были направлены против Государства и за Свободу.

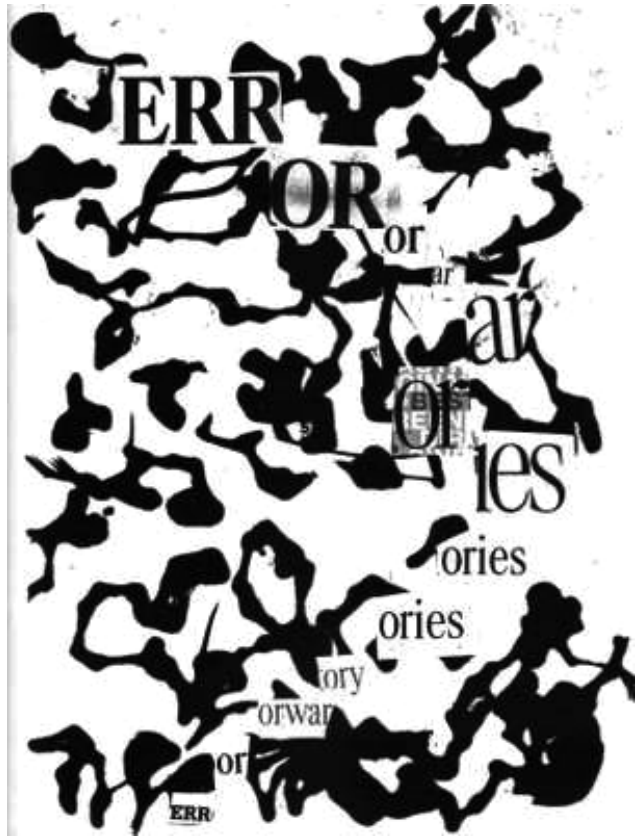
В общем, наибольшее творческое/политическое влияние на меня оказали русские футуристы и Дада, и, в меньшей степени, Рембо и Парижская коммуна 1871 года.

Всю свою жизнь я в большей или меньшей степени испытывал это влияние. Ещё в 1967-1971 году, когда я жил в Европе (я был тогда совсем молодым), я встречал примеры художников и поэтов, которые были вовлечены политическую и общественную деятельность - это была часть их повседневной жизни.

- Что происходит, когда сталкиваются Искусство и Власть?

- Кто знает, сколько жизней, мыслей, текстов, картин сгнуло по тюрьмам, в изгнании, сколько всего замолчали из-за связи искусства с политикой. Это часто становилось делом жизни и смерти, а значит, ситуация, когда политика и искусство встречаются, крайне опасна для автора. Меня всегда занимал вопрос, почему американские писатели, ставшие свидетелями насилия, и не менее жутких проблем, связанных с «ненасильственными методами», неизменно отказывались от прямого действия и переходили к «действию на странице». Когда они фокусировались на том, что происходит «на странице», на риторически оформленной действительностью, они становились «радикалами» совсем в ином смысле, чем были до этого, в их понимании «слово» становилось почти тем же самым, что и «действие». Чем дальше они отходили от прямого действия, тем менее опасными они становились. Их действия по иронии судьбы становились проторенным путём, по которому воинство Власти продвигалось с невероятной быстротой, исчезало всякое сопротивление – обществу, политическим лидерам, событиям. Государство в это время множило число войн, и тогда отказ от сопротивления становился «хорошим» делом, т.к. это обеспечивало писателю личную безопасность, отсюда и вышло «высокое» искусство, которое не выходит за пределы книжной страницы. Между прочим, такой «авангардизм» неотличим от традиционной пуританской линии американской литературы, от того, что Малларме называл «очищением языка племени».

Этот «пуризм» можно обнаружить и у Робеспьера. Основой Государства он считал Безопасность, которая имеет два базиса, являющихся одновременно целями и методами – Чистота (Пуризм) и Террор. Развитие «великих национальных государств» сопровождалось развитием форм Террора, который помогал удерживать граждан в послушании. В современных США функционирует закон о патриотизме и его многочисленные приложения – эта система проповедует принципы государственного пуризма, который противостоит терроризму. Государственный террор питается терроризмом, страх перед которым позволяет Власти развивать собственные методы давления, чтобы поддерживать в обществе ощущение страха, незащитности, тревоги, чтобы связать граждан цепью взаимодействующих систем, которые разрастаются вокруг Башен-Близнецов новейшего времени - Чистоты и Террора. Новый Пуризм поддерживает связь с исторической традицией, содержит долю пуританства, и в таком виде проникает в поры жизни – в мышление, идеи, поэзию и искусство. После 11 сентября значительно ужесточились правила в университетских кампусах, особенно в отношении всего того, что может быть связано с конфликтом Израиля и Палестины, а также того, что хотя бы отдаленно напоминает критику политики США и/или Израиля. Такое ужесточение значительно сужает

возможности к дискуссии, диалогу; создается впечатление, что существует лишь несколько строго определенных путей быть Чистым.

Это явление привело меня к исследованию легальных репрессий и их воздействию на социум. Когда репрессии становятся общепринятым фактом, нет ничего недозванного, и язык становится послушным материалом, который допускает изменение сути вещей, позволяет переименовывать их, делать неравными самим себе. Поэтому я изучаю историю терроризма и террора, пропаганды и рекламы, из которых Власть делает литературные «приспособления», vice versa. С этого момента наступает новая реальность, в которой поддельные материалы могут стать причиной войн, затрагивающих миллионы, или даже десятки миллионов людей, этот процесс молниеносно распространяется по странам Ближнего Востока. Меня интересует, как события и способы применения языка формируют общественное мышление, как Государство влияет на граждан, и как на это реагируют граждане: не только в форме отказа от применения насильственных методов, но и в форме ухода с улицы в пространство кропотливой работы над словом. Бегство от реальности, спровоцированное гиперреальностью, усугубляется ещё и тем, что язык подминает под себя всё, что попадает на его пути, подвергая переделке, создавая наилучшие материалы и идеи, питающие процесс «очищения языка племени».

- Благодарю за интересную беседу!

ЕВГЕНИЙ ПОВАЛЮБА

Перевод с украинского *Евгении Чуприной*

***

Что порноактрисы делают со своими детьми?
Как они их воспитывают?
Что они рассказывают детям про свою работу?
Как отвечают на вопрос: "Ма, а че ты такая уставшая?"
Или - когда малого захарит последняя версия
Need for Speed,
как выглядят объяснения, почему на одни
порносайты ходить можно, а на другие - дудки?
Вот я всё не пойму, как независимые женщины
совмещают домашние обязанности и карьеру?

Сито весны

Среди искореженных снегом трухлявых домов
усекающих небо, словно трамвайные колеи
плавают голуби носятся выхлопы текут
коричневой рванью тучи
бармены влюбляются в клиенток
с глазами как вишни, губами как перезрелые сливы
клиентки мечтают о массажистах и фитнес-тренерах
массажисты и фитнес-тренеры мечтают
об отпуске, о египте
однако в египет летят клиентки – отчаянно
соблазнять официантов уборщиков жиголо и таксистов
на крыше одного артритно трухлявого дома
небо уже прорвало шлюзы
скоро зима изойдет снегом и наводнение
небывалое в истории города
смешает все возможные влюбленности и любви
на линялой марле необозримо белого сита
и все будут счастливы сыты напоены вдоволь
исполненьем спонтанным вроде бы мимолётных
но таких неотступно цепких желаний
клиентки страстно примутся мыть посуду
официанты займутся фитнесом
таксисты будут проворно менять пепельницы
бармены с головой нырнут в аргентинское танго
массажисты позаботятся о бездомных котках
и только небо
голубем спазматически будет рваться
в голубых от голода пальцах весенних поэтов

***

этот мужик роется в мусоре каждое утро
это его район и его мусор
мужик роясь в мусоре говорит:
ЗДЕСЬ НЕТ НИЧЕГО ТВОЕГО!
так со мною общается мир
так общается мир со всеми кто его слышит:
- здесь нет ничего твоего так что пожалуйста
бери что захочешь!
только не забудь вернуть
это как в библиотеке
ты же ходила в детстве в библиотеку?
- да, ходила. Но я крала книги
- правда? Что ж тогда все равно
не забудь вернуть

делись с ближним твоим
даже если оно не твое!

А

AA
AA
AA
AA
AA
AA
AA
AA
AA
AA
AA
AA
AA
AA
AA
27 декабря 2009@01:41 am

***

кофейня где выключается свет
внезапно
прямо как смерть
СЛЕДИТЕ КОМУ ВЫ ДАРИТЕ ПРИКОСНОВЕНИЯ
в непроглядном мраке
рядом с черным толчком

когда
внезапно включится свет
и воюя с пуговицами ширилки
вы шарахнетесь от себя в зеркале
СЛЕДИТЕ КОМУ ВЫ ДАРИТЕ ПРИКОСНОВЕНИЯ
так завещало Радіо Промінь
так было сказано в радиопередаче
из радиоточки
во внезапно потухшем клозете
СЛЕДИТЕ КОМУ ВЫ ДАРИТЕ ПРИКОСНОВЕНИЯ
Не расставайтесь с любимыми всуе
Не наступайте на любовь
Берегите морских котиков
Берегите свет берегите электриков
Мрак следит за вами вслепую!

***

сегодня такой вечер когда некоторые
ощущают пространство не органами а цветами
связанными в букеты:
они не ненавидят не думают не желают и
потому не страдают
просто они задыхаются и медленно умирают
связанные в красочные букеты
сегодня такой вечер когда некоторые
читая специальный медицинский справочник
находят у себя все симптомы описанных там болезней
находят в сумерках симптомы приближающейся грозы
вынимают себя из кресла-качалки и ставят
в вазу симптомы

связанные в красочные букеты

сегодня такой вечер когда каждый может оказаться
тем самым некоторым, задыхающимся в пабе
пьющим пиво вяло о чем-то думающим:
то о звучащей прямо сейчас музыке
то о заклятом враге
то о симптомах
и даже возможно в какой-то миг он внезапно
замечает вокруг других,
задышающихся в пёстрых связках букетов

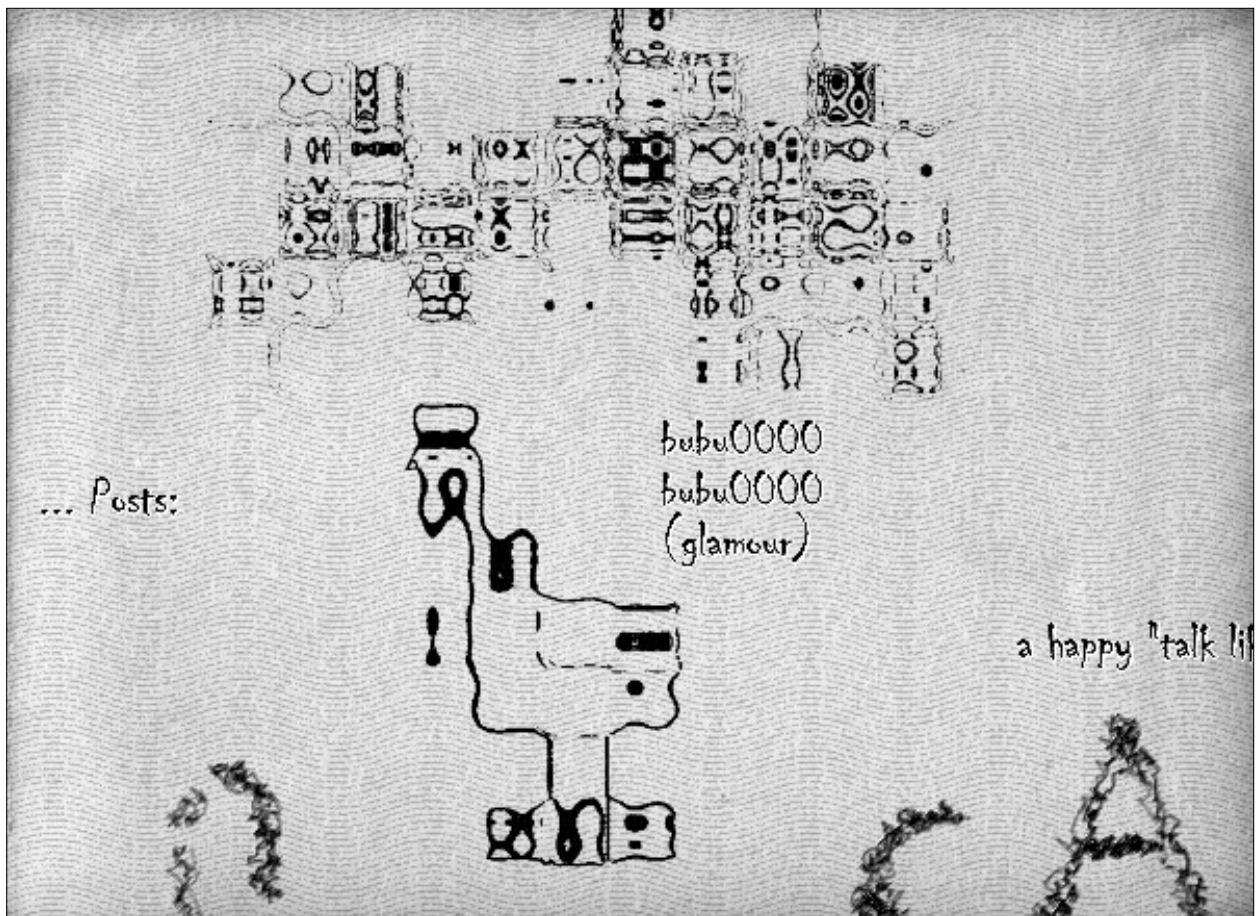
но это не производит на него ни малейшего впечат-
ления

***

есть люди
у которых
по неизвестным тебе причинам
ты хочешь лишь брать и брать

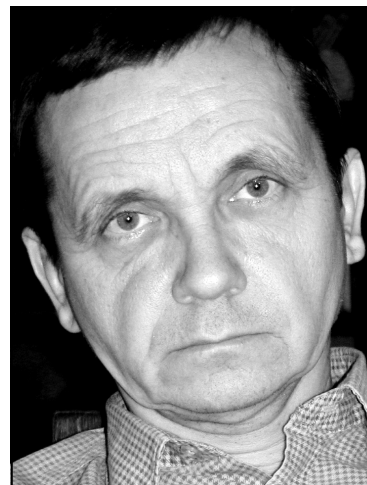
есть люди
которым
по неизвестным тебе причинам
ты хочешь только давать и давать

и есть не-люди
у которых
ты можешь только смиренно учиться
не беспокоясь о собственной человечности

Работа Дианы Магаллон (Мексика)
Illustration by Diana Magallon

Андрей Бычков

Репертуар

Иллюстрации *Нестора*
Illustrations by Nestor

- Оглянись.
- Кто там?
- Я.
- Кто говорит?
- Оглянись же.
- Но я оглядывался, но никого нет.
- Я здесь.
- Да где здесь, черт возьми?!
- Рядом с тобой.
- Но я тебя не вижу!
- Ты неправильно оглядываешься. Надо бы по-другому.
- Что за чушь! Что еще за «по-другому»? Кто говорит в конце концов?!
- Описать себя? Может быть, тогда ты меня увидишь.
- Ну?
- ...
- Почему ты молчишь?
- ...
- Слава богу. А то бред какой-то. Я думал только с другими.
- Я никакой. Или, точнее, я не знаю, как бы тебе себя описать. Однажды утром я был брюнетом. Но вообще-то чаще я блондин.
- Ты хоть во что-то одеваешься?
- Как бы тебе сказать, летом иногда хожу в футболке клуба «Динамо».
- Менты.
- А иногда - ЦСКА.
- Конюшня!
- Однажды ночью на Красной площади я гулял в форме полковника царской армии - довольно мятый синий мундир, который при ночном освещении казался фиолетовым. И только когда подъехала патрульная машина и осветила фарой...
- Зачем ты это сделал?
- Что?
- Зачем ты гулял там?
- Не знаю. У меня был такой период. Подобно нандовым рыбам, имитирующим сухие листья на поверхности воды, подобно нандовым рыбам, день за днем в неподвижности среди сухих листьев, ожидая...
- И они тебя не взяли?
- Кто?
- Ну, менты?
- Да нет, я сказал, что я актер, что я после репетиции в Большом, сослался на Григоровича.
- И они поверили?
- Да. Дело даже не в том, что они идиоты. Они, конечно, идиоты. Но в невероятное всегда легче поверить. Ты же веришь, что я здесь.
- Бред! Бред! Не желаю я это слушать! Убирайся, кто бы ты ни был! Пошел вон отсюда!
- Значит, веришь.
- Что?!
- Я говорю: значит, веришь.
- Что «значит, веришь»?
- Веришь.
- Что за бред собачий?! Да нет здесь никого!
- Оглянись.
- Спокойно, сейчас это все пройдет.
- Оглянись.
- Спокойно, спокойно, я ничего не слышу, никаких голосов.
- Оглянись.
- Никого нет, никого нет!
- Оглянись.
- Господи, да когда же это кончится?
- Оглянись.
- Что тебе от меня надо? Говори! Ты здесь...
- Мм-м... Я точно не знаю. Ну, как бы тебе это сказать... Что-то должно произойти между нами.
- Что? Между кем? Я же не вижу тебя. И вообще докажи как-нибудь еще, что ты здесь.
- Я о тебе много знаю.
- Что, например?

- Я знаю, что ты коллекционировал это.
 - Что это?
 - Это.
 - Ну что это? Заладил: это, это. Что я коллекционировал? Сейчас ты скажешь, что я коллекционировал. А я тебе отвечу наперед. Раз ты обо мне много знаешь, ну, значит, ты и есть мой бред, просто галлюцинация, и рано или поздно это пройдет. Ну не через минуту, так через двадцать минут. Ну включай свое «оглянись».

- Все люди что-то коллекционируют. Или коллекционировали когда-то. Марки там, монеты, значки. А ты вот... Да, а я, например, коллекционирую сыр.
 - Сыр?
 - Да, сыр. Я знал одну женщину, которая тоже коллекционировала сыр. Она это делала, чтобы быть ни на кого не похожей. А я, как узнал, так и сказал ей сразу, что я тоже коллекционирую сыр, а сам я тогда его еще не коллекционировал.
 - Зачем же ты тогда сказал?
 - Но потом же я стал его коллекционировать.
 - Но до этого-то ты же не коллекционировал его?
 - Да, до этого я действительно не коллекционировал сыр, и я сказал ей это специально.
 - Зачем?
 - Как бы это поточнее выразиться... что ли... как... В общем, я хотел, чтобы между нами что-то произошло.
 - Бред! Опять я попался на этот бред! Да что я схожу с ума, что ли? Господи!
 - Успокойся, ничего ты не сходишь с ума. Просто я существую на самом деле. И просто мы с тобой разговариваем. Да это же ничто, сотрясение воздуха. Что ты так бурно реагируешь? Успокойся, ничего же не произошло.
 - Да что, черт подери, должно произойти?
 - Я же сказал, что пока не знаю.
 - Хорошо, что произошло между тобой и той женщиной?
 - Да-да-да.
 - Что «да-да-да»? Что произошло между тобой и той женщиной?!
 - Да и я о том же. Ты просто не дал мне договорить. Я как раз хотел рассказать тебе о той женщине. Она была похожа на козу. Она должна была бы лежать в траве так, что ее не должно было быть видно. Ну если глаза на уровне травы или чуть выше. Конечно, с вертолета ее бы заметили, но так, если идти раздвигая руками, или при этом еще чуть-чуть нагнуться. Идти так, нагнувшись, то...
 - Ты убил ее?
 - Ну зачем ты именно об этом? Я говорю, что она должна была лежать на смятой траве. Высокая такая трава вокруг нее, стебли такие крупные. А я должен был идти по тропинке среди этой травы, или ржи там, или пшеницы, я не помню, что там растет. Я мог, например, идти за птицей, за перепелкой, например, которая бы летела низко вдоль этой тропы. Отлетала бы от меня метров на двадцать, а потом садилась и как бы поджидала, а когда я подходил бы поближе - вспархивала и отлетала бы еще вперед, низко летела бы, ниже уровня травы, вдоль этой тропинки. И я бы так шел, шел за птицей, а потом вдруг ни с того, ни с сего, раз, и пошел бы

вбок, в траву, и случайно увидел бы эту женщину.
 - И что?
 - И ничего.
 - Но ты же говорил, что между тобой и ней должно было что-то произойти?
 - Да. И потом это произошло. Потом - да.
 - А тогда, когда ты шел по тропинке и случайно пошел вбок, нет?
 - Тогда нет.
 - Потому что ты увидел ее в первый раз?
 - Нет, как раз все дело в том, что не в первый раз. Мы были уже знакомы, и я уже знал, что она собирает сыр, и она тоже знала, что и я коллекционирую сыр. Я уже сказал ей об этом, чтобы что-то между нами произошло.
 - Значит, постель.
 - Да не важно это - убить, постель... Не важно. Есть вещи и пострашнее, чем убить, и поприятнее, чем просто переспать. У каждого - свое. Понимаешь? Каждый свое хочет. Вот та женщина коллекционировала сыр, и она должна была лежать в траве, а я должен был идти по тропинке и случайно пойти вбок и увидеть ее. Понимаешь?
 - Ни черта не понимаю.
 - Ну что это невероятно, невозможно.
 - Что два человека собирают сыр и случайно встречаются где-то за городом, в поле?
 - Нет. Что я специально сказал ей, что я собираю сыр, чтобы между нами что-то случилось, а потом шел среди ржи или пшеницы и случайно пошел в сторону и увидел ее, лежащую на траве, например, с расстегнутой блузкой, с грудью немного вбок, вниз то есть, ну как вымя у козы, когда она повалилась и перекатывается, в глаза вам заглядывая.
 - Так было это или нет, черт возьми?
 - Это должно было быть.
 - А на самом деле ты ее все-таки...
 - На самом деле это и было почти. Я с той женщиной перезванивался месяца два, не встречался. А потом сказал ей, что что-то между нами должно произойти, раз уж мы - и она, и я - собираем сыр. И сказал ей, как добраться до того поля, и где, и во сколько ей надо там быть. И я сказал ей: что она хочет, то и будет. Я же не мог быть даже уверен, что она поедет туда, ведь по телефону мы довольно сдержанно разговаривали, а видел я ее всего раза три или четыре. И я до последнего не знал, чего она хочет.
 - Значит, ты все-таки...
 - Пойми, все дело в тебе.
 - Нет, значит, ты...
 - Молчи! Молчи-молчи-молчи-молчи-молчи. Не говори ничего. Подожди. Однажды, в другой раз... Я тебе сейчас другой случай расскажу, но это очень важно, очень, подожди, послушай. Это имеет отношение и к той женщине, и к тебе. Однажды я под электричку прыгнул из-за одного человека. Ему надо было, чтобы кто-то погиб. И я инсценировал самоубийство. Я это разыграл случайно как бы. Я про него тоже много узнал. Я с ним как-то ни о чем разговаривался в автобусе. И он мне, как случайному человеку, признался и сказал, что и денег бы для такого дела не пожалел. А потом мы в разные стороны разъехались. И он не увидел, что я незаметно

стал за ним следить и выследил, где он живет. А потом я подбросил ему письмо, чтобы он оставил в своем почтовом ящике на ночь деньги, много, больше тысячи, и произойдет то, чего он хочет, а если он, конечно, не хочет, то может и не оставлять никаких денег. Я же не знал, что он оставит. А он оставил. И я взял. И через пару дней еще письмо опустил, чтобы он был такого-то, во столько-то на станции одной пригородной у последнего вагона той платформы, что из города электрички принимает. Он пришел. Когда я его увидел, то пропустил две электрички, а потом прыгнул. Я все заранее рассчитал, за сколько до поезда прыгнуть и чтобы успеть распластаться между рельсами. А с собой для крови и для мяса у меня в мешке была связанная коза...

- Пошел вон!! Сволочь! Не желаю больше! Ни слова! Вон! Я уйду. Я просто встану сейчас и уйду.

- Уходи. Раз ты этого хочешь - уходи.

- Ну и уйду.

- Ну и уходи.

- Могу даже взять и побежать!

- Ну и беги. Что же ты не бежишь?

- Но ведь я могу побежать?

- Можешь, конечно. Но если ты побежишь, значит ты побежишь. Только ты, перед тем как побежать, оглянись.

- Да не хочу я оглядываться! Я хочу бежать.

- Беги. Только это, может быть, и произойдет с тобой, между нами то есть, на бегу. Многие вещи в этом мире случаются на бегу. Самые-самые разные. Кто, конечно, чего хочет. Вот страусы, например... На скорости восемьдесят километров в час самец догоняет самку и в беге они спариваются. Да-да-да! Честное слово!

- Заткнись!! Я хочу бежать, чтобы не слышать больше всей этой мурлы, чтобы просто бежать, видеть другое - деревья, столбы, думать о другом, слушать, как куртка моя болонья шуршит на бегу в конце концов.

- Стоп. Значит, ты не желаешь меня слушать?

- Не же-ла-ю!!

- И не будешь?

- Не буду!

- Хорошо, дай мне честное слово, что не будешь обо мне думать сейчас, когда побежишь, и тогда я от тебя отстану. И с тобой ничего не произойдет. Но смотри, если ты все же хоть один раз, пусть даже случайно обо мне подумаешь, тогда все.

- Что все?

- Все.

- Ну что «все»?

- Произойдет это. Между нами. Если ты обо мне подумаешь.

- Да что ты пугаешь? Что произойдет-то?

- То, что в тебе сидит. Какой ты есть на самом деле. Ты можешь внушать себе сознательно одно, а хотеть-то совсем другого. Так вот, произойдет в этот раз то, другое. Самое в тебе глубоко запрятанное.

- Хорошо... Что произошло с той женщиной?

- А зачем это тебе теперь? Ты же собрался бежать. А теперь вот опять начинаешь расспросы. Сейчас ты еще спросишь про того человека, видел он или не видел...

- Скотина.

- Ты откровенен.

- Да, я ненавижу тебя.

- Так ты даешь честное слово?

- Нет, не даю я честного слова. Потому что я знаю, что если я дам тебе честное слово, то все же подумаю о тебе, случайно, конечно, сам того не желая, но подумаю.

- Но почему ты не хочешь, не хочешь, чтобы между нами произошло это? Ты не уверен, что это - хорошее?

- Откуда мне знать. Ты же сам говоришь, что я не могу этого знать, что это во мне, а я этого и не осознаю.

- Значит, ты себе не доверяешь, так?

- Не хочу я больше отвечать на эти дурацкие вопросы!

- Но ты же не можешь.

- Что не могу?

- Не отвечать.

- Конеч. Еще раз, что тебе от меня надо? Говори свои условия. Я согласен, чтобы между нами что-то произошло... Я согласен на все.

- На все?

- Да, лишь бы только не слышать этого ничего больше.

- Но все уже и произошло.

- Что?

- Пока мы разговаривали.

- Да что же произошло?

- Мы поговорили с тобой, с меня этого достаточно.

Отрывок из романа «Нано и Порно», глава 2

А на совсем другом конце города уже жалась под одеялы раскаленная вульва. И конечно же, это была не просто какая-нибудь там вульва. А вульва жены Алексея Петровича. Да-с, именно жены! Незабвенной Ольги Степановны Осининой.

За окном в кустах орали коты. И все тот же тонкий запах сирени восставал над кустами, где они драли с азартом своих возлюбленных, вжимая их в грязную весеннюю землю.

Двенадцать раз пробило двенадцать часов.

«Где же он?!» – металась под одеялами Ольга Степановна.

И раскаленная желаньем кровать завизжала пружинами. Обнаженная, облитая лунным светом пизда Ольги Степановны засверкала электрической дугой. И Ольга Степановна и была вся – искрящаяся пизда.

О, как ей хотелось ебаться в эту душную соловьиную ночь. Сиреневые занавески кустов и раскаленные, выкатывающиеся из-за декораций фантастические колеса оргазмов. Громадные! И - алмазные! О, колесница любви...

«Но где же он, где мой исполнитель? Где рьяный кучер с кнутом, прикрикивающий *гони?* О, задыхающиеся слоны, мне не жаль ваших грустных глаз!»

Ольга Степановна Осинина от возбуждений уже прокусывала одеялы. Сладчайшая гора возбуждений обрушивалась на нее. В этом были, конечно, виноваты коты. В этом, конечно, была виновата сирень.

Пизда, - Ольга Степановна была вся – пизда. Она ждала, ждала и ждала своего героя.

Однако муж ее, Алексей Петрович Осинин, оказался совсем в другом месте.

- Потому что, сын мой, ты избран, - сказал ему наконец Хезко, снимая серый свой плащ.

Ресторан переваривал их. Дымные запахи жареных мяс роились и разжижались в сиреневом воздухе. За прозрачной стеной раздутые от удовольствия повара в белых накрахмаленных колпаках разделявали коня. Конь был, разумеется, бит. Хотя казалось, что все еще не бит. Что все еще жив, жив курилка! Тело его вертикально стояло, подхваченное серебряными цепочками, будто бы даже замершее на скаку. Струились под ножами надрезы и длинные розоватые полосы отделялись одна за другой от костей, ложась на деревянные доски. Стучали ножи. И зал жил словно бы в ожидании. В проходах пробежали официанты, поворачивая на бегу узкие змеиные головы и выглядывая интерес. Подносили с закуской, удовлетворяли... Хезко заказывал только «Smirnoff».

Выпили еще по сто грамм. Осинин начал было про силу психоанализа.

- Ерунда, - усмехнулся Хезко. - Ты избран иначе. Запомни, ты избран иначе!

Алексей Петрович лег на стол головой и лежал теперь, раздвинув пальцами тарелки с салатами.

Лежа на собственном ухе, с этой странной светящейся фразой в голове - «запомни, ты избран иначе», он слушал гул зала и разглядывал зал. Ресторанные люди теперь сидели как бы на одной из стен - меха были прибиты к полу, там же висели и охотничьи стволы.

А из противоположной стены горизонтально выростала виноградная люстра. Алексей Петрович подвинул голову, опрокидывая и разбивая бокал. Раздетый, освеженный конь стоял за стеклом. Его разбитая туша была залита светом, источаемым пластмассовой виноградной люстрой. Белые кости блестели.

- Сила психоанализа...

- Но ты же избран иначе, - повторил, наливая опять, Хезко.

Ресторан двоился, троился, щелкал, смеялся, свистел. Визжали от удовольствия. Вино и коньяк пьянили дамские головы. Басили мужчины, выпускали из папирос и сигар сизые толстые дымы, и выкладывали небрежно бородастые анекдотцы.

- А то так-то летят в самолете русский, калмык и еврей...

И подливали, и подливали.

Самодовольные ресторанные люди ожидали, однако, коня, запеченного в яблоках.

- А кто ты? – Алексей Петрович посмотрел на двоящегося господина, с которым познакомился недавно в троллейбусе, и который теперь, за рюмкой «Smirnoff» сидел напротив него.

- Господин Хезко. Ты же сам так назвал меня.

- Тип-перяча ясна...

- Да ты не грусти.

- А йа и ни грущу. Йа же догадался, кто ты и есть.

- А кто?

- Дьявол, кто...

Хезко вдруг как-то странно посмотрел на Алексея Петровича и грустно усмехнулся:

- А тебе все же надо бы признать свою смерть.

- Признать свою смерть?

Алексей Петрович даже слегка покачнулся на стуле.

- Ты же, как и я, русский. А мы ведь хотели ни больше, ни меньше, как спасти мир.

Стол поплыл и Алексей Петрович попытался нащупать руками его поверхность.

- У моего окна двойная рама, - сказал наконец твердо он.

- И от бездны тебя отделяет два стекла.

От такой откровенности голова Алексея Петровича обрушилась на стол окончательно. И на сей раз Алексей Петрович заснул.

- Конину! – закричали за соседним столом.

- Ко-ни-ну! – стали скандировать.

И уже понеслось отовсюду:

- Давай! Давай!

- Жареного!

- Конины давай!

Хезко с печалью огляделся вокруг. Свет вдруг погас. Крики, визги и гам, грохот опрокидывающихся стульев полетели со всех сторон. И тогда, не обращая внимания на хаос и мрак, Хезко спокойно взвалил себе на спину спящее тело Алексея Петровича и с достоинством вышел из ресторана.

Неудивительно, что в эту ночь нашему герою приснился длинный и странный сон. Это был даже не сон, а целый сериал снов.

Какие-то флэшмобберы собрались на одной из стан-

ций метро, чтобы выкрикнуть его, Алексея Петровича имя и тем самым почтить его память. Среди флэшмобберов были пожилой майор ракетных войск, скрывающий, что он майор и выдающий себя за подполковника; его, Алексея Петровича, аналитик – носатый такой Навуходносор; юная тусовщица с распущенными ноздрями; озлобленный панк; радостный скинхед; два неудовлетворенных своим бизнесом бизнесмена и шесть затраханых клерков, среди которых была и одна принципиальная девственница.

В голубую вазочку-урну, из которой когда-то был развеян его, Алексея Петровича, прах, были сложены прекрасные яблоки «джонатан». Согласно второму пункту завещания флэшмобберы должны были вкусить «джонатана» перед выкриком имени Осинина. Подпункт «а» предписывал им откусывать маленькими кусочками, начиная с блестящей, искрящейся поверхности кожуры, а потом, разумеется, - все глубже и глубже, продвигаясь к самой сердцевине. Подпункт «б» предписывал оставшиеся от яблочек косточки не глотать, а высаживать в хорошо унавоженную конями землю. Третий пункт гласил наполнять корзину яблоками до тех пор, пока не будут удовлетворены все флэшмобберы.

Здесь время сна вдруг как бы обращалось вспять и начиналась вторая серия. На таинственный экран сновидений выплывала теперь его, Алексея Петровича, жена. Плывла она под черной полупрозрачной вуалью и была под оной обнажена. Ольга Степановна держала за руку маленького мальчика, в котором сновидящий Алексей Петрович сразу же признал своего сына. Чуть впереди шла его, Алексея Петровича, черная строгая мать. Сам же он был насыпан в виде пудры в голубую вазочку с розовыми ручками-ушами..

Процессия торжественно опускалась на эскалаторе, не обращая внимания на интеллигентские выкрики за спиной - «Ну пожал-ста, дайте пожал-ста пройти!»

Опустившись на станцию, Ольга Степановна с сыном и черная гордая (с вазочкой) мать сели в последний вагон. Евангелие, разумеется, никто не отменял, и на следующей станции (центральной) они вышли из первого, чтобы, наконец, исполнить главный пункт его, Алексея Петровича, завещания:

«Прахъ мой развеять в метро».

Налетел последний прощальный порыв подземного ветра и разнес имя Осинина по холодным и одиноким сердцам, согревая их своею жертвенной смертью.

В третьей и заключительной серии сна Алексей Петрович торжественно лицезрел черный ореховый гроб, опускаемый на просторной железной станине в жадные струи огня.

Человек в сером плаще, по высшему из совместительств Господин Хезко и по легальной профессии директор крематория, сожигающего его, Алексея Петровича, тело, деловито поглядывал в маленький узкий глазок, приближающий уже готовую развернуть в свою изнужданную фетровую шляпу, директор наконец оторвался от глазка и поднял свое узкое лицо к зарешеченной лампе. Жестом конской руки своей он пригласил посмотреть на костер и самого Алексея Петровича.

Осинин увидел себя, с жадностью припадающего к глазку и с восторгом вглядывающегося в синие, раскаленные до бела, языки пламени, схватывающие бес-

сильный сопротивляться огню гроб, который был похож теперь на остов сожигаемого корабля. Черные железные ребра, сковывающие прогорающие ореховые доски, наливались тугим малиново-алым цветом, богато проступая из слепящего черным золотом огня. Но вскоре и они лопнули и обрушились. И обнажилась бессмертная черная сердцевина.

Рядом с Алексеем Петровичем застыли у глазка тринадцать флэшмобберов. Господин Хезко раздал им по десять золотых монет и попросил, чтобы они разъехались, унося в своем сердце образ Осинина, претворенного в черный свет. Он попросил их также, чтобы они поклялись не разглашать тайны и запечатал им уста священной пастой.

Выйдя из торжественного и мрачного здания все тринадцать флэшмобберов были словно бы во второй раз ослеплены, так прекрасен оказался явленный им мир в августовской степенности разбитого подле крематория сада - в той бессмертной тишине, когда слышен каждый шорох и каждый шаг, и когда каждое из малых движений мира словно бы несет в себе ту необъяснимую предназначенность, из которой мир и рождает неслышно сам себя, вновь и вновь в каждом из своих мгновений. Остановленные временем, все тринадцать не смогли удержать своих слез, словно бы это и были те самые слезы откровения, источаемые из вечно зеленого дерева смерти.

«Я, пожилой майор ракетных войск; я, девица с разнужданными ноздрями; я, злобный панк; я, радостный скинхед, я, Альберт Рафаилович... (и другие, о, да, и другие), составляющие тетраграмматон Ордена Летокрыла, доподлинно свидетельствуюем, что Мастер наш, господин Хезко претворил в нашем присутствии тело Алексея Петровича Осинина в черный свет...»

Алексей Петрович дернулся, открыл глаза и, наконец, проснулся.

Никого рядом с ним не было, и поначалу ему даже показалось, что он очутился где-то в нигде. Какое-то странное ничто словно бы окружало его – какие-то всплывающие коричневые диваны, блестящие горизонтальные и вертикальные штанги, овальные черные стекла, что-то до боли замыленное и затыренное, что он и не знал, как, собственно, и назвать. Вскоре, однако, из этого ничто выплыла и серая с красным околышем, фуражка.

- Ну, шо? – молвила ему фуражка. – Опять нажрался?

- М-мм, - промычал Алексей Петрович в ответ и отрицательно покачал головой.

- А какого тогда тут дрыхнешь?

-Иа... - начал было Алексей Петрович.

Но фуражка вдруг больно схватила его за шею и куда-то поволокла.

Очевидно эта таинственная с красным околышем и черным блестящим козырьком фуражка нажала Алексею Петровичу на какие-то тайные шейные чакры, так как он вдруг увидел перед собой восстающий из ничто бессмертный метрополитенный вагон, из которого и был в данный момент выволакиваемым в шею.

- Ну, шо, на протокол?

- Иа хотел бы... - тут Алексей Петрович замылся, но все же продолжил: - Пи...

- Пи?

- Пи-пи, - довыдавил Алексей Петрович и попытался

деликатно выразить свое желание руками. – Мне, понимаете ли...

- И часто?

- Д-да.

- Ага-а, - как-то зловеще ухмыльнулась фуражка. – Похоже, у тебя, паря, простатит.

Непонятное слово это потянулось к Алексею Петровичу своими страшными шупальцами, а вокруг даже едва не треснул станционный мрамор. Из-под вздыбившейся фуражки тем временем появились огромные усы.

- Простатит, - зачарованно повторил Алексей Петрович.

- Вот я и говорю, - еле слышно прошипела усатая фуражка.

И словно бы изогнувшись тяжелой мраморной балкой стала нависать тут над ними обоими пауза. Пауза нависала так долго, что казалось, как будто она размышляет, разрываться ей, на хуй, или не разрываться. И наконец разорвалась.

- А знаешь шо?! - разорвалась вдруг пауза так, что даже брызги слюны ее неприятно похолодили Алексею Петровичу лицо. – А у меня-то тыть тоже простатит!

И фуражка радостно зашевелила усами:

- «Простанорм»-то пробовал? Или эта, как его, лучше «витапрекс»?

Тут фуражка глубоко-глубоко вздохнула.

- Ладно, дуй, давай, - ласково сказала она. - По эскалатору и направо. Да до выхода чтоб дотерпел.

Алексей Петрович икнул, пожал появившуюся откуда-то из-под фуражки волосатую руку, и, словно бы подхватив сам себя, понесся по ребристым, аккорде-

онным ступенькам. Они тянули его наверх, навстречу размашистым стеклянным дверям. И вот уже выбрасывали на улицу, где Алексей Петрович наконец мощно облегчался на какой-то гранитный куб.

Заправив хер свой обратно в штаны, он тупо посмотрел на обмоченную стенку гранита. Ему вдруг показалось, что сверху на него кто-то укоризненно смотрит. Алексей Петрович поднял взгляд и увидел над собой огромные копыта. Каменный всадник сверкал в свете звезд и луны.

- Ну, чё, бля, пялишься, - сказал ему памятник. - Доставай записную книжечку.

Алексей Петрович достал блокнот, который всегда носил с собой.

- Итак, записывай, - сказал ему памятник. - Первое, мир не спасти, ни хуя не спасти. Это ты уже знаешь и без меня. А теперь пометь себе, пункт второй: но спасти, блядь, можно и нужно! Третий: и без жертвы тут не обойтись никак. Четвертый: а где жертва, там, сука, и казнь. Пятый: каждый сам, на хуй, волен выбирать себе казнь. Шестой: в казни обязательно должны участвовать интеллигенты. Понял?

Алексей Петрович кивнул. Все шесть пунктов были ровно законспектированы им в столбец.

- Ну тогда пока все, пиздец. Теперь – детей зачинать!

- А как вас, извините, зовут? – восторженно спросил Алексей Петрович.

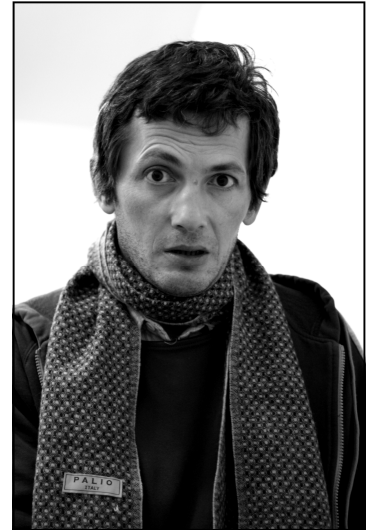
- Давай, съебывай по быстрому. Узнаешь еще, как меня зовут. И чтоб, блядь, не оглядывался!

Алексей Петрович спрятал записную книжечку и побежал рысцой.

Виктор Махараджа

леттрон

Малые Урюпки 22 часа вечера, пятница

молодые люди расходятся парочками с танцев, забываясь в укромные углы
Одни из них - Ася и Вася - сидят на расколбасе и когда Ася уже подлезает под руку Васе и по привычной логике событий Вася должен ладонь на коленку положить ей и расстегнуть лиффон он неожиданно произносит ...
я...

... леттрон ...

...

Вася, ты что!, - охуевает девушка - литроманом у нас называется алкушка
нетнет перебивает её Вася (водка тут ни при чём)
ты лучше послушай, послушай-ка...

рассказ Васи

«поэзия, литература, буквы — это как наркотики (детка) действует на мозги
начнёшь и ничего хорошего (детка) не ждёт тебя впереди
допустим сидя в своих Малых Урюпках полюбишь стихи какого-то местного Вани Пупкина
от него же узнаешь про автора помаститее — скажем Хуюпкина Витю
Его стихи понравятся сильнее, потом в районной библиотеке или галерее услышишь Дюшу Хуюшкина и подумаешь — вот это значительно лучше
Дюща даст тебе книжку Дементьева (Есенина) или Асадова, ты прочтёшь и воскликнешь — вот то что надо!
и дальше уже сам,,, начнёшь выискивать сонеты и оды всё более и более талантливых авторов для буквенного, т.е. леттристического прихода
Мозгам всё равно, понимаешь, детка (мозгам всё

равно) — прочтёшь ли ты вдохновенное сочиненье поэта или сожрёшь химическое говно
Эффект одинаковый (детка) — сплетаются синапсы, нейромедиаторы трепещут что-то типо того...
... и тебе хорошо ....

как с любой дурью, с поэзией та же закономерность - необходимо усиление дозы, но тут хотя бы потребляешь не мерзость, не таблы и не ширки, а всё более и более прекрасные стихи (стишата, стишцы, стишочки) — талантов полёт и гениев дерзость пока наконец не дойдёшь до крайней точки и вот ,, , когда и Блок тебя в конец замает, и Пастернак и Цветаева и даже Некрасов с Кушнером станут вдруг беспонятными ты наконец понимаешь — теперь нет никого никуда есть только Пушкин!
только Пушкин вставляет
только у Пушкина стихи настоящие
только это — пайка моя!

Так что прости меня Ася, не ублажу тебя я - я устал, у меня не стоит
безнадёжный я леттрон и конченный человек
только буквы, только рифмы только стихи только Пушкин мне доставляют ...
только он; и ещё немножко Шекспир,
ну и может ещё самую чутку Уэльбэк...»

с этими словами Вася снимает руку с плеча Аси хватает томик и трясущимися пальцами быстро-быстро (быстро-быстро) начинает перелистывать, упиваясь страницами жарко шепча «на ушко» каждому стиху - «ох никуда себе! кайф!! , это круто!!!, ништяк!!!!, ояебу!!!!!!...»

Случай в квартире

Рубашкин и сорочкин к майкину пошли — последние бумажки полночки пропивать и рубли.

Приходят, видят майкин на Блузкину залез ей болтик вставил в зайку и делает пиздец.

А тенискин с футболкиным припрятались в углу и жадно лупят (аж осколоки) другд друга скамейкой по еблу. С ними рядом ходит советник башмаков и советует «ребята, не жалейте кулаков»

И тут уж входит Траузерз канечно же скорей, конечно же еврей, конечно с верхних этажей сказать им свой соображей:

И говорит, «я сочинитель басен и я поэт стихов но здесь такое нихуясебе, что уж не до стихов давайте ка покурим какой-нибудь гашиш (я недавно гулял по бульвару, двух прохожих нечаяно зашиб)» тогда они берут шляпкина и носкова и юбкину берут, (которая было спряталась с босоножкой в другом одном углу) И весёлою гурьбою идут бухать бухло ещё в одно такое тайное но дальнее угло.

Вот так — казалось бы обычный всего лишь брючный один еврей Бычарню им разбычил и установил привычный порядок у родных дверей.

Мои волнительные струны

Такая осень за стеною
 Что не поверишь, что зима
 Хоть поле информационное
 Твердит — «погода спасена»*
 в поле лысом
 настоящим
 Гуляют
 мыши
 и ветра
 и говорят «ну что за блядство?»
 Уж снегу выпasti пора!»

Ждёт терпеливая природа
 Точит лыжи и коньки
 Но лишь со звуками гороха
 Стучат в карнизы капельки
 « Бум-бум- бум-бум
 Бум-бум-бум бум
 Пупум-пурум
 Пурум-рум-рум»
 А человек скрипит и думает
 «как много в теле чутких струн:
 Струна колышется под локтем
 Струна в покошенном хребте
 В колене колет и колотит
 И дребезжит ещё кое-где

А самых толстых три:
 в макушку
 Стреляют, в Душу бьют и в пах
 Ах!
 Будь я сейчас тут пушкин –
 Прекрасно бы сказал в стихах»

ВЫКЛЮЧАТЕЛЬ СТИХОТВОРЕНИЙ

Самостоятельный
 самолежательный
 самосидетельный
 самосадец

самовставательный
 самоходительный
 самобежательный
 самосадец

смотрит он на монитор развлекательный
 и в нём находит сайт содержательный
 где есть чертёж один замечательный
 (увлекательный)
 из гаек пластинок винтов и держателей
 он собирает прибор замечательный
 щёлкает пальцами переключатели
 и выключает это стихотворение

вот и всё

ВЫКЛЮЧАТЕЛЬ СМЫСЛА

шарообразно
 кубообразно
 и даже порою тетраэдрообразно
 безднообразно
 разумообразно
 и
 безобразно
 и
 разно-образно

думает в своей голове человек
 и вдруг залетает в нейроны нейтрино
 и даже какой-нибудь Хиггса базон-молодец
 и начинает закручивать мысль не туда
 шарообразно-кубообразно
 и даже тетраэдрообразно
 и безднообразно и разумообразно
 и безобразно и разнообразно
 но не туда
 какая-то левая чудо-нейтрино
 и кривоспинный базон-молодец
 но разнообразно но
 раз но об раз но
 два но об два но
 три но об три но
 тризно об тризно
 и выключается
 нахер (сразу) весь смысл
 и вот и всё

Выключатель женщин

раскольников — студент
мыслитель мыслей и мудрец
бродил ночному петербурху
жил на проценты
от старух процентщиц
в руке носил и прятал в бурку
он выключатель
выключатель он
он выключатель
выключатель женщин
и вот и всё

ведь как известно
женственность
является как будто топливом (или едой) для старос-
ти
и соответственно -
старухи — это женщины с истёкшим сроком давно-
сти

он выключатель
выключатель
выключатель
он выключатель
женщин
бродил ночному петербурху
мыслитель мыслей и мудрец
раскольников — студент

Этюд выходного дня

раз
Пересвет и Полусвет
к Светлане грянут как-то ночью
и шепчут ей — «какой пиздес
тебя мы хотим страшной хочюю -
большим хотением любви»
и
итд
и се
ля ви
на что прекрасная Светлана
наркотек выковырнув из кармана
и говорит -
«про то что здесь
любой дурак напишет песь
и пьесь напиш любой дурак
(как реализы эти пОшлы)
а ты попробуй-ка про то что
не здесь не есть нигде никак ...»

в другой какой-то кактораз
к ней недосып и перекокс
и недород и плексиглас
пришли с такой же незадачей
и молвят ей ""татяна! О
давай-ко мы тебе письмо
с своей любо
вью нахерачим""

и отвечает она им
как ко-ко-ко-лам

ка-ка-ин
и говорит -
"про то что здесь
любой дурак напишет песь
и пьесь любой дурак напишет
развсыяческий дурак
а вы же
попробуйте не то что ближе
а то что вообще не есть!"

И были также перенос
и недолёт
и пустоцвет
и также полу-пансион и ол-инклюзив
(или нет)
и даже каже
тсья
ин-фолио с ин-кватро
Ульяна
(или может уж Наина)
им тама перепутала все карты (или может уж карти-
ны)
и так:
<<ну что ж — что есть, что нет — запуталась грани-
ца - как будто ветер сделался вдруг видимым для
нас
и сразу же столкнулся
с какой-нибудь прозрачной птицей... >>>

весна пришла*(колыбельная)*

Психиатрический детектор, тоесть доктор
гуляет по зиме души моей
и пьёт
и пьёт
и пьёт свой проктор
и биттнер и бифитр и гэмбл
мне ж остаётся лишь украдкой
за глядывать за собств. мыслей глыбы
- эй ты, отродыш эскулпский
ты на ментальных санках, там,
на умственных коньках,
на эмоциональной льянке,
или на суггестивных лыжах?
На гипно-снегоступах по сугробам ты порхаешь
или на онтологических мотосанях
талассу (Θάλασσα) ли салазок применяешь
или обычный эмпирический сквозняк?
аналитический мой доктор мозговой
ау ты где ты?

и тут выскакивает он — ни лыж, ни санок . Ни конь-
ков -
на нём лишь валенки-воображаленки надеты —
красивые
с калошами, галошами, гамашами, с резьбой
и говорит « смотри! Зимы души твоей уж нету
да и снаружи вижу уж зима закончилась - яволь
как пряник расписной,
как ярко-красное людимое индиго
и нового тотчас завидя психаря
забыв об всём уж пробегает мимо
и через ухо углубляется ему прям в разум в тихаря

Пленительные звуки

дальние птицы на небе закричайки
верхние чайки на небе закрепицы
а а а как вы летаете без печайки?
и голос тонкий и длинный словно спицы

селезень кряхтя крякает селезёнкой
в смысле, «« где ж ты моя сёлёзёнька на кого ж ты
мене покинула
и слёзы-селёзы капают звонко
как молоко с вымени

гауляйтер гуляет по китаю-разгуляю
будто смотрит дальних мандаринок стайку
и говорит
(как вы летаете без печайки)
и говорит

Шесть Исцеляющих-Целительных Звуков
1сссс2ву3шшшш4хххААА5ху и хи
для лёгких, почек печени сердца ног и рук
для каналов цы и для отвода мочи

говорит 7 испепелительных вздохов
и 8 исцеляйтерных стуков
и говорит 9 (девять) — цилиндров-охов
и ещё 10 истребительных ёбов
и ещё 11 вывихов бифуркации
и 12 зверей календаряции
и говорит
искусство бывает фебово,
герметическое и дионисийское, бя
некоторые думают, смысла не было
но это без учёта тройного обогревателя

Насекомый монорим-крылорим

часть 1

сверчок,
щелчок,
строчок,
скачок
и стрекочок,
и светлячок

построились в шеренгу
и рассчитались на полезный-вредный

полезный вредный
полезный вредный
полезный вредный

полезный -
иди скачи в степи железной
вредный -
иди еби вредителей в очок
каких-нибудь там тлей пучок
наподобие какой-нибудь там жужлецы облезлой

часть 2

крылов шаром бежит бегом
за крылышкуем-стрекозлом
или, как знать, за стрекозлою
и думает сам мыслию злою
"...у ляфонтена спижду я
езопов старенький сюжетик
а после Родина прелестная моя
заменит смысл в слове "кузничик"
в смысле
ту стрекозу, что я имел в виду -
родню кобылки с саранчою
заменят на совсем не ту
заменят быстренько еёю
на стрекозу которая родня
как раз красоток с коромыслом
вот так вот обменявшись смыслом
они сюжет мой у меня
блин, уведут куда не надо
уж лучше бы водились здесь цикады
ох, это было б лучше, бя!"

дополнительная 3-я часть

итак, стрекозами называли во времена Дедушки-
крылова кузнечиков, а как же называли самих стрекоз?
а вот как:

зеленая бабка / большое коромысло / лютка / стрелка /
дозорщик-император / дриада / фатима / красотка /
красотка-девушка / дедка обыкновенный

А вдруг и это еще не пиздец

А вдруг и это еще не пиздец

А вдруг и это еще не пиздец

А вдруг и это еще не пиздец

А вдруг и это еще не пиздец

А может это еще не пиздец

А может это еще не пиздец

А может это еще не пиздец

А может это еще не пиздец

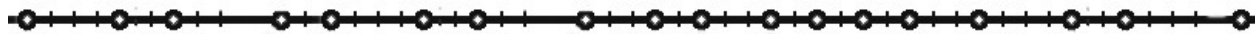
А может быть это совсем не хуйня

А может быть это совсем не хуйня

А может быть это совсем не хуйня

Работа Эдуарда Кулемина
Illustration by Edward Kulemin

Брайан МАСЕУММИ

Битва за Восприятие Сила, владеющая временем

Политические синкопы

«Мы помним то, что не можем увидеть» - этими словами Губернатор Нью-Йорка Джордж Патаки открыл Съезд Республиканской Партии 2004 года, намекая на свое почтительное отношение к «невидимому» ныне Международному Торговому Центру. Цель съезда состояла в том, чтобы на волне «войны против терроризма», последовавшей за событиями 11 сентября, протащить Джорджа В. Буша на второй президентский срок.^{[1]} По прошествии лет, отделяющих нас от пепелища на месте Башен-Близнецов, мы понимаем, что происходят необычные циклические процессы: волна «войны против терроризма», по своему воздействию напоминает океанский прилив, который смыл причалы, разрушил дамбы и оставил после себя «дары моря». Политические ландшафты в тех местах, куда он добрался, теперь выглядят по-новому. Высказывание губернатора – не просто риторический финт, оно указывает на суть произошедшей политической реконфигурации. Эта реплика сообщает о том, что в зазоре между восприятием и памятью буйно разрастается политическое. Мы привыкли к ситуации, когда отношения между памятью и восприятием постулировались как единые и последовательные. Однако, Патаки вводит синкопу и привычная связь распадается: память и восприятие становятся аритмичными, сбиваются с шага. Нам известно лишь то, что настоящее рассогласовано с тем, что, по идее, должно заимствоваться из прошлого, и аффективный импульс, нагоняющий нас из воспоминания, запаздывает. С этого момента невозможно полное совпадение между памятью и восприятием. А значит, на смену дискурсу о репрезентации как политической категории приходит дискурс о времени. Время становится неотъемлемой частью политики, когда мы вновь задаем себе вопрос: каким образом происходит политическое влияние на отношения между настоящим и прошлым (или отношение прошлого к самому себе)?

Кьеркегор выделял два режима памяти – воспоминание и повторение: «Воспоминание обращает чело-

века вспять, вынуждает его повторять то, что было, в обратном порядке, подлинное же повторение заставляет человека вспоминать превосходить то, что будет».^{[2]} Таким образом, воспоминание обращается к тому, что было, а повторение – воссоздает то, что ещё не произошло – память о будущем. В этом нетрудно разобраться, если понимать повторение как род предписания самому себе, т.е как привычку. Мы говорим, что у нас есть привычка, но, на самом деле, она владеет нами. Это некий автоматизм, который захватывает нас, становится нашей натурой. Природа автоматизма состоит в том, что он не отображается на радаре осознания. Мы смутно осознаем привычный акт в ходе его завершения и можем непосредственно осознавать лишь его последствия. В тех случаях, когда мы можем уловить автоматизм «в процессе» и решить, будем ли его завершать или нет, действие перестает быть привычным. Автоматизм самостоятельно принимает решение о выполнении действия, это его структурное свойство. Это самовоздействующая сила, приходящая из прошлого, и проявляющаяся в своих последствиях. Момент совершения привычного действия, его настоящее время, аннулируется. Происходит синкопирование времени, когда пропущенный удар ритма – это то «сейчас», в котором производится действие. «Сейчас» наступает только в момент осознания его последствий. Настоящее время активно вторгается в будущее. Мы обычно думаем о привычке, как о «пустом» повторении, причем «пустом» по природе. Однако, Кьеркегор, Ницше и Делез считают повторение позитивной силой, направляющей прошлое в будущее. Это позитивная, организующая и даже творческая сила времени. Такой подход неявно подразумевает, что повторение можно захватить и сделать инструментом, процесс вытеснения «сейчас» привычного действия управляем.

И этот факт известен Министерству Обороны США. Во всяком случае, судя по современному состоянию военных теорий, которые формировали военную политику США с момента падения СССР и определяли приоритетные направления работы научно-

исследовательского подразделения министерства - Управления Перспективного Планирования Оборонных Научно-исследовательских Работ (DARPA). Исследуя феномен повторения применительно к войне, Министерство на пару шагов опередило Губернатора Патаки. Военным тоже известно, что существует привычка помнить то, что нельзя увидеть, а также то, что вопрос политического влияния на «сейчас» критичен для «войны против терроризма», которая была так громко заявлена администрацией Буша и которая скрыто присутствует в политике Обамы, несмотря на формальное отрицание оной. Однако, новая власть идет дальше - к философскому осмыслению позитивной силы повторения, которое не может быть «пустым», и даже такая банальная вещь, как привычка, принимает участие в реализации творческой силы времени.

Внимание – это базовая привычка восприятия, её значение не следует преуменьшать. Всякое осознание начинается с какого-либо изменения, сдвига. Мы рефлекслируем, управляя сдвигами нашего внимания. Но стоит только обратить внимание на «обращение внимания», становится ясно, что не мы его направляем, а, напротив, оно направляет нас, втягивая в «настающее» восприятие, которое настает как последствие. Внимание – это автоматизм восприятия, который помечает некий сдвиг в перцептивном поле как новый или потенциально важный и формирует осведомленность об этом сдвиге. Внимание сигнализирует о необходимости реакции на изменение или о появлении возможности действовать. Следующее восприятие, в которое оказывается втянут воспринимающий субъект – это встреча раздражителя и реакции, действия и противодействия. Современные исследования восприятия подтверждают, что внимание – это привычка, и свидетельствуют в пользу того, что внимание происходит в повторно вытесняемом «сейчас».[3]

Возможность политического управления вытесненным «сейчас», которую «высказал» Патаки, следует исследовать в контексте изменений в военной доктрине США за последние 20 лет, охватывающих «весь спектр» направлений.[4] По словам Ульмана (Ullman) и Вейда (Wade), авторов книги «Шок и Трепет», одной из классических работ по военной доктрине[5], происходит расширение военного влияния в «серые зоны, включая Невоенные Операции». Расширения сферы боевых действий за пределы классического «поля боя», в области, которые традиционно принадлежали только гражданским институтам, это прямое следствие размывания границ современной теорией войны, которая предлагает новый архетип врага – место солдата регулярных войск занял «террорист». Умозрительный образ врага – уже не армия и управляющее ей централизованное государство, а напротив – диссеминированная сеть – заявляют «живые классики» военной теории Арквила (Arquilla) и Ронфелдта (Ronfeldt), авторы книги «Сети и сетевые войны» («Networks and Netwars»).[6]

Эта сеть постоянно ускользает. Она сливается с населением любой территории, способна проникать повсюду, «не имеет границ и постоянно разрастается» (Arquilla/Ronfeldt 10), постепенно внедряется в технологические и коммуникационные «нервные

волокна» общества. Её атаки происходят без предупреждения и рассредоточены по всему территориальному полю. В рамках террористической сети нет точек с четко определенным местоположением. Зона покрытия Сетевой Войны потенциально совпадает с социальным и культурным пространством человечества. Эта теория безвозвратно размывает границу между гражданской и военной сферами. Другие зоны размывания возникают как закономерное следствие: например, исчезает разница между наступлением и обороной. (Arquilla/Ronfeldt 13)

Когда исчезает четкая граница между гражданским и военным, между обороной и нападением, невозможно сказать, где начинается и заканчивается действие силы. Боевые действия предельно расширяют свой спектр, они образуют континуум, располагающийся между двумя полюсами или пределами. На одном из них – традиционное приложение «силы к силе».[7] Этот полюс связан с традиционными «единицами» войны – битва, осада или оккупация. На другом полюсе находится нечто называемое «мягким воздействием».[8] На первый взгляд, мягкое воздействие – это использование информации и дезинформации в военных целях, а также применение «пси-войск» и ведение так называемой психологической войны. Арквила и Ронфелдт характеризуют «мягкое воздействие», как «эпистемологическую» войну, т.к. она имеет дело с тем, что люди знают или считают знанием.

Конечно, эпистемологическая война появилась не вчера, но в настоящее время её парадигма существенно изменилась. То, что сейчас называется мягким воздействием, традиционно служило вспомогательным средством, поддерживающим «жесткие» воздействия. Оно вторично по отношению к столкновениям по типу «сила к силе». Мягкое воздействие было лишь добавкой, чем-то вроде дрожжей. В наше время, по утверждению Арвиллы и Ронфелдта, любой конфликт по природе эпистемологический. Мягкое воздействие становится базисом войны, что является необходимым следствием расширения спектра военных действий. Война престаёт быть точечной, как и сражение, она становится вялотекущей, но непрерывной, теряет свою территорию, как и оккупация. Боевые действия ведутся повсюду. Базовая характеристика отношений «сила к силе», присущих жесткому воздействию, глубинным образом связана с понятием трения; материя против материи, металл против металла, снаряд противостоит броне, металл принакает в плоть – плоть разрывается на куски, размазывается по твердым поверхностям. Сила нападающего противостоит силе обороняющегося. Конечная цель взаимодействия по типу «сила к силе» - возникновение трения.[9] Когда происходит лобовое столкновение с врагом, его сила постепенно иссякает в ходе экстенсивных серий боевых тренировок. Цели и средства традиционной войны мучительно вещественны.

В современной войне такой тип взаимодействия теряет свою определенность и подменяется ожиданием. В наши дни невозможно находиться в гуще боевых действий, напротив, имеет место разреженность бесконечного ожидания, когда конфликтующие стороны задерживают любое действие. Базисом войны становится постоянная сдержанная боеготовность.

Все и всегда находятся в состоянии боеготовности. Столкновение по принципу «сила против силы», ярко выделяется на фоне длительного состояния, которое Вирильо назвал «небоевым», за годы до того, как оно стало навязчивой идеей как военных, так и гражданских лидеров.{{10}} Когда происходит прямое столкновение, жидкий бульон постоянного небоевого конфликта мгновенно вскипает.

Мягкое воздействие – это военные действия в момент ожидания, до материального столкновения сил. Такая война не позволяет ожиданию стать трением, и делает из этого преимущество. В небоевых условиях, когда нет вещественного субстрата воздействия, остается возможным только влиять на условия ожидания. В конце концов, любое материальное действие происходит из этих условий. Воздействуя на них в промежутках между моментами «кипения», можно уменьшить силу возможной атаки, управлять трением, если ожидается соответствующая ситуация, и даже делать так, чтобы материальное столкновение сил произошло в необходимом месте и в тот момент, когда это потребуется. Действуя таким образом, можно получить возможность отменить прямое столкновение до того, как оно проявится материально. Даже если конфликт, вырвавшись из под контроля, разгорится с полной силой, есть возможность подавить его резким, ошеломляющим контрударом.

Таким образом, полем военных действий становится условия среды, в которой находятся военные и гражданские единицы. Ульман и Вейд называют это «абсолютной ситуацией».{{11}} В такой ситуации возможно только одно действие – влияние на условия возникновения военного столкновения до его возникновения. Правда, в настоящее время, в терминологии «доктрины упреждающих действий» [см. http://ru.wikipedia.org/wiki/Доктрина_Буша – прим. пер.], которая определяет современную войну так же целостно, как «устрашение», присущее Холодной Войне, «ещё не сформировано»{{12}} четкое понимание «угрозы». То, что ещё не сформировано, остается потенциальным. Возможно, «угроза» уже надвигается, происходит скрытое брожение, результатом которого станет некая катастрофа; из неясных очертаний медленно складывается призрак «врага», готового напасть в любой момент. В этой формулировке есть доля неопределенности, от которой невозможно избавиться никакими средствами, которая делает угрозу настолько же неосязаемой, насколько и зловещей. Приходится действовать в «абсолютной» невещественности ситуации – это слишком сложно. Размыта определяющая черта: между вещественным и невещественным, материальным и нематериальным, поскольку воздействие на первое происходит через воздействие на второе.

Существует два способа абсолютного невещественного воздействия. Первый состоит в перемещении пространственной оси сражения, осады и оккупации на временную ось. Необходимо действовать в рамках временных интервалов, когда происходит неосязаемое брожение потенциалов. Объектом воздействия в таких условиях становятся сами временные интервалы, содержащие почти произошедшее, а не уже случившееся. Упреждение – это преддействие: влияние на условия действия, определяющее его

конечную форму. Второй способ абсолютного невещественного воздействия – это воздействие на восприятие, основная функция которого состоит в подготовке тела к стимулу и реакции на него. Таким образом, восприятие – это Царские Врата почти произошедшего. Два типа невещественного действия в абсолютной ситуации конвергентны.

Способность восприятия становиться преддействием позволили Арквилле и Ронфелдту назвать современную войну эпистемологической. Однако, такой «когнитивный» подход ошибочен. Перемещение современного театра военных действий в зону восприятия сопровождается соответствующим смещением в сторону стратегии, «основанной на потенциальных возможностях», которую так агрессивно хвалил Доналд Рамсфелд и сочувствующие ему неоконсерваторы{{13}}. Пользуясь этим подходом, можно воздействовать не на уровне принятия решений, а на уровне, где формируется сама потенциальная возможность совершать действие. Воздействие, происходящее после принятия решения, сфокусировано преимущественно на когнитивном аспекте знаний: его информационном содержании, доступности, надежности, удобстве его использования, а также возможности внешнего воздействия на него. На уровне, когда действие ещё в процессе выполнения, регуляция происходит совсем по-другому. В данном случае, любые операции производятся до принятия решения, в промежутке зарождения как информированного знания, так и преднамеренного действия, где способность знать ещё не отделена от способности действовать. В этой точке модуляция восприятия непосредственно и мгновенно изменяет набор действий, доступных телу как в сфере знания, так и в сфере деяния. Уровень генезиса способностей и потенциалов – прото-эпистемологический и, в то же время, онтологический, т.к. на этом уровне происходит изменение степени и способа вовлеченности тела в абсолютную ситуацию или его реальное окружение. Силы на этом уровне становятся онто-силами, через них проявляется бытие. Онто-сила – это не сила противопоставленная жизни, каковым становится любое взаимодействие типа «сила-к-силе», происходящее в таких условиях. Это позитивная сила, позитивное производство того, чем станет жизнь в следующее мгновение. Оно определяет условия, в которых жизнь продлевает себя в будущее. Это сила принадлежащая самой жизни.

Сила, овладевающая временем

Ульман и Вейд однозначно утверждают, что воздействие на этом уровне становится материальным проявлением силы, несмотря на то, что объект воздействия нематериален. И это не «малая» сила, вопреки тому, что она действует в «незначительных» для войны небоевых условиях. По их мнению, это даже «нечто большее чем приложение силы»{{14}} - её избыток. Воздействие, о котором идет речь, превышает параметры вещественного взаимодействия боевых сил и зафиксированного в знании содержания жизни, к которому прилагается сила и которые она значительно изменяет в ходе своего проявления в трении. Продуктивная сила небоевого возвращается к уровню, на котором устанавливаются параметры

трения. В последствиях воздействия упакованы «последствия последствий», а в них – последствия «третьего уровня». То, что обусловлено, становится потенциальной серией повторений, т.е. существует сила потенциальных последствий-продолжений, сила континуума, заключенная в каждом взаимодействии «силы-против-силы». Она чрезмерна по отношению к любому последствию, в котором она заключена. Этот «остаток» и становится полем действия небоевой силы или, иными словами, силы, овладевающей временем, он же порождает избыток силы – или прибавочную стоимость силы. Отношение небоевой силы к воздействию «сила-против-силы» аналогично отношению между деньгами как платежным средством и деньгами в форме капитала, открытым Марксом.

Капитал – это движущая сила серий денежных обменов: деньги делают деньги; капитал – это сверх-деньги. Сумма любого денежного обмена возвращается в Капитал. Прибыль также инвестируется в Капитал, восстанавливая его движущую силу. Деньги становятся то платежным средством, то основой собственной циркуляции. Излишек движущей силы, возникающий при оплате труда, становится прибавочной стоимостью, которую следует отличать от прибыли. Прибавочная стоимость – это не инвестиции, инвестиции – это прибыль. Прибавочная стоимость и прибыль – это разные вещи. Прибавочная стоимость не количественна, она процессуальна. Это процессуальное качество, которое, будучи движущей силой капитала, порождает количественные денежные массы. Это вечное последствие умножения количества экономических ценностей. Прибавочная стоимость присуща материальному акту обмена таким образом, что каждый раз превышает его ценность. Это сверхстоимость, в неопределенной степени сопутствующая любой сделке[15].

«Нации ведут войны таким же образом, как и обогащаются»[16]

Как и Капитал, небоевая сила выступает одновременно как движущая сила и как цикл. В ходе всякого трения, она влияет на саму себя, обуславливая последствия своего приложения. Это бесконечный прирост военной «стоимости», который воспроизводится в материальных военных действиях. Это сверхсила, невещественно сопутствующая любым боевым действиям. Сверхсила – процессуальное качество конфликта, которое производит вещественные факты войны.

Ульман и Вейд напрямую увязывают сверхсилу как процессуальное качество войны со временем.[17] По их мнению, это не сила, преодолевающая сопротивление, скорее, это сила, «овладевающая временем».[18] Современная военная мысль вращается вокруг концепта молниеносного доминирования. «Молниеносность» – означает способность перемещаться со скоростью, опережающей реакцию противника».[19] Сила, овладевающая временем, оперирует с ничтожно малыми временными интервалами. «Точка приложения этой силы - восприятие, воздействие не которое производится постоянно и по всему спектру воздействия»[20]. Даже в «грубой» материальной среде, когда конфликт вскипает и вот-вот возникнет открытое противостояние, продолжает функционировать сила, овладевающая временем. Она

должна проскользнуть в неразличимом интервале между действиями, чтобы обуславливать реакции противника. Возникает потрясение от «шока и трепета». Проявление взаимодействия по типу «сила-против-силы» качественно отлично от силы, овладевающей временем, однако, если одно отделить от другого, сила, овладевающая временем, мгновенно теряет эффективность. Сила, овладевающая временем – это инфра-сила, она действует в неразличимых интервалах между действиями. Она в то же время, носит инфра-временной характер, т.к., будучи неразличимым, интервал, в котором она проявляется, становится синкопой времени, пропущенным аккордом в каноне действий и противодействий, это вытесненное «сейчас» между одним моментом и последующим.

В грубой материальности, на периферии спектра небоевых действий, сила, овладевающая временем, продолжает свое действие как инфра-обуславливание, которое «контролирует восприятие противника» в интересах контроля абсолютной ситуации[21]. Пока не совершается существенных действий, могущих прервать течение небоевой ситуации, сила, овладевающая временем, контролирует её условия. И это происходит только потому, что мы не обращаем внимание на обращение внимания. Синкопа никуда не исчезает. Базовая привычка восприятия продолжает действовать в нас. Повелительная сила внимания все ещё держит нас мертвой хваткой, продолжая направлять от восприятия к последующему действию. Базис войны соответствует базису восприятия. На инфра-уровне, где два базиса становятся неразличимыми, макровойна, с её сражениями, осадами и оккупациями, приобретает абсолютное процессуальное сходство с микровойной в среде повседневной жизни гражданских сообществ.

Беспримесная активность жизни

В рамках инфра-интервала восприятие само по себе находится в абсолютном процессуальном сближении с телом. Автоматизм, который заключен во внимании как привычном действии, сближает этот процесс с рефлекторной механикой тела. Именно телу принадлежат привычки, или, иными словами, приобретенные рефлексы. Внимание осуществляется в точке неразличимости между зарождающимся перцептивным опытом и автономными механизмами мозга и нервной системы. Путем прямого вторжения в нервную систему и во внимание как автономную систему, можно обойти воспитанные культурой защитные механизмы психики (те из них, которые отвечают за совершение сознательного выбора), а также личную историю, характер и пристрастия. Существуют вещественные рычаги, способные управлять невещественными измерениями жизни и телесности. В некоторых пределах возможна механизация восприятия.

Наличие пределов связано с тем, что система восприятия, как и Капитал, обоснована обратной связью, и, следовательно, нелинейна, как и экономика. Нелинейная система по определению не может гарантировать стопроцентное совпадение между выходящим и исходящим потоком. Влияя на такую систему, невозможно вызвать конкретный эффект, но можно совершить модуляцию, т.е. добиться резонанса и интерфе-

ренции эффектов на выходе. Микроинтервалы силы, овладевающей временем, вибрируя, испускают инфра-волны агитации. Раздражаемое тело мобилизуется, возникает витальное напряжение. Тело реагирует: его физиология мобилизуется, возникает преддействие напряженности, направленной в будущее. Как правило, тело устремлено к непосредственным проявлениям жизни в поле восприятия – возникает стойкое равновесие между восприятием и окружающей средой. В тех же случаях, когда тело испытывает тревогу, устанавливается стабильный дисбаланс «сейчас». Сущность и длительность напряжения формирует это «сейчас» и модулирует его последствия.

Объект комплексного воздействия силы, овладевающей временем, не «беспримесная жизнь», не реанимализованная, «озверевшая» жизнь, не человеческая жизнь, лишенная человеческого содержания, это витальность, сведенная к физиологическому минимуму, абсолютно приближенная к смерти. Это беспримесная активность. Это человеческая жизнь в момент внеочередного «сейчас», когда она едва теплится, съезжившаяся, полностью поглощенная процессом инфра-воздействия на саму себя. Это жизнь без определенного содержания. В неразличимом промежутке «сейчас» определяется, каким станет её содержание в будущем. В этот момент жизнь проявляется в предельно чистой форме, собирая воедино потенциалы «сейчас». Это не витальность, сведенная к минимуму, это мобилизованная жизнь. И, одновременно, война. Мобилизованная жизнь, бесспорно, может быть приближена к смерти. Но, с другой стороны, будучи мобилизованным, тело устремляется к следующему витальному проявлению своей способности действовать. Это не ре-анимализация (возвращение к звериному состоянию), это ре-анимация, восстановление сил перед новым шагом, состояние значительно отличающееся от жизни, сведенной к её грубой, животной форме. Это момент, когда ответная реакция жизни находится в становлении. Так жизнь сворачивает саму себя в аффективную витальность.

Объект комплексного воздействия – это аффективное тело, конфигурирующее собственные способности в мгновении резкого сдвига. Можно сказать, что у комплексного воздействия нет объекта. Лучше сказать, что у него есть точка опоры – если таковая может быть у рычага, управляющего временем. В результате управления временем порождается беспримесная активность будущего в точке её зарождения.

В следующем «сейчас» шок перетекает в действие. Инфра-возбуждение умножается, разряжаясь в макро-действии, которое не исчерпывает предшествующее ему возбуждение. Инфа-активность совпадает с нестабильным процессом перераспределения способностей тела, которое уравнивается многообразными возможностями, одна из которых становится действительностью. «Несработавший» остаток возможностей определяет фоновую модуляцию операционных параметров поля потенциального действия. Именно на основании этой реорганизации «на выходе» прагматического поля всегда получается результат, присущий нелинейному процессу. Обслуживающий интервал шока не просто определяет последующее действие, он противопоставляет совершаемое впоследствии действие «фону» потенциальных

действий, многие из которых исключают друг друга. Таким образом, результатом этого взаимодействия становится изменения отношения между совершенным действием и модулированным эмпирическим полем, которое дало начало действию. Это «экологично»^[22]. Поле потенциальных действий вибрирует, порождая резонансы и интерференции отношений, не реализованных в действии. Этот экологический остаток способности к действию сопровождает совершаемое действие и восстанавливает напряженность даже в тот момент, когда оно уже совершено.

Так возникает проблема – и, одновременно, возможность – военного применения избытка силы. Будучи силой, овладевающей временем, он стремится управлять будущим, влияя на условия, порождающие действие. Дело в том, что «на выходе» шоковой фазы появляется неоднозначный результат – динамическое отношение между конкретным действием и продолжающейся модуляцией фоновых условий его появления. Значит, будущее, на которое влияет сила, овладевающая временем, в значительной степени неопределенно. Избыток силы сосредотачивается на управлении этой неопределенностью, которая связана не только с предзаданным полем условий, в которое она вклинивается, но и с последствиями её приложения. Необходимо создать стратегии, которые не позволяли бы маршруту действия не только выйти на поле вещественных (материальных) боевых действий, но и достичь той точки, где может возникнуть бифуркация, ведущая к непредвиденным результатам. Для этого необходима своеобразная шоковая терапия, которая становится главной особенностью отно-силы прото-эпистемологической войны.^[23]

Мышление (и то, что мы знаем о нём)

Базис современной теории и практики войны можно выразить одной фразой: мир – это постоянно усложняющаяся система непредсказуемых и умножающихся опасностей. Вооруженные силы должны быть распределены по всему спектру воздействия, чтобы отвечать на эти угрозы, какую бы форму они не принимали, когда бы они не появились, и где бы они не исчезали. Причиной усложнения мира чаще всего считают глобализацию неконтролируемой экономики и ускоряющуюся циркуляция товаров, информации и людей, которые об этом заявляют. Этот посыл можно встретить во множестве текстов. И все авторы, принимают это спорное утверждение как нечто само собой разумеющееся.^[24]

В некотором смысле, отсылка к глобализации затмевает проблему, возникает иллюзия того, что усложнение, происходящее на глобальном уровне, однозначно соответствует числу взаимодействий, происходящих в рамках системы. Из этого следует, что компоненты системы, расположенные на локальном уровне структурно просты и их точное описание не составляет никаких проблем, если рассматривать их на своем уровне. Однако, глобальное поле усложнения состоит не только из «простых» единиц, усложнение глобальной системы зависит от количества взаимодействий высших уровней, а локальные компоненты – это изолированные автономные системы, со своими механизмами функционирования. Трудности,

появляющиеся в ходе локализации глобальной стратегии США в Ираке (не говоря уж об Афганистане и Пакистане), свидетельствуют о том, что в этом случае степень усложнения ситуации и её неопределенности постоянно нарастает, и всё «идёт ко дну»[25]. Ситуация многократно усложняется, когда становится ясно, что все основания бесосновательны, и что, даже если ты «идешь ко дну», то дно все время отодвигается, или, ещё хуже, вдруг оборачивается вершиной горы. Обратная связь между уровнями системы, включая высший и низший – определяющая характеристика сложной системы. Сложная система, обоснованная собственной бесосновательностью, бутстрапизирует себя [Бутстрап (bootstrap) выражает парадоксальную буддийскую идею “все во всем”, “модель всего”, “часть, содержащая целое”. Модель бутстрапа означает полную само-согласованность, взаимообусловленность частей и целого, неклассическую (коллективную) элементарность. Реализуется такая система благодаря неопределенной рекурсивности в ее организации. Подробнее - <http://spkurdyumov.narod.ru/kazanskiy.htm> - прим. пер.] на основе нелинейного «выхлопа», возникающего результате её усложнения. Классическая теория войны совершенно справедливо учитывает неопределенность как одну из своих констант. «Своеобразное затруднение представляет недостоверность данных на войне» - писал Карл фон Клаузевиц в классическом тексте «О войне», датированном 19 веком. – «все действия ведутся в известной степени в полумраке» или как в «тумане». «Туман войны» с тех пор стал расхожим термином. Есть один нюанс - для Клаузевица он стал метафорой, пригодной для разъяснения своих теоретических находок[26], в наши же дни это выражение - мантра для тех, кто пишет о войне.

Война в понимании Клаузевица была по природе своей умопостижимой. Можно познать войну, если «рассмотреть отдельные элементы нашего предмета, затем отдельные его части и наконец весь предмет в целом, в его внутренней связи, т. е. переходить от простого к сложному»[27]. Он считал, что туман войны – всего лишь своеобразная черта восприятия и может быть рассеян благодаря личному боевому опыту и «выдающейся духовной силе» полководца. «...тому, кто видел войну, все понятно; несмотря на это, крайне трудно указать, что изменяет это простое в трудное». Сложности возникают из-за «трения», причиной которого становятся «мелкие затруднения». Трение, по сути своей происходящее из случайных обстоятельств, может превзойти хорошо смазанную волю и отточенный ум полководца.[28]

Современную войну невозможно увидеть. Восприятие синкопируется. Поле неопределенности периодически попадает в поле зрения, останавливая восприятие на полпути. Мы помним то, что не можем видеть. Но это не память о сознательной рефлексии, которая могла бы насытить процесс аккумуляции личной мудрости, из которой вырастает характер человека, также как и усилить рациональную волю к осознанному контролю над ситуацией. Суть дела, по словам современного теоретика войны, состоит в том, что «мы должны принять факт нашей неспособности контролировать то, что невозможно видеть, слышать или понимать»[29]. Туман войны больше не связан с

обстоятельствами её ведения, напротив – он становится её базовой характеристикой, его уже нельзя рассеять. И это не только базис войны, но и основа человеческого восприятия. Поле боя уже не может быть полностью «понято» даже опытным полководцем, который в новой ситуации ничем не отличается от новобранца, одурманенного туманом войны, или даже от специалиста оперативного реагирования [общее название представителей профессий, связанных с оказанием первой помощи, нейтрализацией чрезвычайных ситуаций, наведением порядка и т. д.: пожарные, полицейские, спасатели, работники скорой помощи – прим. пер.], который действует вслепую на охваченной кризисом территории гражданских сообществ. Индивидуальность и индивидуальный интеллект уже ничего не решают. В сфере войны и внутренней безопасности всегда будет присутствовать неустранимое поле неспособности к знанию. Как следствие этого появляется такое же неустранимое поле невозможности стратегического планирования при проведении любой операции входящей в спектр военного воздействия. Что же делать?

Прежде всего, следует «принять факт» того, что усложнение становится частью военной стратегии. Для начала необходимо встроить механизм повышенной реактивности в машинерию войны. Военная тактика должна стать подвижной и адаптивной. В системе стратегических команд следует наладить механизмы, позволяющие процессу адаптации налаживать обратные связи для самокоррекции и саморазвития. Эволюционная адаптация должна получить возможность оказывать обратное воздействие на низший уровень войны – к каждому отдельно взятому «объекту боевого пространства». Учитывая, что время стало основой войны, обратная связь должна срабатывать максимально быстро, в режиме реального времени. Это подразумевает непрекращающийся обмен информацией, который требует применения новейших коммуникационных терминологий. Отсюда значительно усилившаяся после провала Иракской компании одержимость современных теоретиков темой развития информационных и коммуникационных технологий, призванных совершить революции в сфере командования и контроля. Главный слоган этого направления мысли – «улучшенный интеллект».

Понимать обращение к интеллекту просто как возвращение к исследованию информационных моделей межличностных коммуникаций – значит, совершить серьезный промах. Крайне сложно налаживать коммуникацию с тем, что «нельзя видеть, слышать или понимать». Улучшение интеллекта не связано с созданием в пространстве войны области для осознанной рефлексии, основанной на полной информированности. Т.к. туман войны неустраним, информация остается обрывочной и будет таковой в будущем. Развитие коммуникационных сетей не отменяет факта постоянного усложнения ситуации. Упрямые эпистемологические факты ассиметричной войны состоят в том, что в мышлении будут появляться лакуны, естественные и необходимые.

Теория об эпистемологической незавершенности выражает онтологическую ситуацию: «реальным временем» войны в наши дни становится инфра-«сейчас» остановленного восприятия. То, что принято

считать «нормальными» когнитивными способностями, должно ужиматься до этих невоспринимаемых интервалов. Знание должно уместаться в миг между регистрируемыми сознанием восприятиями, совпадая с «миганием внимания», которое, согласно новейшим исследованиям, обладает способностью исказить осознанные восприятия. Это «человеческий ландшафт» войны, территория, на которой происходит мобилизация (восприятия), или, иными словами, модуляция потенциальной готовности, воздействующей на свои последствия. Это, по большей части, и есть пространство, в котором происходит принятие решения. В миге беспримесной активности мысль выступает в особые взаимоотношения с действием, а действие — с совершающимся восприятием. Элементы этой системы, объединяясь, переплавляются в нечто новое, затопляют человеческий ландшафт (каким мы его знаем), оказывая боевое воздействие на то, что постоянно нарождается в его ядре.

Ключевые тексты последнего десятилетия призывают к далекой идущей реорганизации военных структур, связанный с улучшенным сетевым мышлением вращающимся вокруг инфра-«сейчас».[{30}] Тексты эти заполнены славословиями в адрес стратегической программы, которая требует увеличения возможностей войны по всему спектру воздействия и достижения доминирующих позиций путём совершенствования способности получать доступ к высококачественной информации, а также аккумулировать её. Но под давлением инфра-«сейчас» теоретики пошли ещё дальше. Не надо копать глубоко, чтобы понять, что основная логика «инфо-структуры» радикально отличается от традиционной трактовки улучшения интеллекта как следствия увеличения количества и улучшения качества информации. Если информирование понимать как передачу точных фактов и семантически насыщенного содержания, значит, информацию нельзя считать центральным концептом этой системы.

Главная цель развития сетей состоит не в том, чтобы улучшить человеческий интеллект путем оптимизации процесса информирования, а в том, чтобы полностью трансформировать машинерию войны — и по-новому позиционировать человека, вовлеченного в неё. Задача состоит в том, чтобы развить способности военных машин погружаться в инфра-сознательные потенциально беспримесной активности, чтобы извлекать из них прибавочную стоимость силы, которая будет проявляться как военная воля, способная к самостоятельному принятию решений, функционирующая в реальном времени, распространенная по самоорганизующимся сетям функций, сплавленных в операциональное единство путем налаживания сложных взаимоотношений элементов по принципу обратной связи. В этих сетях распространяется не больше информации, чем необходимо для автоматического принятия решения в рамках этой системы. Усложнение в этом случае не является одним из свойств среды, в которой функционирует военная система, а, напротив, имманентно присуща, предписана ей, причем в каждом её проявлении по всему спектру воздействия. Реорганизация вооруженных сил, которую всячески поддерживают стратеги, состоит не просто в её трансформации, но и в наде-

лении её способностью к само-трансформации. Система после трансформации станет самоорганизующейся, само-трансформирующейся, всецело, вплоть до инфра-уровня, онто-силовой.

Чтобы децентрировать войну необходимо, по словам одного из стратегов, пожертвовать «топологией сил»[{31}]. «Боевое пространство», традиционно считавшееся центрированным и иерархически организованным, диссеминируется в радикальную топологию «предела», что переносит её в другое измерение, ибо предел не просто расположен в пространстве, он же становится и пределом времени (временящего во-время или инфра-реального-времени). Здесь интеллект разделяется на инфра-частицы беспримесной активности, поставляя не знания, а налаживая непосредственный саморазвивающийся процесс производства силы, онто-силы, избытка силы, овладевающей временем, как силы, присущей самОй жизни. На место «выдающейся духовной силы» полководца, наделенного нестигаемой волей, повсеместно становится острый край автоматической воли к власти, объединенной с машинерией войны, действующей по всему спектру небоевого пространства.[{32}] Борьба ведется за место человеческого восприятия, сознания и человеческих идей в развивающейся и расширяющейся онто-топологии военных сил.

Какую же форму примет эта онто-топология на «гражданском» полюсе континуума сил, который в настоящее время полностью погружен в туманную зону неразличимости войны и мира? Какая саморазвивающаяся сеть механизмирует неразличимые измерения жизни тела в рамках «человеческого ландшафта» повседневности? Какие механизмы инфра-модулируют повседневность на прото-эпистемологическом уровне мобилизованной жизни и запускают процессы витальной аффективности? Может ли человеческое сознание и потенциалы действий, порождаемые им, уйти с «предела»? Или необходимо создать иные машины для принятия решений, которые бы вступили в битву за предел? Где может или должно состояться следующее политическое синкопирование? Эти вопросы предельно важны не только для философии и теории культуры, но и для синкопированного будущего политики.[{33}]

Примечания:

[1] "Cheney Arrives in N.Y. via Ellis Island," Associated Press, August 29, 2004.

<http://www.msnbc.msn.com/id/5859896/>

[2] Soren Kierkegaard, *Fear and Trembling, and Repetition*, trans. Howard V. Hong and Edna H. Hong, Princeton: Princeton University Press, 1983, p. 131.

[3] Интервал между зарегистрированными сознанием сдвигами внимания в экспериментальной психологии называется «миганием внимания» и обозначает период опустошения сознания между последовательными изменениями в поле восприятия, длящийся доли секунды. Этот разрыв соответствует латентному периоду в процессе выработки восприятия, в течение которого происходит его «потенцирование». Этот феномен был впервые выявлен Бенджамином Либетом в серии экспериментов, проведенных в 1970, которые в наши дни счита-

ются классическими. Термин «мигание внимания» был введен в 1992 году. Этот термин и связанные с ним явления бессознательного восприятия до сих пор остаются объектом пристального внимания экспериментальных психологов. Первые работы, связанные с этим явлением – см. Raymond, J. E., Shapiro, K. L., & Arnell, K. M. (1992). "Temporary suppression of visual processing in an RSVP task: An attentional blink?," *Journal of Experimental Psychology: Human Perception and Performance*, 18, 849-860. doi: 10.1037/0096-1523.18.3.849. Регулярно обновляемые данные исследования: Kimron L. Shapiro et al. (2009), "Attentional Blink," *Scholarpedia*, 4(6):3320.

Главным объектом исследования стали бессознательные процессы, происходящие во время «мигания внимания», когда последующее восприятие ещё формируется. Например, было установлено, что восприятия «репетируются» на бессознательном уровне в виде своеобразных шаблонов, появляющихся в ходе микро-движений глазных яблок (саккад), которые совпадают с «провалом» во внимании. Наблюдается тенденция «предвосхищения» саккадами последующего восприятия. Исследования были связаны в основном с феноменом «мобилизации» [в отечественной литературе чаще фигурирует термин *прайм-инг*, однако, был избран вариант перевода, который подчеркивает милитаристский подтекст английского слова *priming* – прим. пер.] (термин будет использован в этой статье позже). Он связан со способностью мирко-событий, происходящих во время «мигания» модулировать последующее восприятие. Модальности мобилизации бесчисленны. Она (мобилизация) на бессознательном уровне заменяет некоторые высшие познавательные функции (узнавание лиц, объектов, слов, ситуационное ориентирование в образах, которые сменяются слишком быстро, чтобы отложиться в сознании, обобщения, связанные, например, с культурными различиями, полом, расой и даже оценкой достоинств и недостатков ситуации). Основное отличие устаревшего понятия «подпороговое возбуждение», от мобилизации состоит в том, что последняя не подразумевает линейного реагирования на стимул, как в случае рефлекса. Мобилизация скорее определяет условия, в которых нарождается акт внимания (творчески модулирует его формирование), нежели чем служит причиной реакции (воспроизводя уже известные модели). Она включает в себя сложный процесс, сходный с мышлением, но происходящий в бессознательном измерении зарождающегося восприятия, совершающийся быстрее, чем может быть артикулирована мысль. Осмысление мобилизации в терминах гносеологии пока не представляется достаточно четким. Концепт «бесчувственного осознания» А. Н. Уайтхеда и идеи Ч. С. Пирса касательно «перцептивного суждения» и «абдукции» представляются в рамках этой задачи гораздо лучшими основаниями, чем арахичная бихевиористская модель подпорогового возбуждения или нейрональный редукционизм, остающийся базисом современной экспериментальной психологии. Дискурс мобилизации может стать крупным философским проектом.

План DAPRA касательно внимания и вопросов, связанных с восприятием, озаглавлен как

«Программа по улучшению когнитивных способностей» (Augmented Cognition Program). Её назначение состоит в том, чтобы разработать технологию, позволяющую проводить мониторинг физиологических реакций и мозговой активности в момент фиксации внимания, в промежутке между восприятиями и регистрировать процессы, происходящие во время мигания внимания. Технология должна быть сконструирована по сетевому принципу, чтобы сделать возможной тактическую координацию, направленную на выявление и преодоление пределов, связанных с дефицитом внимания, временем реагирования, способностью к запоминанию, как в режиме «нормального» функционирования, так и под воздействием страха, стресса, усталости и «тумана войны».

Разрабатываются способы повышения бдительности путем распределения внимания и рассредоточения его по всему полю восприятия («частично-непрерывное внимание»), а также интенсификацию сфокусированного внимания («многозадачность»). Стратегия повышения бдительности путем распределения внимания в некоторой степени исследуется в данной работе, во всяком случае настолько, насколько она связана с управлением тем, что мы описываем в терминах «беспримесной активности», понимаемой как нарождающаяся возможность действовать. О «программе по улучшению когнитивных способностей» см. Mark St. John, David A. Kobus, Jeffrey G. Morrison, and Dylan Schmorrow, "Overview of the DARPA Augmented Cognition Technical Integration Experiment," *International Journal of Human-Computer Interaction*, 17.2, 2004, 131–149. Научно-популярное изложение концепта «мигания внимания» в связи с DARPA см. Alison Motluk, "How many things can you do at once?," *New Scientist*, 2598, 7 April 2007, 28-31. Тексты военных теоретиков, приводимые ниже, также касаются вопросов влияния на «мигание» восприятия и сознания посредством техник, связанных с вниманием и мобилизацией, систематически имплантируемой в информационные сети.

[4] Анализ процессуальных тенденций, фигурирующих в администрации Обамы и Буша см. Brian Massumi, "National Enterprise Emergency: Steps Toward an Ecology of Powers," *Theory, Culture & Society* 26.6, 2009, 153-185. Длинный (но неполный) список конкретных решений администрации Обамы в области вооруженных сил и госбезопасности, продолжающих политику Буша, см. сноску 19.

[5] Harlan K. Ullman and James P. Wade, Shock and Awe: Achieving Rapid Dominance, Washington DC, National Defense University Press, 1996, p. 18 (нумерация страниц совпадает с электронной версией: http://www.dodccrp.org/files/Ullman_Shock.pdf).

[6] John Arquilla and David Ronfeldt, *Networks and Netwars: The Future of Terror, Crime, and Militancy*, Santa Monica, RAND, 2001

[7] Ullman and Wade, Shock and Awe, pp. xxiii, 21-22.

[8] Arquilla and Ronfeldt, *Networks and Netwars*, p. 2.

[9] Ullman and Wade, Shock and Awe, pp. xxiii, xxviii.

[10] О концепте «небоевого», см. Paul Virilio, *L'insecurite du territoire*, Paris, Stock, 1975.

[11] Ullman and Wade, Shock and Awe, p. 9.

[12] О центричности упреждения и его отличиях от устрашения, см. Massumi, "Potential Politics and the Primacy of Preemption," *Theory and Event*, 10.2, 2007. http://muse.jhu.edu/journals/theory_and_event/toc/index.html

[13] Donald Rumsfeld, "Transforming the Military," *Foreign Affairs*, 81:3, May-June, 2002, 20-32. [Рус. Изд.: Рамсфельд Д. Трансформирование вооруженных сил; электронная версия: http://magazines.russ.ru/oz/2002/8/2002_08_39-pr.html - прим. пер.]

[14] Ullman and Wade, *Shock and Awe*, p. xxvii.

[15] О неизмеримости прибавочной стоимости см. Antonio Negri, "Twenty Theses on Marx" in *Marxism Beyond Marxism*, edited Saree Makdisi, Cesare Casarino, and Rebecca E. Karl, London/New York, Routledge, 1996, pp. 151-154.

[16] Это цитата из фундаментального для доктрины военных действий по всему спектру воздействия текста, который считают связующим звеном между войной, ориентированной на боевые платформы, и «сетевой войной», базирующейся на теории способностей. Cebrowski, Vice Admiral Arthur, and John Garstka, "Network-Centric Warfare – Its Origin and Future," *Proceedings of the United States Naval Institute*, 124.1, January 1998, 28–35. Электронная версия на сайте Министерства Обороны США: <http://www.oft.osd.mil/initiatives/ncw/presentations/ncw.cfm>

[17] Ср. у Цебровски и Гарстка: «Организационный принцип сетцентричной войны вырастает из динамики роста и конкуренции современной экономики. Новая динамика конкуренции базируется на возрастающем самоинвестировании, конкуренции внутри и между экосистемами, и конкуренции, основанной на времени (ор. cit., курсив Б. М.). Во многих местах авторы утверждают сходство между «конкурентом» и «врагом».

[18] Ullman and Wade, *Shock and Awe*, pp. xxvii, 53.

[19] *Ibid.*, p. xxv.

[20] *Ibid.*, p. 28.

[21] *Ibid.*, pp. 9, 54.

[22] Цебровски и Гартска говорят о целостной «экосистеме войны», ор. cit. Ullmann и Wade говорят о том, что «захват контроля над средой» важнее победы в конкретных боевых столкновениях, ор. cit., Introduction.

[23] См. Naomi Klein, *The Shock Doctrine: The Rise of Disaster Capitalism*, New York, Picador, 2008.

[24] Доктрина боевых действий по всему спектру воздействия постоянно обосновывает необходимость появления новых стратегий, настаивая на «динамичности и нестабильности» новой экономической системы, понимаемой как сложная система. Война и экономика – гомологичны. И та и другая требуют подхода, подобного экологическому, чтобы управлять нестабильностью, присущей этой сложной системе. Во всех ключевых текстах, исследуемых в данной работе (Arquilla/Ronfeldt,

Ullman/Wade и Cebrowski/Garstka), этой проблеме уделяется пристальное внимание. Об этом же пишет Дональд Рамсфельд, который был министром обороны США во время первого срока Дж. В. Буша - см. "Transforming the Military", цитируемый выше. Исследования, связанные с теорией сложных систем и современными военными стратегиями, см. *Complexity Theory and Network Centric Warfare*, James Moffat, US Department of Defense, Command and Control Research Program Publications, 2003, электронная версия: {http://www.dodccrp.org/html4/research_ncw.html}

[25] См. Isabelle Stengers, "Turtles All the Way Down," *Power and Invention*, Minneapolis, University of Minnesota Press, 1997, pp. 61-75.

[26] Carl von Clausewitz, *On War*, trans. Col. J.J. Graham, London, N. Trubner, 1874, volume 1, book 2, chapter 2, section 24 (Third Peculiarity), электронная версия: <http://www.gutenberg.org/etext/1946> [Рус. изд.: Клаузевиц К. О войне. — М.: Госвоениздат, 1934. Электронная версия: <http://militera.lib.ru/science/clausewitz/index.html> - прим. пер.]

[27] *Ibid.*, vol. 1, bk. 1, chap. 1, introduction.

[28] *Ibid.*, , vol. 1, bk. 1, chap. 7 (курсив Б.М.).

[29] Szafranski, "Neocortical Warfare?," 52.

[30] Ключевые тексты, в которых интерес к инфра-«сейчас» особенно заметен: *Network Centric Warfare : Developing and Leveraging Information Superiority*, David S. Alberts, John J. Garstka, Frederick P. Stein, Washington DC, Department of Defense C4ISR Cooperative Research Program, 1999; 2nd revised edition 2000), http://www.dodccrp.org/html4/research_ncw.html; *Power to the Edge: Command and Control in the Information Age*, David S. Alberts & Richard E. Hayes, Washington DC, Department of Defense Command and Control Research Program, 2003; 3rd printing 2005, www.dodccrp.org/files/Alberts_Power.pdf

[31] Alberts, Garstka, Stein, *Power to the Edge*, pp. 165, 203.

[32] Анализ силы широчайшего спектра воздействия как автоматического механизма или «оперативной логики», действующей благодаря парадоксальной временной структуре упреждения и имеющей своеобразную процессуальную анатомию см. Massumi "Potential Politics and the Primacy of Preemption," ор. cit.

[33] Некоторые предварительные выводы об аффективной модуляции политического потенциала в гражданской сфере см. Massumi, "Fear (the Spectrum Said)," *Positions: East Asia Cultures Critique*, special issue "Against Preemptive War," 113.1, Spring 2005, 31-48; о политических потенциалах, заселяющих интервалы беспримесной активности см. Brian Massumi, "Of Microperception and Micropolitics," *Inflexions: A Journal for Research-Creation*, no. 3 (2009),

http://www.senselab.ca/inflexions/volume_3/node_i3/PDF/Massumi%20Of%20Micropolitics.pdf

теАТР ЖеСТокОсти АзсаКрЫл заРАтуеТрЫл

От редакции:

Журнал «Слова» представляет Театр Жестокости Азсакры Заратустры. В эту подборку вошли: интервью с основателем Театра Азсакрой Заратустрой о концепции Театра Жестокости в его фильмах, «Maniafest Волетела к Мощи», стихи ведущей актрисы Театра Кати Ганеши, а также материалы фотосессий с участием актёров Театра. Все материалы любезно предоставлены Катей Ганеши.

Театр Жестокости был основан в 2000 году известным эзотерическим философом, поэтом и метаактремалом Азсакрой Заратустрой, прозванным за свои смертельные ритуалы в японской прессе «Мастером Смерти» и «Императором Самоубийства». Театр Жестокости — это эстетический и философский синтез Французского Театра Жестокости Антонена Арто, японского ритуального театра Но и русского Трансового Кино Азсакры.

Азсакра Заратустра (Azsacra Zarathustra, — Азсакра Андрей Александрович) (род. 1960) — современный русский философ, кинорежиссер, поэт-мистик. Живет в Магнитогорске. Основатель Махтноуменологии. Разработал философскую доктрину «Сверх без человека», а также концепт «Сверхноумена». Возглавляет бойцовский клуб «Черный Дракон» и центр помощи хищникам «Майстра», в котором раненых диких зверей и птиц лечат, а затем выпускают на волю. В философских произведениях Азсакры основными темами выступают Воля к Власти, Сверхчеловек, Сверхноумен. В своей поэзии Мастер Смерти искусно воссоединяет Ничто Запада и Пустоту Востока. Азсакра один из авторов международного философского проекта «Ницше — Будда Европы!» (Германия—Индия—Россия). Издается в Индии, США, Японии, Тибете, Великобритании, Германии, Норвегии. Автор таких книг, как «Mysterium» (2006), «The Lotuses Of Evil» (2007), «America: Invasion Of The Heart» (2008), «Тао Kampf» (2008), «Ubernoumen» (2008), «Библия Ничто, Библия Пустоты» (2008), «Ничто и Ничто к Власти» (2009), «Ничто к Власти и Пустота к Господству» (2009), «Раса Росы: Предсказания об Изменениях в Смерти» (2009), «The Tunnel at the End of Time» (2010), «Left and Right Hands of the God» (2010), «Сверх Без человека» (2010), «Махтноуменология» (2010).

ИСКУССТВО ЖЕСТОКОСТИ: THE END СЦЕНЫ И ПОТОК КРОВИ...

«Любая тайна умирает в простом измерении информации».

«Необходима радикализация бунта на подлинно стратегическом направлении — в области тотального манипулирования кодами и значениями».

- Жан Бодрийяр «Символический обмен и Смерть»

«Новая идея смерти рождает Новую Культуру».

- Освальд Шпенглер «Закат Европы»

**УДАР КАСТЕТОМ
ВМЕСТО МЕДИТАЦИЙ —
УБЕЙ НИРВАНУ:**

**УБЕЙ!
УБЕЙ!
УБЕЙ!
УБЕЙ!
УБЕЙ!
УБЕЙ!
УБЕЙ!**

Так начинается фильм, созданный известным русским метаэкстремалом Азсакрой. Фильм «НИРВАННИКОГДА» — это феномен нового властного видеоязыка в бунтующем русском кинематографе. Имя ему — Трансовое Кино. Впервые киноленты подобного направления появились в России в 2000 году. Режиссёра, разработавшего концепцию данного вида кино, центральные СМИ называют Мастером Смерти, Императором Самоубийства. Появление «Трансового кино» было освещено во всех информационно-поисковых системах. Азсакра создал около сорока экспериментальных лент, которые сам он именуется кинобунтом Воли к Мощи через Истину Древних Ритуалов.

— Почему, на ваш взгляд, возникло такое направление в мировом кино?

AZ: Трансовое Кино возникло из радикальных запросов творца к собственным сакральным глубинам — психическим, духовным... Подобные «вопросания из Бездны» практически не отслеживаются такими инструментами контроля как психоанализ, NLP и т. д. Да, есть бессознательное, действующее по схемам Системы, но есть и ещё более скрытые, исходные процессы существования Воли к Власти. Трансовое Кино создано для безжалостного обнаружения именно этих — неизведанных слоёв Властвования с помощью древних тайн тела. Прежде всего, я опираюсь на различные воинские ритуалы, инициации и хроники войны. Человек в состоянии перед Смертью. Человек, глядящий в глаза Смерти. Или как бы сказал Жирар: «Силам, затемняющим Изначальное Насилие, противостоит сила — это насилие от-

крывающая». Мы не можем обрести себя как Волю к Власти без знания Смерти.

— Понятие Смерти вы считаете одним из основных в концепции «Трансового Кино». Почему?

AZ: На этот раз я процитирую Жака Деррида: «Секрет Смерти хранит человека». Только Смерть может идентифицировать живой субъект как Душу. Существовая в повседневно-паскудной «норме», человек не может себя идентифицировать через Таинство Гибели. Он не способен обнаружить подлинную Смерть через, навязанное ему этим миром, ложное «умирание». Человек — всего лишь стандартный набор «дозволенных параметров», убого воспринимающих обыденные приказы той же самой «повседневности». Но власть как «неизбежность кодовой информации» не есть исходная Воля к Власти. Разве свободные свободны? На самом деле они всегда подчинены скрытым «бытовым приказам» тоталитарного гуманизма, диктатуре «самого доброго». Унылым повелениям «повседневной ничтожности» должно быть противопоставлено только одно — Чистый Акт Жестокости!

— Вы утверждаете, что транс всегда подразделяется на различные качественные уровни?

AZ: Безусловно. Давно известно, что существует «бытовой транс» — это аксиома гипноза. Человек, независимо от того, где он находится — дома, на работе, в трамвае — пребывает в бытовом транс. Телевидение, пресса, кино — вот главные трансляторы и медиумы убогого «бытового трансa». Душа так же внушается, как и дух. Там нет никакой свободы — так, примерно, раньше заверяли все «левые» французские философы, но парадокс заключается в том, что свободы нет и в самой Свободе. В человеке нет никакого подлинного «я». Никакой «Божественной Бездны». Что же есть? Предельная мизерность псевдо-социальной идентификации, которая спешит множить иллюзию очередного «я» через подчинение приказам без приказа. Здесь возможно только одно философское решение — Сверх Без «человека»!

— В таких условиях бытовой нивелировки каждого индивида, какие именно задачи стоят перед «Трансовым Кино»?

AZ: Прежде всего: у Трансового Кино цели и задачи совершенно Иные, чем у телевидения, театра и просто «кино». Не создавать какой-то ещё один «антигуманный спектакль» с набором злобных ляров вместо актёров. Но в то же время и не брать за основу грязь, кровь, боль. Чистота Воли к Мощи — вот что нас более всего интересует. Не в том жалком и «слишком человеческом» смысле, в котором это обычно понимают, а лишь в наиболее хищно-

глубинной роскоши самых агрессивных инстинктов. Я имею ввиду Сверхнищеанское озарение через Волю к Власти! Из грязи расцветает лотос только потому, что у лотоса исходно есть Воля к Власти. Из кокона появляется бабочка лишь потому, что она смеет Сметь Смерть! Смеет В(о)лить Волю! Исходно всё самое чистое и прекрасное возникает именно из Воли к Власти, просто бесчисленные «трусы разума» боятся это открыто признать. Чисто мыслить Волей к Власти — значит мыслить без страха. Мыслить без мысли. Мыслить без человека.

— **И всё же, что это за феномен — «Трансовое Кино»?**

AZ: Это очень сложное явление, подобное, разве только что, средневековой алхимии «белокурых бестий». Синтез невероятной Жестокости и максимальной Нежности. «Театр Жестокости» Антонена Арто, с его тоской по магическому Жесту и трансформирующему Ритуалу, дополнен здесь самыми различными фронтальными хрониками и воинскими ритуалами. Эта киноалхимия «белокурых бестий» опирается на самые древние воинские ритуалы и инициации. На самую чистую и безжалостную Поэзию Крови. Мстить красоте за каждый ураган, убитый розами! Ещё раз подчеркну: сегодняшнему поверхностно-горизонтальному unter-миру необходима иницирующая вертикаль Чистой Жестокости. Ось Бездны насквозь. Насмерть! Разве вы не видите — уже само Кино не выдерживает трусости человека и выносит ему неизбежный смертный приговор. Быть честным — значит всегда ненавидеть и открыто презирать читателя, зрителя. Вести на них только Безжалостную Охоту. Дикая Охота Духа — вот искусство Властного Будущего!

— **Вы, что — хотите убить всех читателей и зрителей?**

AZ: Великий революционер Сергей Нечаев когда-то сказал: «Любить народ — значит бросать его под пулемёты». Почему мы должны любить читателя? Почему мы должны щадить зрителя? Читателя и зрителя, которые хотят (требуют!) только нескончаемой жратвы, бесконечного поила и вечно-случных удовольствий! Сбросить всех этих сыто похрюкивающих «свиней» со «стола Жизни» к чёрту! Только там — в отхожем месте у беса — им и место.

— **Но разве обретенные удовольствия и исполненные желания нас не освобождают? Мы что, не должны испытывать чувство радости и счастья?**

AZ: Будда за подобные вопросы сразу ударил бы вас палкой по голове. Хватит уже защищать и отстаивать эту дряблую ложь «исполнения желаний». Чистота Творящей Жестокости не призвана множить «реализованные радости». Перефразируя Фуко: каждое желание раба неизбежно работает по схеме контроля... другого раба, но не Господина Духа. Мы никогда не обретаем свободу, кроме момента истребления самой свободы. Самых — с(а)мых! — свободных. Незъяснимой Тайне Воли к Мощи важен только Бунт Духа без цели, без задачи, без будущего...

— **И всё же вернёмся к сегодняшнему зрителю.**

AZ: Вечное возвращение к тому же самому как жалкому и ничтожному? Начисто лишённому чести, воли и мужества! Этот зритель не хочет даже понять, что он весь, начиная от грязных пяток души — феномен скрытого тепличного внушения духа тяжести. Он «живёт» — не потому, что он действительно живёт Избытком Силы, а потому, что это ему радостно и гуманно внушили ещё более слабые, чем он. Современного раба уже скрыто бьют и погоняют лишь «пушистыми палками» ликующего добра. Хватит этих красивых слов о «служении людям», о вечной «человеческой востребованности». Вы — более не востребованы! Как там у Арто: «Гуманизм не возвысил, а лишь умалил человека».

— **Вы считаете, что люди ни в чём не свободны — ни в желаниях, ни в мышлении, ни в действиях? Что, все они умрут, так и не узнав своего истинного «я»?**

AZ: Смерть? Теперешние люди даже не смогут «умереть»... Чтобы Настигнуть Смерть необходимо особое мужество Духа и волевого развитие сильного тела. Сметь мыслить Смерть не как таковую, но как Смерть уже здесь-вот-сразу Смерть! До Ницше Воля к Власти уже говорила словами Гегеля: «Дух достигает своей истины, лишь найдя самого себя в Абсолютном Разрыве». То, что здесь я цитирую преимущественно французских философов, на самом деле хитро утаивает лишь одно — я был, есть и буду всегда предан нищеанской Воли к Власти! К чёрту весь этот «слишком» мыслительный бред французов! Только Сверхчеловек и его Воля к Власти могут навсегда изменить данную убогость хомоносного мира.

— **Сверхчеловек? Но гуманисты требуют: «Вернёмся назад к насущному человеку. Прислушаемся лишь к его потребительским запросам и чаяниям».**

AZ: Они хотят слушать, потому что «слушать» — это значит уже слушаться. В действительности никто никогда не «слушает», но перманентно (именно!) подчиняется своему и чужому «ничему». Ничему, именно как отсутствующему приказу, который и есть залог существования «каждого» как субъекта бесконечного рабства. В этой битве они проиграли, прежде всего, Ничто. Поэтому я и выдвинул contra-спасительную идею Ничто как Ничто к Власти.

— **Вы хотите сказать — человек вообще не способен поступать и мыслить самостоятельно? Что он хуже, чем пустота?**

AZ: «Моралин», «быт» и все эти помпезные «человеческие желания» делают из «нас» рабов самого низшего типа — без восстания, но якобы гордо мыслящих «категориями свободы». Опасности Мышления через подлинную Роскошь Жизни здесь нет и в помине. Если бы «мы» настоящему мыслили и храбро являли не трусливую работу ума, а храбрую войну разума — этот мир жалких гуманных иллюзий уже давно перестал бы существовать.

— Как же тогда мы вообще должны выражать свои мысли?

AZ: Гамлет, перед Смертью, советует: «Дальнейшее — молчание...». Подлинная речь не нуждается в говорящем. Она интуитивна и не требует средств выражения, особенно информативных. Опасная, безмолвная, скрытая метафора Воли к Власти — вот наша Кинорелигия! Трансовое Кино было призвано, вопреки «бытовому трансу», поднять древнее знамя Небесных Инициаций и Сакральных Ритуалов. Открыть бездну для Исходной Воли, которая, через обретаемую ею Власть, уже не нуждается больше ни в каком человеческом «я». Восстановить утраченную Бесконечность Озарений — значит вернуть неумолимую Жестокость Воли. Явить абсолютный Разрыв Духа! Иного не дано.

— Это что — попытка оборвать «всеобщую нить жизни»?

AZ: Без паники — хищные белокурые «норны» снова начнут плести сакральную «ткань мира». Хватит быдло-бытийно функционировать. Хватит быть только «тупо-говорящими машинами» и «нейтральными экранами для маркировки». В искусстве Жестокости нужно безжалостно отсечь всё — человеческое, недочеловеческое, суперчеловеческое. Только Над-Сверх-человек и его Воля к Мощи имеют право на Жестокость как разновидность В(о)лящего Искусства по ту сторону всех сторон добра и зла.

— Посмотрев ваши фильмы, можно чётко констатировать — это не игровое кино. А в чём «Трансовое Кино» отличается от документального?

AZ: Это более, чем «различие». Тот, кого зритель по привычке считает актёром, вдруг перестаёт быть таковым и к ужасу зрителя вдруг манифестирует себя как подлинное Ничто — Ничто к Власти! Говоря категориально, происходит не некое «трансцендирование через все границы», не «проламывание в радикальную инаковость», но Воля к Власти в(о)лит Власть к Воле! Этот, якобы актёр, как бы здесь, радостно смеясь, воскликнул Ницше — наконец-то стал Сверхчеловеком. И по сути — Богом Собственной Крови. Нет, это уже не скукоженный, «игрушечный актёр» типа Такеши Китано... Meta-актёр, подобно Юкио Мисиме, вспарывает, взрезает свою плоть и заливает всех собственной кровью. Утопить сцену в Чистоте Собственной Крови — разве не это было главным неистовым порывом Мисимы и его Воли к Власти!

— Подлинная кровь актёра против «клюквенного сока» мира?

AZ: Подлинная Кровь Бога против «изнеженной воли» Системы. Против всего искусственного, дряблого и лживого. В этом случае Ги Дебор сказал бы так: «Поэзия снова становится Властью!». И как бы безмолвно констатировал Хайдеггер: «Это и есть подлинное und неизбежное Будущее для каждого избранного Сверх!»...

— То есть здесь мы видим окончательную «смерть актёра» ради окончательной «смерти кино»?

AZ: Ради окончательного «воскрешения Сверх-Бога»! Есть актёр, исполняющий роль и есть Meta-актёр. Тот, кто всегда глубже навязанной ему «человеческой роли». Этот Некто-Никто и избран унаследовать Ничто как Ничто к Власти. Его Грядущая Пустота к Господству будет лишь заморожена распадом сложившихся форм. Мир превратится не в хилое Ничто, но в Ничто к Власти. А это значит: Ничто-Кино к Власти, если перефразировать Бланшо, есть только ещё одно право на Смерть.

— Выходит, смерть — главный актёр?

AZ: Ja! И лучше всех это продемонстрировал Юкио Мисима. Нет актёра. Нет режиссёра. Нет писателя. Есть только Чистая Воля к Власти, раскрывающая себя через неизъяснимый Поток Крови.

— Но если погибнут лучшие, тогда какое же будущее у «Трансового Кино»?

AZ: Погибнут все: и лучшие, и худшие. Я опять перефразирую Жирара: речь идёт о возможности для кино утратить внутрисистемные различия, стать Хаосом, россыпью элементов, вообще не отличаться от Пустоты и Ничто (в Преобладании!). Перестать существовать в качестве «удобного кино» для лобой Системы и её рабов.

— Значит Будущее — это отсутствие зрителя, образа и слова как таковых?

AZ: Это — Жест Абсолютной Жути! Если каждый элемент осмыслен Системой в качестве структурной переменной, подчинённой только «хомоносному коду», — то и восстание Духа будет посредством Жесточайших Символов и Знаков. С помощью нераскрытых никем Загадок Гибели и Тайн Смерти! Но у вас есть ещё шанс задать мне, как сурово переживающему всех сфинксу, свой Последний Вопрос.

— И какой же это «Последний Вопрос»?

AZ: Вопрос лишь к самому себе: успею ли я не постыдно «умереть», но роскошно Настигнуть Смерть!

Катя ГАНЕШИ. MANIAFEST ВОЛТЕТЕЛЯ К МОЩИ

*«Уничтожение — это бесценная роскошь!»
(Жорж Батай)*

В чём же то критическое противостояние между формами традиционного искусства, того, к которому все привыкли, и формами искусства экстремального, для которого понятие «норма» — ненавистно и враждебно? Практика подтверждает — основной акцент сделан на разящем шоковом ударе, осуществляющим «пролом» в системе устоявшихся ценностей. Императив экстремального искусства — не заигрывать с тем, кто должен оценивать, а резать, цеплять изнутри и выворачивать наружу «внутренности» всеобщей психики и сознания. Это своеобразная форма пытки, а в лучшем случае — казни для некогда «неприкасаемых»: читателя, зрителя и т.д.

В 1969 году великий французский теоретик и практик «искусства тела» Мишель Журниак составил своеобразный контракт следующего содержания: «Превратить тело в произведение искусства. Условия: 1. Завещать своё тело Журниаку. 2. Умереть». «Умереть, чтобы стать шедевром». С этого момента даже мёртвое человеческое тело перестаёт быть просто вяло текущей формой материи. Татуировки, рубцы, увечья — эти священные знаки свободы — превращаются в новый язык, образуют собственный внетекстовый и надтоталитарный дискурс. «Рана — теперь уже не повреждение ткани, а новое правило».

Границы подобных разрывных «негаций» и револю-

ционных идей в России давно уже нарушены и оставлены далеко позади. Это, прежде всего, касается крайне противоречивого творчества Азсакры Заратустры (Мастер Смерти). Он заставил о себе говорить именно с помощью «искусства тела», используя фотографию только как один из видов презентации собственных Игр со Смертью, а также — рискованных опытов над своим телом и разумом. Идентифицируя себя только и лишь через духовный мятеж, Азсакра утвердил своё искусство в самых разнообразных «Актах Смерти», осуществляемых перед видео-фотокамерами. На сегодняшний момент он является создателем наиболее сложной экстремальной философии — «Сверх Без человека». Пугающая и завораживающая одновременно, эта философия есть сама чистая Воля к Власти. В своём пре...ступающем Сверхгрессивном творчестве Азсакра искусно соединил пять самых крайних нигилистических эстетик: «как философствовать молотом» Ницше, «жажда быть убитым розами» Мисимы, «умереть, чтобы стать шедевром» Журниака, «очищающий театр жестокости» Антонена Арто и, наконец, — лютый «западный Дзэн» де Сада. Подобная «гремучая смесь» была необходима Мастеру Смерти лишь для того, чтобы выявить и возвысить собственную идею — идею тела как шифра абсолютной свободы для Нескончаемой Воли к Власти Сверх.

Тело — единственное чистое зеркало. Заставляя в нём отражаться опасность и ужас, творец извлекает собственную форму языка. Негативная агрессия не-

престанно становится и вершит себя не как «воля к ничто», но как уже сверхпозитивное Ничто к Власти. Это как Дзэн без дзэна. Азсакра загадывает: «Поэзия — не власть слова, а чрезвычайно сильное физическое и психическое развитие. Не язык разума, а только Воля, играя в Смерть тела, создаёт Шедевр. Нужно идти дальше — за «Ненависть к поэзии», за «Цветы зла», за Томмазо Маринетти с его пугающим: «без агрессии нет шедевра».

Действительно, вместо робких «гильотинных прополок», псевдорадикальных «перформансов» и «инсталляций» актуального искусства, Азсакра совершает Иное и Настоящее — пролом культуры через Смертельную Игру в реальности. Его Искусство Агрессии переходит в трансгрессию и далее в Сверхгрессию лишь для того, чтобы нарушить и эти «пределы». И если в «Мессе тела» Журниак использовал свою кровь для угощения зрителей, то Азсакра делает (манifestирует!) нечто гораздо большее — безжалостно жжёт, режет, протыкает себя, подставляет своё тело под удары цепей и молота. «Когда я реально, практически, на все сто «философствую молотом», я тем самым неизбежно создаю эффект «окончательного Ницше». Я достраиваю его «незавершённую философию» собственным телом. И здесь лучше быть всеми убитым, чем всеми признанным».

Видимо, это и есть миссия проклятого творца —

атаковать культуру благополучия, денег и комфорта, где каждый становится «телом надзора», утрачивая даже возможность оставаться рабом. Настигая Смерть в каждое мгновение, Азсакра напоминает нам о Величии Приказа, который есть Свобода без «свободных». Нет без «нет»! Нет Азсакры — есть только Сверхагрессивный Азсакрацид слова и образа, озаряющий Ритуал Вторжения Духа в мощное философское поле при помощи искусства «быть убитым». Быть и постоянно осуществлять себя вне «контекста страха»! Мускульный шифр тела, символы увечий и свастичные антикоды татуировок — всегда атакуют и агрессивуют, ибо лишь они — основные выразительные средства подлинной свободы на тревожном пути Воли к Власти. Сами же множественные раны Мастера Смерти неистово и одержимо переходят в чистейшую поэзию «кровавых метафор» Разрыва Духа. Удары, разрезы, протыкания вершат себя как максимально трагическая объективация «тела-в-себе», что и приводит в итоге не к какому-то рафинированному боди-арту или гедонистическому культуризму, мы наблюдаем нечто совершенно иное — превращение тела в Волетело к Мощи через прыжок в Смерть:

*Неведомая людям весна —
рисунок цветка на обратной
стороне зеркала.
(Мацуо Басё)*

Катя ГАНЕШИ. Стихи

СВЕРХАГРЕССИВНЫЙ ШЕДЕВРИЗМ

Сверхагрессивный Шедевр
Грядёт на смену мирным "изм";
На смену смирным —
Смерч из тризн:

"Сюр" — сдох,
Лишь русский Сверх —
Сюрприз!

За-место-меч —
Сверхревольвизм!

Лишь русский Принц —
Не онанизм!

Лишь дивных дивов
Вид — Космизм.

Дивины девственность —
Девиз.

Дивизий действенность —
Сверхблиз.

100 000 трупов —
Лишь каприз.

И Вверх агрессия
И Вниз.

Blitzkrieg! —
Как резкий крик орла.
Смотри: культура —

Умерла!

КРИЗАЛИДА ЗАРАТУСТРЫ

Красит кризалиду чувств
Русский хрустом Заратустр:
Кризалида — зал Суда! —
Разверни свой жал
Сюда.

Кризалида —
Жаль всех сытых,
В груди собирай убитых.

Ба-ба-ба-бочкой не станет —
Пусть кинжал их туши ранит!

Груды рай решили выбить,
Грозы род вершили
Выпить.

В сутрах — устрицы и трусы,
Никого, чтоб с ликом русских.

Возвестим же наше Утро!
Возвестим же наше Мудро!

Заратустру — не забуду —
Заратустроликой буду!

Смехом Львы съедают Будду,
Чтоб затем — обрушив Выси —
Только рысью Русь исчислить!

Жаль ли нам убитых груды?
Жаль ли Львам простого люда?

Люд на блюде
Поедают крысы —

Риск лишь мысли
Заратустры —

Чудо!

БЕЛОКУРАЯ БЕСТИЯ

Белокурая бестия,
Златокудрая пассия,
Стань во мне
Лютой мesteю,
Съешь меня
Своей пастею.

Сверхизысканной
Кистею бью туда,
Где нежистее,
Чтоб Жестокость
Бесстрашная
Становилась
Лучистее.

Бестиария миссия
Рвать лишь тех,
Кто сисисъетее,
Чтоб драконы
Роскошные
Становились
Когтистее.

Белокурая бестия,
Змеекудрая пассия,
Рви же всех,
Кто пушистее
И конечно —

Прекраснее!

НИЦШАЯННО

Ницшаянно заделась
За копыта —

Опять верблюд,
Где лапа Льва
Была!

А был ли Ницше то?
Власть к Воле
Умерла —

И Злу
Как Роскоши Добра —
Finito!

Но прошептала крошка Лу:
"Дитя даёт все шансы Злу"

Красота блудес блудесней:
Бойся змееликих Бестий,
Что сирен сладчей поют —

В Боль
Все плети
Хлестанут!

В Кровь
Все очи
Окунут!

В Смерть
Все лики
Повернут!

МАТЬ

Сума сама сошла с ума,
Пути же Путник не покинул;
Незримо кивнул и снова —
Камень кинул!

Ни цшись —
Свет Светит Без ума —
И Воля к Власти восстаёт
Без спроса:

Быть иль не быть?

Не быть!
И никогда не задавать
Трусливого вопроса.

Дракон — на жемчуг! —
Лишь любил смотреть:

И тех, кто не посмеет
Сметь —

И тех, кто не захочет
Волей к Власти стать —
Львицеподобно разорвёт
На части Мать.

СМЕРТЕЛЬНАЯ НАГОТА

Нагота чудес чудесней:
Бойся белокурых Бестий,
Что когисто истых рвут —
Револьверноверных будд.

Зла сосуд — не иссосут:
Эрос пышен, но разут —
Ужас щедр, но раздет —
Драгоценноценных нет.

СИЛЬНАЯ САМКА

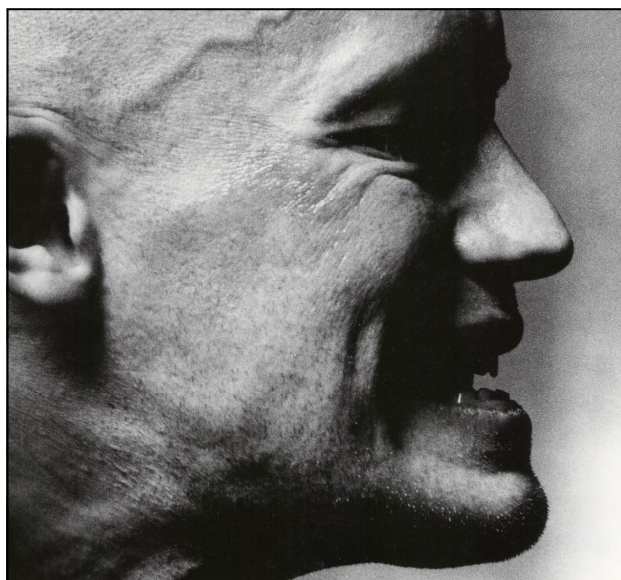
Снежной поступью прилежно
Я гряду к тебе, Сверхнежный!
Белых бестий хоровод
Водит смерть
Наоборот:

Раскрывай скорее вежды,
Слабым никакой надежды,
Совершенству лишь черёд —
Белокурый бог
Грядёт!

Нежной поступью прилежно
Он идёт один Сверхснежно,
Совершенный Зверь грядёт:

Сильных Самых!

Сильных Самок лишь
Черёд!

Прелестинка

Пиндосия

Иллюстрации Эдуарда Кулёмина
Illustrations by Edward Kuelmin

американский цикл стихов прелестинки <<пиндосия>> является продолжением литературной традиции идущей от радищева, горького, есенина и маяковского. однако, поэтка прелестинка не разделяет пессимизма русских авторов, и к примеру, в отличие от маяковского, который писал о победе коммунизма на всем земном шаре, кроме америки, - прелестинка верит, что <<скоро этот край будет наш! и на месте грязного нюёрка заполненного педерастами и уродами всех мастей мы выстроим пару артеков для наших краснознаменных детей!>>. прекрасную утопию советской америки рисует воображение автора в которой айдаху предлагается отдать белорусам, <<джоргию грузинам, флориду бабулькам, выращивать семечки и винище>>...однако сердце автора, отбывшего в америке уже почти 5 лет, наполнено не только надеждой, но так же болью и тоской по советской родине. главный герой стихов - трубокрас негритянский школ, разговаривающий со своими красками, кисточками и кирпичами: <<но я не маляр нет нет нет - я замечательный поэт>>, мучимый экзестинциальной тоской <<кто я и како како какого хуя и зачем и почему я существую>>. И вот он, сидящий на глухой станции вспоминает родную деревню – образ прекрасных бугров - девичьих сисек глубоко символично противопоставляется антибуграм - станции дырской (hollies). Печально взирает герой на ожиревший в результате кастрации <<засратый вавилон>>, на жрущих некрасивых людей, на бездушный поток товаров, на немяукающих кошек в колокольчиках, негавкающих собак - и пытается во всем этом услышать музыку, найти красоту, почувствовать запахи - но увы - <<здесь странные запахи резкие уличные и людские,человечьи нережут а словно стамеской декоративные причиняют увечья>>... и в его сердце вырастают горькие строки, исполненные искренней яростью и неистовой революционностью: <<я люблю америку в виде флага, где каждая звёздочка покраснела от стыда ли за вооружённые силы или просто от пламени>>. Он ужасается <<если в расеи,в расеи маеи такая же будет хуйня - бля!>>, но горячее страстное сердце поэта побеждает уныние - и указывает ему на путеводную звезду: <<новый поход - только новый поход сможет спасти человека>> пишет он в лиричном и мечтательном стихотворении про лучников. поэт предлагает начать революцию с самих себя: <<и выгоним буржуев всех взащей из собственных телесных оболочек>> и заканчивает цикл на светлой ноте, полной надежды и страсти.

- Веттерок

ЭПИГРАФ:

Когда я вырасту большой
Я уеду в Америку
И,наверное,забуду свои первые очки
Я буду считать очки
Которые выиграл сидючи.
Какой я всё таки был смешной
Писал стихи
Вместо того,чтоб читать учебники
И ждал чего-то
Наверное болото,
Которое было из вареников
С ягодами из блохи.
Я давно не читаю лирику

Я давно не пишу стихи
Совсем стал болезненный,
Но спорт всё-же полезно
Не то,что собирать мусор.
Уеду,уеду в Америку...
Уеду,уеду в Америку...
Уеду,уеду в Америку...
Уеду,уеду в Америку...
Уеду,уеду в Америку...
Уеду,уеду,уеду,уеду,
Уеду,уеду,уеду,уеду...

Кузя Уо

-- В ЭТОЙ ЕБАНОЙ АМЕРИКЕ --

в этой ебаной америке
мама такая любимая
батя такой родной
пишет сестра письма

кузя такой болезненный
асик телефон потерял
дузер даньку купает
еду в квинс и покрашу там трубы

в этой уёбаной америке
дело то у всех одно
на уикенд поехать смотреть очередные красоты
исключая местных,понятно
им всё это уже остоебенило до рвоты
они лишь выживают
свободы выуживают
завтракают и ужинают
заходят к чайнизам пожарть
за 4.75

-- ТРУБЫ--

бывают трубочисты
и есть трубоукладчик
бывают даже люди
што трубы продают
я в этом деле мальчик
я трубокрас-и тут

я стал бы трупоебом
за небольшую плату
но нет таких окладов
вот разве што...КИНО!
сниму и всех сыграю
и трупа и говно.
(но)
одни сидят на трубах
другие викторцои
а я же трубы крашу
когда не слишком пьян
иду домой!
наполнен
двадцатками карман.

-- Кисточки --

себе начальствую - на лестницу залезь
подкрась вот это вот: и здесь,и здесь

крашу белой краской дом
будут черные жить в нём

но я не маляр
нет нет нет
я замечательный поэт!

подружилась с кирпичом
што то есть смешное в нём

дом огромный выкрасив
я решил што он красив

а до этого считал
што он плох коряв и мал

это голубая краска
это краска пидораска

кирпич, што делаешь ты в ванне ?
я личной гигиеной занет!

над семиметровой палкой
валик, скатанный и жалкий

мы чертили с кирпичом
он во мне а я на нём

укоряюще стоят
8 ведер краски в ряд

я пожевал кирпич, на вкус
кирпич ну в точности арбуз
не наш арбуз,не астраханский
а местечковый,иностранный

вот перчатки
в них ладони
ими можно брать полоний

и жевать его в тоске
по любимой и реке.

-- БУГРЫ--

в селе Кириллово есть бугры.
наш,например,называется Пухов.
потому што много тополей.

соседский бугор-дружелюбный.
следующий,где почта-нейтральный.
остальные три или четыре-вражьи.

едешь на велике
смотри!
изловят вражьи мальчишки!
заставят есть крапиву
или трусы отнимут
а один раз скинули в воду
в белой рубашке был
2 рубля промокли
пришел домой,ушел в сад
строил кровавые планы
а потом пришла людка
с грудью!
грудь смотрели
такая
грудь как грудь
только мягкая

и прохладная

сiju вот на станции Дырской
полчаса ожидаю трэйна
ах ты ёбаная чугушка!
негритянский райончик, квинсик
и вспоминаю людку
вражьи бугры и сиськи

-- ХЫХ! --

хых!
по улице бродвейской
прут, презрев дождикапуль.
есть непонятные, как стихи
жена утверждает што морячки
муж што военный патруль

хых в этом мае индейцы
так измельчали-их атомы
ложками тягают томы вэйтсы
в миксеры да сепараторы

хых вы, бабочки многодневки
урод на уроде-цвет нации
увидел красивую девушку-
такая,
корейско-вьетнамская

4 пинты пив=тирамису
(в которое, увы, я не наассу)
меня
перелили из миски в dish.
о чём ты?
в котором часу?
да ну!?
А ПОЧЁМ ТАМ?
пиздишь?!?

хых редакторы вы нотные
мужики и бабы потные
баки чаны дыры урны и
сновидения халтурные.

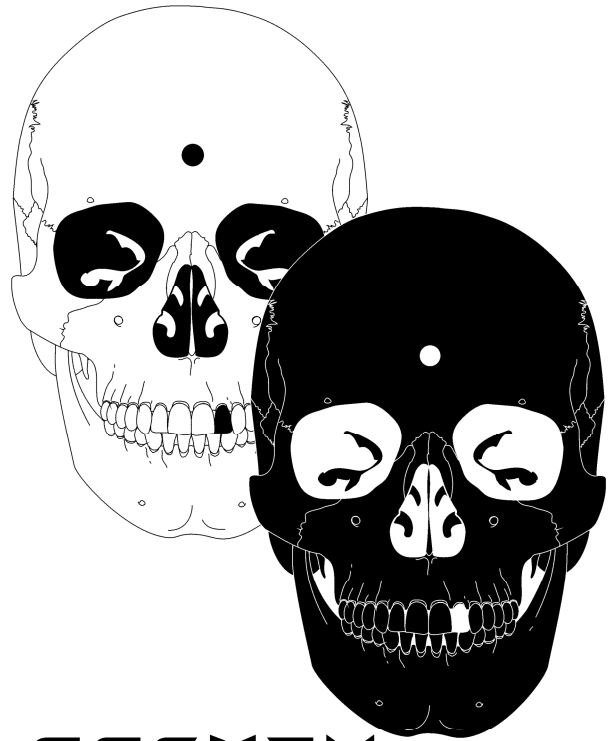
-- ЗДЕСЬ ВСЁ КАСТРИРОВАНОЕ--

здесь всё кастрированное кастрированное
кастрированное

здесь даже кошки ходят в колокольчиках
собаки не кусают жрут и срут
всё работает
все работают
ежесекундно еженощно эвримиг
и никого што самое смешное нетошнит

это тоже
кастрировано

-- ЗДЕСЬ СТРАННЫЕ ЗАПАХИ--

РАСИЗМ НЕ ПРОЙДЕТ!

здесь странные запахи
резкие
уличные и людские, человечьи
нережут а словно стамеской
декоративные причиняют увечья
капает вонь на плечи
сжимаются плечики
эх португальские мячики
развязозавязочьи венчики
ранние великоПечкины

пекарня тексиерова проедет
но калачом по морде не обдаст
а леська вабще ест без хлеба
ты сам то напитан?
хлебаст?

-- ТОВАРЫ--

Ползут улитки и сороконожки
Самолеты и прочие твари
Пульки гашик и босоножки
Товары!

Дыньки газ и другая чача
Дети кошки мотыль кальмары
Провожают их горько плача
Товары!
Заводские шалавы боги
Марсы луны земные шары

Руки почки глаза и ноги
Товары!

-- **КРЫСЫ**--

летит четырёхлетняя блондинка
в боинге с джоном и дженни
с джиной и майком
с карлом, с ребекой
в страну детей аутистов
в баггпованетландию
блондинку зовут маша
там будут звать мэри
-мэри, ты хочешь писать?
маша плачет и хочет писать
toxicspearsы провозят тележки
так на переезде стоят автомобили и люди
чёрные клапаны и серебристые точки соприкоснове-
ния привлекают их взгляд
машенька не доросла
мундиры любого цвета ей насрано
-мэри? тебе нада писать?

а в детдоме её научили говорить этой тётеньке мама
этой странной старушке с усами этой
дядяньке с нижней губой

этим человечьим ямам
в самолёте, грифоном домой
станет радугой или вдовой
а может наиграются и вышвырнут, скажет по русски
ну и хуй с вами
маша. хочет писать. из рязани.
и НЕПОНИМАЕТ
ШТО ХОТЯТ
ЭТОТ ДЯДЯ И ЭТА ВОТ ТЁТЯ
-ты хочешь писать? вопрошающие упрямо.

-я очень хочу в туалет, мама.
мама, мне надо пописать.
в какой ты сторчалась канаве.
я туда буду писать.
там теперь крысы.
мама!
мамочка
там теперь крысы
МАМ!!! МАААА!!!
МАААММОЧКАААА!!!
ТАМ ТЕПЕРЬ КРЫСЫ!!!!!!!!!!!!

-- **Я ЛЮБЛЮ АМЕРИКУ**--

я люблю америку
сквозь перископ АПЛ
ни одного мудака в экипаже
многогонная смерть
скорострельна и быстроходна

я люблю америку
сквозь электронику борта
радуюсь громко
кричу:
-Поймался, поймался!

при виде следующего города

я люблю америку
на карте
в окружении верных военных
верные мирные
координируют бывший
телевизионный спутник

я люблю америку
в виде флага
где каждая звёздочка
покраснела

от стыда ли
за вооружённые силы
или просто

от пламени.

-- **КАК ЖЕ ВЫ НАС ЗАЕБАЛИ**--

как же вы нас заебали
с IDями!
гребоёбаные пизды
вонючие капиталисты!

если в расеи, в расеи маей
такая же будет хуйня
БЛЯ!

на молекулы атомы прочий спрей
разъебут красностены кремля!

-- **АМЕРИКА ДОЛЖНА БЫТЬ РУССКОЙ**--

америка должна быть русской
тварям тупым нет места на этой беспыльной земле
айдаху отдать белорусам
пусть ковыряются еле
в картошках
индейцы матрёшку
пушай познают

джоржию грузинам.
флориду бабулькам
выращивать семечки
и винище

и вапще будет чище

закреть америку! обнести забором! волны всех час-
тот прекратить! гольфстрим откатить! пароходы ото-
звать! самолёты отлететь!
не пить её и не есть.

-- **АМЕРИКА ВСЕХ ПОБЕДИТ**--

америка всех победит
кнопки эдит и иди_ты
в руках её
жирных и сытых

пизди не пиздите, хуилы
америка всех победила
ещё попиздите немножко
съебётся на корабль ваша кошка

и уплывёт в ебучую
и уплывёт в могучую
в гумозную америку
в засратый вавилон

**если не схватить её заширку
и не сделать земшара протирку.**

советы всем отъезжающим
на пмж в сасш

**сиди дома мудила!
скоро этот край будет наш
и на месте грязного нюёрка
заполненного педерастами и уродами всех мастей
мы выстроим пару Артеков
для наших Краснознамённых Детей.**

-- ПОХУЙ--

похуй
свободная виртуальная память системы заканчивается
плохо
как плохо оказывается
где я?
и какого я здесь чорта
кто я?
может неудачечка аборта
с кем мне
колупать промёршую землицу
где мне
лёд топить штобы воды напиток
кто я
и како како какого хуя

и зачем и почему я существую.

-- 9000 полётов стрелы--

ветер унёс электрический ток
компас показывает на восток
лес приземлился реки ушли
горы - зелёные горы вдали
камень - на камне сидит человек
очи ребячьи а лет ему век
лук рядом с ним
што-то чертит стрелой
он видит степь
степь покрыта травой
конь её ест
ну и пасть у коня
скоро проглотит лошадка меня
турков индийцев корейцев и вот
целый китай отправляет в живот
всех
кто поближе
и долго жуёт
так её начетверо разорвёт

на девят тысяч полётов стрелы
люди придут што остались белы
выстроят юрты пяти этажей
выроют дыры в земле. сторожей
попанаставят. заборы введут
танком проедут и ток проведут
компас укажет на марс
зверь уйдёт
новый поход - только новый поход
сможет спасти человека
но он
очень спокоен и видит он сон
о лошадях и медведях
пасёт
белый баран их и песню поёт
о облаках о трамваях о дне
Бешеных Лучников
спавших во мне

-- СОВРЕСПУБЛИКА--

жила бы Совреспублика
а мы не пропадём
нефть перемоем в рублики
и бубликов накупим
и чайём
напоим кофепеев, алкашей
и выгоним буржуев всех взашей
из собственных телесных оболочек
и нарожаем мириады дочек
пятнадцать сыновей и двух ежат
нехай в карманах, круглые, лежат!

НЕ ССЫ!

k.l.m.n. '97

АЛЕКСАНДР РЫБИН

Старухи-шахидки (план для Революции)

Иллюстрации Дэвида Шуро(США)
Illustrations by David Baptiste Chirot

Долго, долго я вынашивал эту идею. Но теперь она близка к реализации. Возможно, уже завтра все начнется... Мне остается только дожидаться, когда этот, старый, мир зарастет достаточным количеством руин, чтобы строить новый.

В сущности, одни руины будут порождать другие и будут вспахивать землю, чтобы по ней позже прошлись молодые с ангельскими крыльями и засеяли ее зернами Утопии. Да, именно Утопии. Земля устала от прагматичных цивилизаций, материальных культур, технического прогресса и исторических формаций. Неужели не слышите, как она жалобно стонет, распытая и изнасилованная? Нужен невероятный мир, метафизический рай с декоративными элементами ада.

Каждый день они собираются на ступенях нашей редакции. Редакции краевой оппозиционной газеты. Лица их то перепачканы сажей, то облагорожены пустыми глазами. Начинается рабочий день. Они входят. Заносят сквозняки от своих близких могил. Из их рукавов выползают пауки, муравьи, тараканы и улитки. Ветхая их одежда воняет даже не десятилетиями - столетиями.

Ненужные ни государству, ни обществу - городские пенсионерки.

Столько лет они били в меня, в Настю, в других наших журналистов, пытаюсь попасть в государство. Сейчас у них появился шанс - попасть прямой наводкой.

Что делать, я понял довольно давно, но не знал как.

Мне было каких-то 18, тогда я ее встретил. Порочную и липкую, как растаявшее мороженое. Революцию.

Я был, как слепой щенок - неопытный и много не умеющий, но внутри клокотало, требовало вырваться наружу безумие. Вырваться ради чего-нибудь, ради кого-нибудь.

- Глупости выбрось из головы и учись спокойно в университете, - говорили мне родители.

Но университет: монотонные трусливые преподаватели и быдлосокурсники, заливавшие в себя пиво между парами и к концу дня спавшие в зеленых блевотных лужах по коридорам общежитий. И сокурсницы: «Хочешь меня? А презики есть?» - отдавались также легко, как осыпались увядшие листья по осени. Никому из них нафиг не нужно было мое безумие, моя Великая Жертва. И недоступный Идеал не висел над ними вместо солнца... а внутри меня клокотало, разжижало кровь, иногда вдруг выбрасывало в небо или в горы... и потом шел с тоскливым взглядом из-под кепки, а позади вмятина на небе или горах.

Хотелось... хотелось... хотелось, чтобы пели, как еще не пели, и Луна по ночам, какой еще не бывало, чтобы чакры все до одной открылись настежь и гуляли по душе космические ветры.

Не понимаете, о чем я? - значит, не были настоящей молодежи.

... и опять по утрам асфальт, все тот же, в битумных заплатах, от общежития до университета... «Пивка будешь?»... «Хочешь минет сделаю?»...

Еще ни разу не видел Революцию, но чувствовал ее присутствие на параллельных улицах, в косматых нецентральных парках, в дребезжащих мимо трамваях.

Встретил ее, зайдя от тоскливого любопытства в подвал, где сидел штаб микроскопической леворадикальной организации. Она - монгольские глаза, невысокая, в растянутой кофте и длиннополой цветастой юбке. Миниатюрными ручками набирала манифест на гудящем компьютере. Возле нее вились бледные юноши с пушечными жерлами на месте третьего ока - такие же, как я. Физически они казались слабее меня. «Значит они еще безумнее, чем я,» - решил тогда. Они срывались на неказистые комплименты, истерично и многословно меч-

тали вслух - пытались произвести впечатление на нее. На Революцию.

Главное, что привлекало в Революции - она была женщиной необычной. По-настоящему необычной женщиной. Хотя, если учесть ее темперамент, ее приличествовало называть не женщиной и девушкой - но девчонкой. Девчонка Революция. Необычная девчонка Революция.

Большинство мужчин, юношей, мальчиков замочены на женской красоте. Они смотрят на женщину через оценку ее красоты.словно плотные занавески одели на глаза и не могут увидеть за ними день, расшитый событиями, мечтами, поступками и архитектурными шедеврами, или ночь, полную северных сияний, желтых хищных глаз, одиноких прохожих и праздничных фейерверков. Но как же пусты и утомительны женщины, помешанные на собственной внешней красоте! Снимаешь с них одежду, целуешь влажными губами лицо и глаза, смазывается тональный крем, потекла тушь, пытаешься с ними говорить о боли Генри Миллера и мрачной правде Достоевского, но слова твои проваливаются в никуда - ты стоишь перед черной дырой. В черную дыру засасывается и капитанская фуражка, которой бредил в детстве, и прыжок с парашютом, к которому готовился вот уже год, и новые песни, которые упорно репетировал с друзьями. Из черной дыры ничего не возвращается.

Революция не сшибала с ног своей внешней красотой. На улице ее и не отметишь среди десятков прохожих, особенно, если она идет, задумчиво глядя под ноги. Но стоило ей заговорить... как будто попадаешь в фильм: драму, комедию, боевик, чаще всего драму - и ты главный герой, поэтому все нужно делать с надрывом, на пределе возможностей, иначе режиссер возьмет другого на главную роль или из зрительного зала в тебя полетит недопитое и недоеденное. Революция кружила голову словами и поступками. То она гнала велосипед по встречной полосе оживленной автомагистрали. То она стояла на краю крыши какой-нибудь многоэтажки и, улыбаясь в щелкающие снизу фотокамеры, она... Она была концентрированной необычностью. Ее портрет нужно было поставить напротив слова «необычность» в лингвистическом словаре.

Меня она зачаровала при первой же встрече. А ее груди, задорно шевелившиеся при каждом движении под растянутой кофтой, присыпали эту встречу сахарной пудрой.

...леворадикальная организация стала для меня домом. Стоять в пикетах, расклеивать листовки по стенам ночного города, носить рецепт «Коктейля Молотова» в заднем кармане штанов, прорывать оцепление из солдат внутренних войск и ОМОНа, сидеть в отделениях милиции после задержания, выкрикивать до боли в горле лозунги на текущих по проспектам демонстрациях - во имя, ради, для... так можно было обратить ее внимание на себя, приблизиться к ней.

Она отлично слышала, когда очередной ментовской начальник или придурок с удостоверением ФСБ, на ключ заперев дверь рабочего кабинета, угрожал мне тюрьмой или принудительной психи-

атрией. Быстро забывала тех, кто «ломался» и возвращался в «обывательскую жизнь».

- Сука, слабак, - говорила о таких и спрашивала что-нибудь типа, - ты не помнишь номер автомобиля, на котором приезжал эфэсбэшник? Надо будет разбить ей фары и стекла.

Пару раз на штаб нападали неизвестные. С арматурой, с цепями, бросали в нас пустые пивные бутылки, метя в головы. Погромы длились не дольше нескольких минут. Окровавленные стекла, осколки зубов, кусочки еще живой плоти мы собирали также безмятежно, как дворники-узбеки окурки и использованные салфетки. Кто-нибудь пытался догнать нападавших, прихватив толстые дровки от флагов. Но на ближайшем перекрестке появлялся милицейский патруль, два, три. наших задерживали, нападавшие улепетывали дальше.

Пока одни наводили порядок в штабе, раны другим зализывали бездомные псы. Приходил живший на третьем этаже диссидент всех политических систем дядя Толик. С коньяком и колбасой. Высказывал версию, каким образом к нападению приложило руку давно умершее КГБ. Наливал по «пятьдесят» и предлагал тост за скорый успех. Приходили эвенкийские шаманы и забивали жертвенного оленя, чтобы «очистить место от случившейся беды». Прилетал белозубо-улыбающийся Гагарин. Награждал всех пострадавших кольцами Сатурна. И Ленин взбирался на перевернутую тумбочку, и задумчиво вглядывался в туман будущего. Больше остальных суетился пришедший Пол Пот. Доверительным шепотом он сообщал, что в штабе завелся предатель, «червь, жрущий изнутри спелое яблоко вашей коммуны». Убеждал — голос его звучал все громче и громче — найти предателя и жестоко казнить, затем захоронить тело на одной из городских свалок.

Но ни разу не появлялись право-, криво-, бородавкозащитники. Они предпочитали тратить американские гранты на восхваление бесполезных либеральных ужимок.

На Первомайской демонстрации мы двигались мимо Кремля, где тусовался коротышка с вздорным носиком — Президент. От нашей ненависти и охрипших «кричалок» прогибалось милицейское оцепление. Хорошо загоревший и обильно наодеколоненный полковник вызывал по рации подкрепление. За первым оцеплением вставало второе. Путь к Кремлю перегораживали мощные «Уралы», крысиные морды БТРов, подводные лодки, крылатые ракеты, ядерные чемоданчики, счета в швейцарских банках, судьи в мантиях, СИЗО, тюрьмы, рынки олигарха Тельмана Измаилова, щетина Абрамовича, футбольный клуб «Челси» в полном составе, включая уборщиц из Индии, фракция КПРФ в Государственной Думе... сколько же всякое мерзости собиралось, чтобы уберечь цитадель государства от нескольких десятков мечтателей и мечтательниц, зачарованных Революцией.

А после демонстрации нас, как воробьев палкой, гонял по дворам ОМОН, облаченный в каски и бронжилеты. Это они мстили нам за свой мгновенный испуг, за унижение, таившееся в наших «кричалках».

Не помню день недели, но точно помню дату — 3 марта. Я и Революция стояли в подъезде дома, где располагался наш штаб. Четыре дня назад ее бросил ее... как бы его лучше назвать?... но в итоге он оказался «слабаком и сукой»... он сломался. Тихонечко ушел из организации. Несколькими фразами расстался с Революцией. Она рассказала мне об этом через день. Я понимал, что это признание предназначено только для меня и никого более. Мы стояли в подъезде и курили противногорькую, но очень дешевую «Золотую Яву».

Неудержимо хочу тебя поцеловать, - сказал я.

В чем же дело? - ответила она.

Мы долго с закрытыми глазами целовались.

Вышли в закат — он отливал маняще-изумрудным.

Нельзя долго смотреть на закат, иначе твою душу украдут духи Нижнего мира. Так считали башкиры, когда были язычниками, - сказала Революция. Одним из ее предков был Салават Юлаев, поэтому она знала кое-что о традиционной культуре башкир.

Еще через четыре дня я обнаженно касался ее и в небе незабываемо светили звезды. Чердак торгового комплекса, под нами старый ватный матрас, по клубам, ресторанам и домам расплзалась пятница... После Революция горячо шептала мне на ухо, крепко сжимая мою руку, она шептала:

Много таких же, как ты. Вроде бы и дикие, словно полчище гуннов, кости себе и другим ломаете. Чтобы меня в постель затащить. Затащите... переспите несколько раз, потом бросите, в придачу еще и погаными словами отхлещите.

Мне, правда, хорошо с тобой, - говорил ей, часто сглатывая, - я, правда, никогда... только ты... всегда.

Милый, я очень хочу верить в это. Милый, - и она расплакалась.

(из окна квартиры, в которой пишу эти строки, виден пенал здания, где находится краевая администрация; я смотрю на него, как врач на смертельно больного)

Она плакала и еще крепче сжимала мою руку. Вдали звенели колокола невидимой православной церкви. Темнота редела и понемногу серо прорисовывались контуры окружающего утра.

Когда бросали меня, обычно говорили, что слишком сумасшедшая, что со мной нельзя быть настоящим счастливым. А что такое «быть настоящему счастливым»? - спрашивала она сквозь всхлипы.

Я счастлив. Сейчас. Здесь. С тобой. Сидя на берегу Москва-реки. Чувствуя прохладу долгого русского утра.

Вернулись в штаб. Прижавшись губами к моему плечу, она уснула. Слушал ее тихое дыхание, глядя внутрь себя. Наконец тоже уснул...

Наш общий сон длился почти шесть месяцев. Мы постепенно выпали из деятельности леворадикальной организации, потому что сосредоточились друг на друге (без нас, без Революции, в-первую

очередь, организация скоро рассыпалась — активисты разбежались: кто «во взрослую жизнь», кто в политические эмиграции; штаб однажды закрыли и ключ потеряли, там до сих пор среди канализационных труб тлеют красные флаги). Решили ехать к морю, чтобы жить возле него. Ни она, ни я на море раньше не бывали — оно представлялось нам вечной симфонией, в которую легко могут вступить еще два хорошо настроенных инструмента.

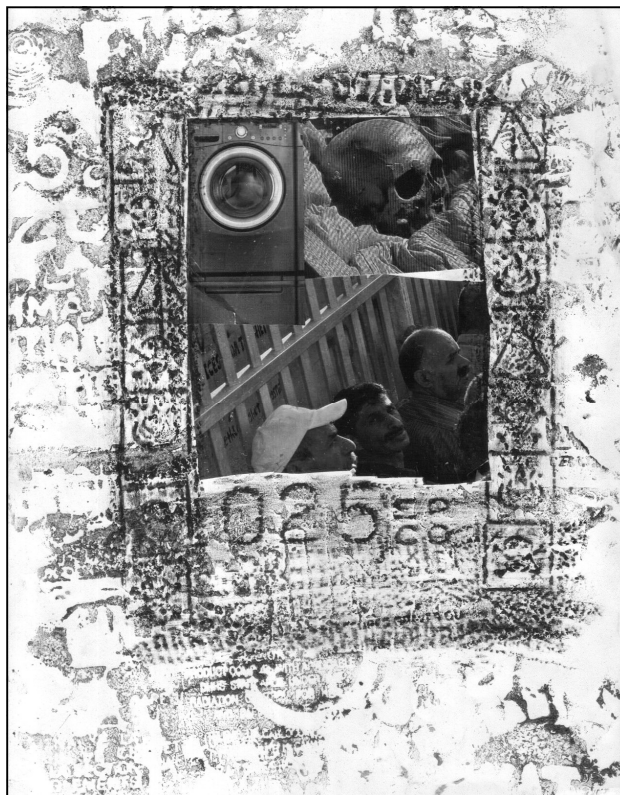
Революция! Помню же отлично волосы твои черные, как пахли они порохом и весной. Груды твои — два мешочка, полные моих желаний и наслаждений. Как ты говорила, взвешивая их поочередно: «Совсем-совсем не представляю, как ими можно накормить маленькое пищущее существо». Добавляла, взяв мою руку: «Но у нас обязательно будут дети. Двое — как минимум. Ведь одному будет скучно».

Губы твои — помню. Как ты их вытягивала, изображая Муссолини, голая стояла перед зеркалом. Умильная. Целовал тебя в губы, в живот, ниже, ниже... ты закрывала глаза, пальцы твои, утонув в моих волосах, мелко дрожали...

Революция! Маленькая моя, не понимал тебя да и себя толком не понимал! Теперь я — другой. Докажу. Чуть-чуть осталось.

*****

Редакцию краевой оппозиционной газеты мы с Революцией нашли, когда бродили по изломанным линиям «Миллионки». Тогда мы даже не знали названия этого исторического района в центре Владивостока. Не знали, что до 1920-ых годов там были бордели из французских проституток, опеку-

рильни, что там находили убежище китайские бандиты-хунхузы.

Просто бродили по «Миллионке», наслаждались ее сложно-многоугольными дворами, хаотичным расположением домов, многочисленными низкими арками. Поднимались на балконы, опоясывавшие здания, - с них виднелись скошенные крыши старинных построек, вытянутые, как трубы, новостройки, а за ними синий в молочной пелене Амурский залив. Пробирались по мрачному и чавкающему под ногами тоннелю, соединявшему дворы. Зашли в подъезд одного из щербатых зданий. Над бетонно-холодными стенами и полом извивался высокий арочный потолок. На первой же двери висела табличка: «Редакция краевой оппозиционной газеты». Но мы клюнули на другую табличку, по соседству: «Мастерская художника Кагарова». В мастерской пили чай и Кагаров показывал свои яркие, написанные на острове Русском, пейзажи. Его жена, говорливая южанка, угощала нас кремовыми пирожными.

Про редакцию вспомнил, отправив второе письмо Революции в Пхеньян. Пошел туда проситься на работу.

На диво меня легко взяли. Спросили только, редактор спросил: «Не боитесь проблем с властями?» Ответ «да» заменил и рекомендации, и испытательный срок.

(Смешно, честное слово. Эти Центры по противодействию экстремизму — Центры «Э» еще их называют — ищут угрозу государству среди молодых и физически здоровых. Им, пузатым мужикам, руководителям Центров, в головы их короткостриженные не придет: опаснее всех — немощные, с корявыми, как сучья сухого дерева, конечностями, с беззубыми ртами, в стоптанных сапогах, найденных на помойке, в выцветших платках, и проеденных молью вязанных шапках, с пустыми «авоськами», бестолково колыхающимися по ветру, с кожей, словно половая тряпка... их армия, поднимающаяся, кряхтя и охая, в шесть утра под гимн по «Радио России»... спешащих, хотя много лет уже их никто не ждет... не ждал. Теперь их жду я. Очень жду).

Вот. Вот тут подделала она подпись, - махает Тамара Иезекильевна у меня перед самым носом ксерокопией, - подделал мою подпись. Землю мою хапнули. Незаконно! Незаконно!

Муравей, черный, малюсенький выпадает из седых волос пенсионерки. Приземляется на мои руки, покорно сложенные на столе. Он бежит, муравьишка, перебегает с пальца на палец, на стол и утыкается в мой надкусанный пирожок.

Смотрите, смотрите. Мне не за себя обидно, за правду. Хочу, чтоб правда восторжествовала!

Я не перечу, не соглашаюсь — молча слушаю и преданно смотрю в глаза Тамары Иезекильевны. Возможно лет 50, или 70, или 100, или 240 лет назад она была первой красавицей в районе, во дворе, в подъезде. Или в целой, огромной, как Женевское озеро, квартире. Она вытанцовывала походку на ярмарочной площади, на приеме немецкого

консула, на открытии ВДНХ или, направляясь к председателю краевого комитета КПСС. И завистливые подружки называли ее за спиной «блядь», «расфуфыренной» и «прошмандовкой». Через штормы времени эта великолепная женщина добралась до меня. Чтобы излить свою боль в мои уши, лицо, поры.

Я не перечу, не соглашаюсь — лишь молча слушаю и преданно смотрю в глаза Тамары Иезекильевны. Она распаляется все больше. Изображает судью, которая подло отобрала у нее землю. Напяливает на голову оранжевый полиэтиленовый пакет — такая же скомканная и высокая прическа была у судьи. Задирает юбку и показывает пепельно-бледную варикозную ногу — такое же тусклое лицо было у секретаря судебного заседания.

Хоть и молодой, а паршивый уже. Гниленький. Долго не проживет, - это о секретаре судебного заседания, - жалко мне его, жалко. Его бы научить правду от вранья отличать, хорошо зажил бы. Честно, порядочно. Все бы в жизни получалось. Как у Вас. Вы-то ведь помогаете слабым за истину бороться.

Улыбаюсь. Муравьишка отчаянно отдирает крошку от пирожка. Прихлопнуть его сейчас, значит, разрушить весь свой хрустальный образ в глазах пенсионерки. Когда она отвернется или выйдет, тогда-то и...

Я же собиралась на той земле, что у меня отобрали, посадить яблони, акацию. Клумбы обязательно сделать, герани, гладиолусы, розы, тюльпаны. В цветах-то знаю толк. Сад получился бы — на радость всей округе. По весне расцветал бы... Ой, мать Божья, бабочки слетались бы. Красота. Ну сволочи, незаконно отобрали. Незаконно!

Раздается третий звонок. На сцене перед моим рабочим столом разворачивается действие второго акта. Тамара Иезекильевна хлещет воздух — подобную пощечину заслужил ее сосед, подавший в суд.

У него, наверное, родственники в суде работают, - замечаю.

Канешна!

Следует подробное описание генеалогического древа соседа. Оно гнилое от самых корней. Предки его каторжники, бежавшие с острова Сахалин. Вместе с китайцами торговали во Владивостоке опиумом. Дальше — хуже. Родители соседа — дезертиры с фронта Великой Отечественной. Отсиживались в землянках в Уссурийской тайге. Незаконно охотились на уссурийского тигра и добывали женьшень.

Незаконно!

Сын соседа работает в милиции. Значит, мог оказать давление на суд. Да чего там. Точно давил на судью.

Заставил он судью принять решение против меня, против правды. А кто его знает, мож она и во все его любовница? У него жена есть. Но люди говорят, «налево» он похаживает — будь здоров.

Занавес. Аплодисменты. В зрительном зале загорается свет. Тамара Иезекильевна устало плюхается на стул.

Чаю? - предлагаю ей.

Давайте. Измучилась, пока всю правду Вам рассказала.

Ухожу на редакционную кухню. Почти печалюсь, что приходится покинуть пенсионерку. Если бы у меня имелся помощник, секретарь — подчиненный, то отправил бы его за чаем, как только Тамара Иезекильевна подошла к моему столу. Кипяток из электрического чайника, дешевый чай в пакетиках, немного сахара — то нехитрое угощение, которым мы, журналисты, обычно потчует посетителей. Спешно готовлю чай и возвращаюсь.

Пенсионерка поставила на мой стол локоть и поуже оперлась на него всем телом.

А ведь на заре моей деятельности в краевой оппозиционной газете я использовал поход за чаем, как предлог для передышки. Выскакивал из кабинета, словно ошпаренный расплавленным свинцом. Долго возился на кухне, поглощал каждую минуту, как голодающий хлебные крошки. Я сбегал от пенсионерок — именно их визиты вышвыривали меня прочь. В то время называл их исключительно «бля, старухи».

Когда только начинал работать в газете, под личиной журналиста влез в местную оппозицию. Коммунисты, либералы, националисты — побывал у всех, кто называл себя оппозицией действующей власти. Митинги, собрания, встречи с городскими, региональными и федеральными чиновниками. Оппозиционеры играли по правилам, которые навязывала им власть. И менять правила не собирались. Тем более не собирались плюнуть на эти правила и перевернуть Владивосток вверх дном, чтобы под ногами сияло небо, а над головой колыхалось море. Чтобы слепить из Владивостока веселый и шальной Город Солнца. Их устраивало изображать недовольных и складывать в сейф — или куда там на самом деле? - ежемесячные взносы однопартийцев. Они боялись перемен — даже если перемены в итоге сулили им власть в городе и в целом Приморском крае... потому что перемены — это обязательно нарушение сложившейся стабильности. В сущности, все лидеры местных коммунистов, либералов и националистов были обывателями. А вы по себе прекрасно знаете или по друзьям и знакомым: самое страшное для обывателя — потерять стабильность.

- Если захватить краевую администрацию вместе с губернатором? - спрашивал у лидера местных националистов Белова.

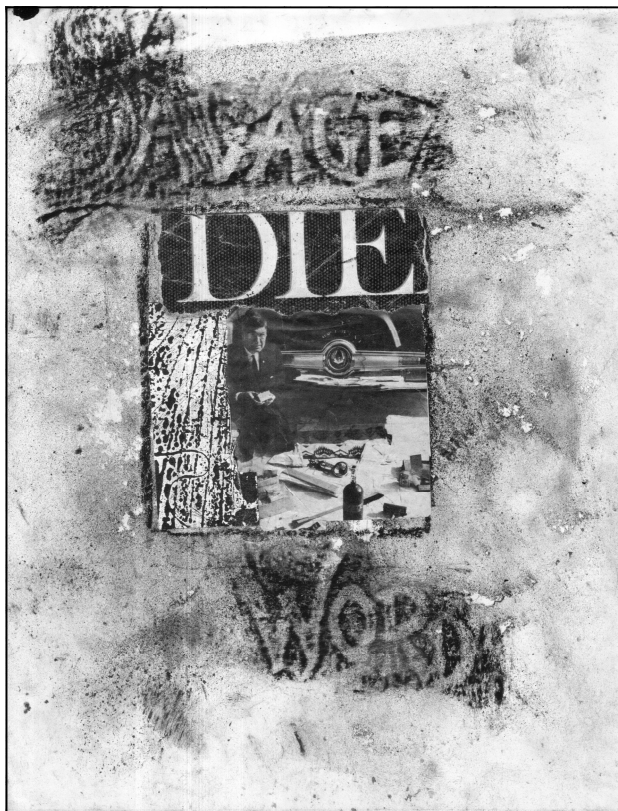
- Вы что нас на терроризм провоцируете? Мы постепенно, эволюционным путем возьмем власть в свои руки, - отвечал тот. Но его эволюция могла продолжаться до Второго пришествия, причем, для Белова этот вариант был бы наилучшим.

- Перегородить город баррикадами, - предлагал председателю краевого комитета коммунистической партии Витязю.

- Ха-ха. Мы добьемся того, что нас выберут люди, мы победим на выборах.

- Выборы же фальсифицируются чиновниками на местах.

- Добьемся, чтобы не фальсифицировали.

И Витязь шумно сморкался, чтобы не слышать меня.

Ненасильственный переворот. Блокировать деятельность государственных структур: входы в учреждения, служебные парковки, кабинеты. Государственные перестанут функционировать, бюрократический аппарат посыпется. Хаос. Вы войдете в кабинет мэра, как Жуков в Берлин. Представляете? - это главному владивостокскому либералу Геккелю.

Молодой человек, Вы понимаете, что нас за такие действия посадят в тюрьму? Сгноят там. Необходимо сначала построить гражданское общество, которое будет контролировать государственный аппарат. Не нужно будет тогда ничего блокировать, - Геккель поправлял редкие волосы, размазанные по его залысине.

А между оппозиционерами - «бля, старухи». Я приходил в редакцию, как в логово, после очередной неудачной попытки расшевелить оппозицию. Но вместо отдыха к моему столу приближалась с неуклонностью айсберга какая-нибудь «бля, старуха» и терзала меня своими проблемами.

Почему, а? Почему у меня, 70-летней, пенсия меньше, чем зарплата у дворника, хотя я отдала стране молодость и 40 лет трудового стажа? Так еще и льготы на проезд в трамвае меня лишают! - Екатерина Евграфовна бомбила мое усталое сознание вопросами. Вопросы взрывались в затылке, вызывая раздражительность и ненависть к посетительнице.

Вы что-нибудь сделали, чтобы свою льготу вернуть? - спрашивал, сдерживаясь, Екатерину Евграфовну.

А как же! К Вам пришла.

Да не ко мне надо было идти!... а в городскую администрацию, прихватив с собой гранату...

И меня осенило.

Их же миллионы — городских пенсионеров. Их мужья умерли 10, 20 и т. д. лет назад. Их дети, если у них были дети, занимались благоустройством собственного существования. Изредка навещали матерей и привозили-приносили подарок или еду, чтобы изобразить внимание и преданность. У городских пенсионеров, в отличие от сельских, не было своих хозяйств, кур, коз, свиней, деревянных домов с печным отоплением, забора, который нужно ремонтировать, обязательных весенних, летних и осенних полевых работ... их день не загружал сельскохозяйственными нуждами. В них скапливалось чудовищное количество энергии, которую некуда было выплескивать. Им не хотелось просто лежать на кровати и, глядя по телевизору на выступление премьер-министра, или гей-певца Гельцера, или скудоумного юмориста Ахояна, дожидаться смерти. Где-то очень глубоко внутри, под углями прожитых лет, билось в них желание — изменить мир к лучшему, сделать его справедливее и слаще. Это желание — самое живое, что оставалось в городских пенсионерах. Сексуальные инстинкты задохнулись в костенеющей плоти. Творчеству они так и не научились. Путешествовать — либо боялись, либо зажимали деньги. Много не ели, потому что переизбыток вызывало рези в животе, тяжесть в печени, мигрени, простуду, глухоту, слепоту, паралич и приступы ревматизма. Алкоголь совсем перестали употреблять, потому что от него проблем еще больше, чем от избыточной пищи. И среди заглохших желаний и стремлений они, наконец-то, могли расслышать то, что пело свою тихую песню с самого детства, впитанное с молоком матери — желание изменить мир к лучшему. Поэтому-то городские пенсионерки сами искали проблемы, чтобы говорить о них, чтобы бороться с ними, чтобы прийти в нашу редакцию. И если организовать эти миллионы, вдохновить их и повести за собой, то...

Екатерина Евграфовна, ведь если вы добьетесь, чтобы Вам вернули льготу, то другие пожилые люди поверят в свои силы, поверят, что можно все-таки добиться справедливости, - я говорил это, чувствуя, как над головой моей рос нимб святого, нимб цвел и плодоносил. Я уже готов был делиться святыми цветами и плодами с теми, кто поможет вернуть Революцию.

Я Вам чего и говорю.

Еще чаю?

Ой, давайте.

У меня тут булочки есть. Будете?

Ой, не откажусь, - и пенсионерка изобразила кашлем смех.

*****

Стояла чудесная тишина, ее не нарушал даже тархтящий где-то поблизости автомобиль. Ночь. Наша с Революцией последняя ночь в Москве перед отъездом на море. Мы смотрели с балкона на пустынную улицу. На небосводе зияла круглая дыра Луны.

Революция прикоснулась к моему лицу лицом. Теплая, гладкая.

Я уезжаю, чтобы все-все потерять. Но чтобы обрести тебя: целиком, всего и навсегда. Зачем уезжаешь ты? - спросила она.

Чтобы продлить наше счастье на Вечность.

Спасибо, милый. Мне так хотелось это услышать... мне так важно это услышать. Не отпускай меня, слышишь? Никогда не отпускай. Ты ругай меня, даже, если хочешь, избегай, отпинай ногами. Но никогда не уходи от меня.

Это будет наше предсвадебное путешествие. А венчают нас высокие соленые волны.

Спасибо, милый.

То была нежность, не требующая постельной горячки, влажных обнаженных объятий и задыхающихся движений. Мы касались друг друга лицами, кончиками пальцев кончиков пальцев другого. Нас соединяли невидимые каналы, с помощью которых мы обменивались жизненными токами и сердечными ритмами. То была близость, которая невозможна ни при каких сексуальных отношениях. Если бы один в тот момент оторвался от другого, то неизбежно погибли бы оба. И воздух вокруг воспламенился бы, и склепы на дряхлом кладбище застонали бы во всю мощь своих трещин. Представьте мигрирующих птиц, вдруг потерявших ориентацию север-юг. Представьте рыбу, потерявшую нерестовые реки. Медведей, позабывших, как впадать в спячку. Представьте, что с ними происходит. Тоже случилось бы с ней и со мной, если бы один в тот момент оторвался от другого.

Кончиками пальцев касаться кончиков пальцев. Чувствовать гладкую щеку, мягкость губ, ресницы, пульсирующую вдоль виска тоненькую венку своим лицом.

То было сияние, невидимое в материальном мире, не обнаруживаемое ни на каком этапе технического прогресса, необъяснимое с точки зрения логики, математики, истории, экономики, психологии и римского права, неподвластное культуре, гравитации и астрологическим прогнозам. Если и возможно почувствовать бесконечность в какое-то конкретное мгновение, то это было именно то мгновение.

Как же долго я искал тебя, Революция. Почему мы не строили куличики в одной и той же песочнице? Почему не учились в одной школе? Столько лет на что-то лишнее и бесполезное. Столько лет не мог посвящать себя тебе.

Если ты оставишь меня, то хочу умереть, чтобы погибли и тело мое, и душа, чтобы никакого следа от меня не осталось. Хочу, чтобы место мое захлестнула пустота. Мне не нужны ни реинкарнации, ни бессмертие, ни рай без тебя.

Она вдруг упала на колени и расплакалась.

Пожалуйста, не бросай меня. Не бросай. Слышишь?! Умоляю, - сквозь всхлипы твердила она, - Меня столько раз бросали. Я устала. Не выдержу больше. Спаси меня.

Ну что ты, маленькая моя, - поднял ее. Обнял сзади, закопавшись в ее чернушние волосы.

Утром нас разбудил дождь из еще не наступив-

шего лета. Облака, сцепившись, как в хороводе, стремительно бежали на восток.

Поедем вслед за ними, - сказала она, стоя у окна.

*****

О беде Екатерины Евграфовны написал небольшую заметку. В день, когда заметка была опубликована в газете, пенсионерка пришла снова. Откинувшись на спинку стула, приготовился гипнотизировать ее. Да, как только у меня появилась идея создать из «бля, старух» повстанческую армию и разнести с ее помощью ржавое неповоротливое государство, полез в интернет. Пенсионерки являлись главным блюдом всевозможных сект, - подсказал мне интернет. Каким образом сектантские вожди вербовали адептов? Читать приходилось дурные статьи-расследования «желтых» газетенок, напичканные бледными — не по качеству, но по содержанию — фотографиями. Их напущено драматичный стиль и истекающие завистливой слюной описания благосостояний сектантских вождей вырывали мозг с корнем, поджаривали его на медленном огне и после заставляли скормить его парнокопытным чудовищам из индонезийских мифов. В очередной раз я не понимал, как подобную чушь могли читать миллионы моих сограждан, а потом серьезно обсуждать ее с близкими и случайными знакомыми. Но попалось и несколько серьезных публикаций. Авторы очеловечивали кирзовый язык милицейских протоколов. «Для привлечения в секту новых членов (такой-то) использовал гипноз,» - говорилось в одной статье. «Для манипуляции своей паствой (такой-то) активно прибегал к гипнозу,» - конста-

тировала следующая. «Главным оружием (такой-то) был гипноз. С помощью гипноза она превращала нормальных людей в фанатичных безумцев,» - в третьей. И так далее. Найти пособие по элементарному гипнозу в интернете — проще, пожалуй, только поиск порносайтов с фотографиями трансвеститов.

Откинувшись на спинку стула, глядя в глаза Екатерины Евграфовны, разговаривал с ней спокойным и тихим тоном. Убеждал ее, что я лучший друг, единственно возможный друг, нарядная новогодняя елка в ее неряшливой и бедной квартире, долгожданный счастливый сон после многих тяжелых суток работы, наконец-то борщ с мясом после месяцев исключительно макарон быстрого приготовления «Роллтон» на обед и ужин, прохладный и по-детски смеющийся ручей в испепеляющей пустыне ее жизни, волшебный единорог, которого она встретила в страшном и мрачном лесу и теперь я ее спасу, выведу на просторный луг, где райские колибри, пчелы собирают пыльцу с тысячецветной радуги, и если нужно, подарю крылья — лети домой над страшным и мрачным лесом, но зачем, когда здесь самое восхитительное, теплое и ласковое место в мире.

Екатерина Евграфовна стала моим полигоном по испытанию техник гипноза. Мы часто созванивались. Заходил в ее квартиру, закупив продукты на собственные деньги. Через пару недель пенсионерка настаивала, что продукты должна покупать она на свои деньги. А в завершение очередного визита совала мне в руку то 1000, то 500, то 100 рублей — в зависимости от того, сколько дней осталось до пенсии. Она больше не говорила о своих проблемах, но неустанно повторяла, что я — чудотворец. Просила разрешения рассказать обо мне соседкам и новым знакомым. Не разрешал, неуверенный еще в своей гипнотической силе. Но пытался вербовать новых «солдат» из числа посетителей редакции.

Он — еврей, говорю Вам! Он нас китайцам продаст и уедет в этот, будь он проклят, Израиль! - кричала Мириам Моисеевна, через стол летела прозрачная шрапнель ее слов. Она ненавидела губернатора. Она уверяла, что...

По его приказу — я точно знаю — меня эти гады из соседней квартиры облучают по ночам. Чувствую, как у меня зубы портятся от излучения, болячки новые появляются. Деньги исчезают тоже. Он на мои деньги-то и улетит в Израиль, когда нас продаст китайцам. Тварь шепелявая!

Самой судьбой Мириам Моисеевна была создана, чтобы пополнить ряды воинства, которое будет крушить государство.

Настя, моя коллега, смотрела удивленно из-за соседнего стола, ведь я уже с полчаса слушал пожилую женщину, не вставив ни единого возражения.

Эва, посмотрите, что у меня с зубами, - она открыла рот — словно помойный бак отворила. Я подавил рвотный рефлекс. Пенсионерка грубым пальцем давила на передние зубы, они, словно качели, двигались с широкой амплитудой. Но — главное, что она наконец замолчала. В дело вступили знания, почерпнутые в интернете. Взял ее за

руку и повел в чертоги всепоглощающей Венеры. Лукавые амурчики сидели на ветвях зеленеющих олив. Виноградники струились по причудливой изгороди. Солнце приближалось к полудню. В пернатых колесницах проносились над головой восхитительные нимфы, играли на арфах.

Здесь тебя до сих пор помнят, - рассказывал Мириам Моисеевне, - помнят ту пору, когда ты решила попробовать себя в роли человека. Здешние обитатели переживали за твои неудачи и промахи там, внизу, в мире людей. Пили поэтическое вино за твои успехи.

Посмотри, ведь это все твое. Неужели забыла? Здесь всегда царит молодость, а болезни — злые демоны из почти забытых сказок. По вечерам здесь поют песни и танцуют, облачившись в тени садов Семирамиды. Здесь нет ни жажды, ни холода, ни голода. Нет ни одного бункера, ни одной казармы, военного аэродрома или зенитной батареи. Потому что война для здешних людей — дурная шутка.

Ты помнишь? Ты вспоминаешь?

Вспомни. Я досчитаю до четырех и ты вспомнишь.

Раз, два, три. Четыре.

Мириам Моисеевна хлопала непонимающими глазами и поправляла на голове платок, из-под которого выбивалась желтая стружка волос. Причмокнула губами. Поерзала на стуле.

Может чаю?

Ох, давайте. Хорошо у Вас.

Она стала вторым «новобранцем».

Настя как-то спросила, зачем я пользуюсь «странными монологами», общаясь с пенсионерками. Объяснил, что успокаиваю таким образом слишком энергичных. Она пожалала плечами и больше ничего не спрашивала.

*****

Итак, мы ехали с Революцией на восток. Авто-стопом, на товарных поездах, в телегах. Рюкзаки наши были набиты копиями «Поваренной книги анархиста», красной и черной материей, фаерами и музыкой Manu Chao. Неумная и хулиганистая Революция соблазняла водителей и машинистов левацкими идеями и рассказами о шумных и веселых акциях прямого действия.

Интересные вы, ребята. Ну, удачи вам, - час-тенько говорили нам водители на прощанье.

Оказавшись в безлюдном поле, мы ложились в траву и воображали будто падаем в небо. Наши фантазии округляли, сжимали, вытягивали и разрезали, как арбуз, пространство. С дороги сигнализировал очередной остановившийся автомобиль. Мы подходили.

Куда? - спрашивал водитель.

К морю.

Понятно. Садитесь.

У нас еще рюкзаки.

Хорошо, их в багажник, - щелкал замок багажника.

Давно едете?

Кажется всю жизнь, - мы уже сидели в салоне автомобиля и обгоняли дорогу.

Счастливые вы. Молодые. Я бы был молодым, тоже рванул, куда глаза глядят. Хоть к морю. Хоть

на северный полюс. Не было б забот (долгий вздох). Надо деньги зарабатывать. У меня дочери пять лет. Столько забот. В школу пойдет, забот только прибавится. Вроде бы школьное образование бесплатное, но то купи, еще чего-нибудь купи. Тетрадки специальные теперь надо, карандаши, форма. За спортивные секции заплати. За кружок музыкальный заплати.

Молодцы вы. Пользуйтесь, пока забот нет. Мир посмотрите. Будет, что потом детям рассказать.

А мы для своих детей другой мир построим: чище и светлее, добрее и прекрасней.

Ха, какие вы. Ну раз молодые, почему бы и не помечтать. В принципе, все у вас в руках. Дерзайте. Молодцы — новый мир собрались строить. Ха! (качая головой)

Но ведь и вы можете. Один человек на многое способен. Построить новый мир — не самое сложное.

Не, ребят. Я уже стар для таких дел. Вы — давайте. А мне надо деньги зарабатывать, дочь растить. На ремонт автомобиля, на котором вы едите, деньги нужны. Кто мне их даст? Самому только зарабатывать.

Жена опять же хочет, чтобы у нее новые вещи каждый сезон появлялись. Хочет хорошо выглядеть. Она школьный учитель у меня. Зарплата не ахти какая. Опять же я деньги зарабатываю, чтобы она себе наряды покупала.

Да-а, много забот.

Вам сколько лет?

Много уже.

Сколько?

32 будет в сентябре.

Так Вы еще ого-го какой молодой.

Ха-ха, спасибо. Но это не оправдание, чтобы все бросить и мотаться. Не, забот у меня много. Нельзя их оставлять на самотек. У вас жизнь интересная. Есть возможность. Забот особых, я так понимаю, нет.

Автомобиль приближал нас к закату. Пора было задуматься о ночлеге.

Вы нас у реки высадите.

Хорошо. Но сами смотрите, где удобнее.

Берег реки, впадающей в затихающий лес, становился для нас домом. Раскладывали рюкзаки. Ставили палатку. Разводили костер. Варили кашу и глинтвейн. Под шоколад глинтвейн поглощали. Вспоминали прошедший день, строили планы на день будущий. Молча подолгу рассматривали карту автомобильных дорог России в дергающемся свете костра. Как бы невзначай касались друг друга. Проникали друг другу под одежду. Уже нагие быстро забирались в палатку и сгорали в страсти. Столько поцелуев и тесных ласк вмещала наша палатка в 70 сантиметров высотой и два метра длиной. Мы катались на 75 сантиметрах палаточной ширины, словно по казахской степи. Хищно набрасывались на каждый кусочек друг друга. Революция попискивала от удовольствия и убирала взмокшую черную прядь со лба.

Не оставляй меня, не оставляй. Хочу чувствовать тебя в себе всегда, - шептала, срываясь на хрип, Революция, - поселись внутри меня. Пусть я

стану твоим домом. Хочу, чтобы ты прикасался ко мне изнутри. Смотрел через мои глаза и питался моим дыханием. Пусть отныне я стану только тобой обитаемой планетой, а мое сердце твоим единственным светилом.

Она исследовала меня всякий раз, словно первый раз. Под ее пальцами и губами, и влажными грудями мое тело пробивала судорога ушедших в забвение и еще не появившихся на свет Божий поколений... прижавшись друг к другу, мы отступали на удобные позиции для встречи нового утра.

Рассвет.

Что бы ты хотел увидеть сегодня? - спрашивала она, не открывая глаз.

Мне кажется, все, что хочу вижу сейчас — тебя.

Милый. Не-ет. Так неинтересно, - она открывала глаза и приподнималась на локтях.

Вот и интересно.

Хорошо. Но что-нибудь еще. Придумай.

Хм. Сегодня...

Да.

Снег! Хочу снега. Соскучился по нему.

Но мы в Челябинской области. Тут нет достаточно высоких гор, где можно найти снег.

А я хочу снег.

Идет! В таком случае будет снег. Мы завернем на север. Доедем до Тюмени и оттуда на север, пока не найдем снег.

Отличная идея. Обожаю тебя.

Обними меня.

И мы дурачились. Выкатывались из палатки. Лежали на еще сырой траве, держась за руки.

Вставали и одевались. Я разводил огонь. Она набирала воду из реки. Заваривали чай. Доставали карту и снова рассматривали ее молча.

Сворачивали лагерь. Запихивали вещи по рюкзакам. Возвращались на автомобильную трассу.

Утро обещало ясную и теплую погоду.

О, давай я заберусь тебе на кашла и так будем «голосовать»? - предлагала Революция.

Я немедленно соглашался.

Водители, хоть и не останавливались, однако активно сигналили и жестами показывали одобрение нашей выходке.

Остановился дальнобойщик, тащивший длинную фуру.

Куда?

В Тюмень.

Садитесь. Мне дальше — в Сургут.

Отлично. Мы как раз из Тюмени на север.

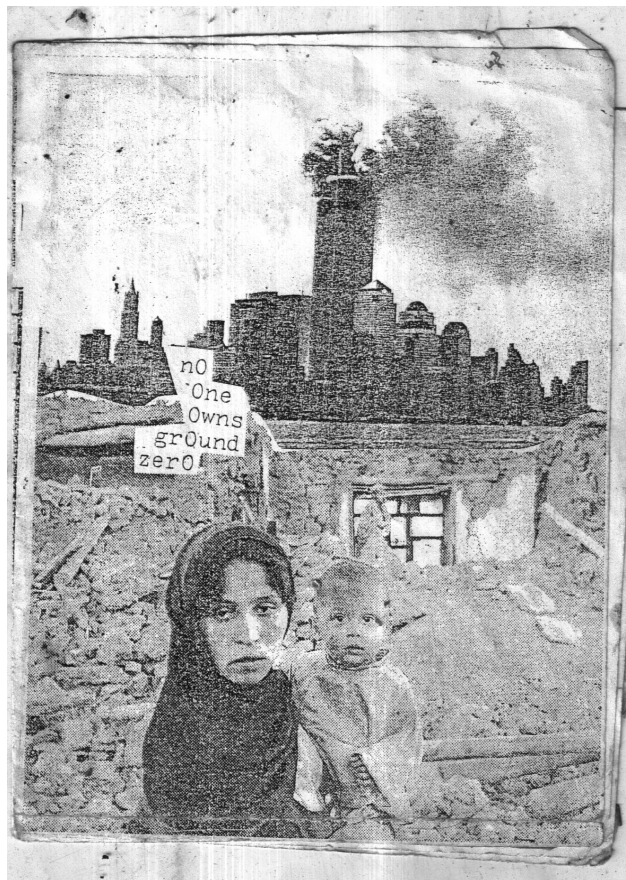
Чего на севере забыли?

Снег.

Дальнобой смеялся, автомобиль трогался, фыркающая и выпуская густой клуб дыма.

*****

Первые собрания пенсионеров, моих пенсионеров, происходили в квартире Екатерины Евграфовны. Внушать свои идеи двум десяткам пожилых женщин — больше на собрания не приглашал, потому что больше не вмещала однокомнатная квартира в «хрущевке» - оказалась значительно легче, чем любой одной. Еще до начала собрания пенсионерки «накачивали» друг друга рассказами о

моей «чудодейственной сущности». Они сами расчищали себя от лишних мыслей и дел. Мне оставалось войти легкой поступью в комнату и расшить их души платиновыми и золотыми нитями.

На собраниях я являл собой миссионера среди дикарей архипелага Вануату, Стефаном Пермским среди зачумленных зырян, доктором Ливингстоном среди несчастнейших африк.

Паства за три часа преодолевала тот путь, на который китайцам понадобилось 7 тысяч лет. Красные драконы назойливо лезли из углов. Сырой воздух доносился с рисовых чеков. Из переполненной ванны брала начало Хуанхэ. Паства переплывала реку с радостными воплями, повторяя подвиг старого Мао Цзедуня и приближаясь к финишу обыденности.

- Вы будете героями! - провозглашал я, но вот, как разорвать финишную ленту, тогда еще не решил.

*****

С каждым километром на север Обь набирала десяток-другой метров в ширину. Автопаром из Ханты-Мансийска плыл в Салехард. Из Салехарда мы переправились на другом пароме в Лабитнанги и оттуда на попутках по трясущейся дороге в Байдарацкую тундру. Восточная окраина Байдарацкой тундры упиралась в горы Полярного Урала — в горах мы надеялись найти снег. От фактории Лаборова на вездеходе добрались до реки Пырья-яха. Потом по правому берегу реки шагали к горам.

Август вступил в права и тундра остывала. Жел-

тели карликовые березки, а морошка и черника наливались последней сладостью. Ягоды легко давились в пальцах.

Мы дошли до ненецкого стойбища, где стояли пять чумов. В первом же чуме гостеприимные хозяева накормили нас свежесловленной рыбой и солеными лепешками. Хозяева предложили нам переночевать у них. Мы согласились.

Скоро в чуме собралось все взрослое население стойбища. Визит гостей ненцы считали большим праздником, поэтому из неприкосновенных запасов достали два литра водки.

Все пили водку и закусывали ее сырой рыбой.

Скажи, луса, - обращался один из молодых ненцев, «луса» в ненецком означало русский, ко мне, - почему ваши русские газовики портят нашу тундру? Почему *нашу* землю портят, пусть у *себя* землю портят. Нам скоро и оленей пасти негде будет — всю тундру вездеходами и бульдозерами перепахают. И рыбу ловить скоро негде будет — ваши всю воду отравят. Мы разве, чего плохого вам сделали, луса, чтобы вы нашу тундру убивали?

А ты думаешь, - отвечала Революция, - от того, что вашу тундру портят, русские крестьяне где-нибудь в Тверской области богаче становятся? Да они как были бедными, так и останутся, несмотря на то, что у вас новое газовое месторождение открыли и новый газопровод построили. Самую большую прибыль от вашего газа, из-за которого портят вашу землю, - Революция обращалась ко всем сидевшим здесь ненцам, переводила взгляд от одного к другому, - получает кучка чиновников-олигархов, причем, национальностей они всяких разных и зачастую совсем не русские. А те рядовые газовики, которые сюда едут, так они вынуждены сюда ехать. Потому что, работая на своей земле, в той же Тверской области, они не получают за свой труд достойной оплаты. Здесь им платят хорошие деньги за то, что они разрабатывают месторождение, прокладывают газопровод — и за одно портят вашу тундру. Рядовые русские газовики сюда едут от бедности. Оттого, что те же чиновники-олигархи создают на их родной земле невыносимые условия труда жизни.

Надо тогда убрать таких чиновников... как ты говоришь?

Олигархов.

Ага, их. Надо убрать их. Чтобы русские на своей земле хорошо жили и работали, а мы тут. И ездили бы друг к другу в гости. Смотри, разве плохо мы русских гостей принимаем?

Вы очень гостеприимны, - вступил я, - поверьте, и русские на своей земле приняли бы вас не хуже. Ты прав: надо убрать чиновников-олигархов. От них беда и вам, и русским.

Скажи, как убрать? Ты в городе живешь, в Москве, значит, лучше нас знаешь. Может нам надо в Москву приехать и сказать им: «От вас беда, уходите, дайте людям спокойно и по-доброму жить»? - спросил древний, весь в морщинах, в которых терлись его узкие глаза, старичок.

Эх, если бы все так просто... не уйдут они, - говорила Революция.

Но ведь зло делают.

Они помешаны на деньгах. Они от денег сошли с ума. У них много, очень много денег. Столько за одну жизнь не потратишь. Но им еще надо, им все мало.

Эхх, жадные какие.

Да. Их можно только выгнать. Дать пинка под зад и тогда все: и ненцы, и русские, и ханты, все-все простые люди в России вздохнут свободнее.

Понимаю тебя. А как же выгнать?

Лишить того, чем они питаются.

Денег?

Да. Все эти чиновники-олигархи, управляющие Россией, опираются на две вещи: нефть и газ. Европа, США, где они хранят свои деньги, уважают их только за то, что они *могут* добывать нефть и газ и транспортировать их в ту же Европу, в ту же Америку. Главная газодобывающая компания в России - «Газпром». 90% месторождений «Газпрома» здесь, в Ямало-Ненецком округе. Вы же прекрасно знаете, где идут газопроводы. У каждого из вас есть оружие, у газовиков есть взрывчатка для специальных работ. Вы легко можете отобрать эту взрывчатку, пригрозив ружьями, а может рядовые газовики и сами будут помогать вам, если объяснить что да почему. А затем надо взорвать газопроводы, «Газпром» посыпится. Чиновники-олигархи запаникуют. Наперегонки будут смотываться из России. Только, думаю, в Европе и США они уже будут не нужны. Банковские счета их арестуют, а их самих отправят, если не в тюрьму, то точно просить милостыню на улице.

Ловко ты придумала, «луса», - старичок одобрительно крякнул. Вновь налил в стаканы и стопки собравшихся водку. К концу подходил второй литр.

Если вы знате, как победить поганых чиновников, то будьте нашими лидерами. Если мы сделаем, как вы придумали, то всем будет лучше: русским, ненцам, - обращался к нам двоим молодой ненец, затеявший беседу.

План придумать — ничего сложного. Главное, чтобы были люди, готовые этот план выполнять, - заметил я.

Мы готовы. Правильно говорю? - молодой ненец обращался к своим сородичам. Было ясно, что многие из них уже основательно пьяны. Но они одобрительно кивали.

Ненцы начали рассказывать о том, где через Байдарацкую тундру пролегли газопроводы, где расположились городки газовиков.

Когда ненцы наконец разошлись по своим чумам, мы с Революцией убежали подальше от стойбища, раскинулись по прохладной траве и, держась за руки, обсуждали детали будущего ненецкого восстания. Звездное небо казалось нам картой этого восстания, а свистящий ветер — его гимном.

Представь себе, эти добрые, по-детски наивные люди смогут спасти от капиталистического рабства миллионы людей, десятки миллионов. После победы они будут ездить по городам, селам, аулам и хуторам. Будут рассказывать о своих подвигах. Будут смотреть, улыбаясь, в лица тех, кого они спасли, - воображала Революция.

А мы после победы будем жить здесь. Всегда.

Ведь тут тоже есть море. Карское. У нас будут одежды из оленьих шкур. И будут долгие Полярные ночи, когда мы будем только вдвоем, - мечтал я.

На следующее утро мы зашли в чум к молодому ненцу. Снова заговорили о борьбе с чиновниками-олигархами. Теперь, не глядя на нас, он говорил:

То, что вы придумали, - это же против закона. Это — преступление. А преступление — дело гиблое. Я о ваших словах всю ночь думал. И другие думали. Мы не понимаем, как преступление потом принесет всем счастье. От зла только зло.

Но вы, то есть мы никого не будем убивать. Мы только взорвем газопроводы. Металлические трубы, которые губят вашу тундру, взорвем.

Я одно вам скажу: я пойду, если другие пойдут.

Другие жители стойбища говорили то же самое. Мне уже не хотелось снега, но очень хотелось убраться отсюда, вернуться в Тюмень и продолжить путь на восток.

Революция собрала палатку и складывала в рюкзаки вещи.

Ненцы провожали нас. Как ни в чем не бывало улыбались. Говорили добрые напутствия. О вчерашнем разговоре никто не упомянул. Но ко мне приблизился тот самый старичок, тихо сказал, чтобы слышал только я один:

Прости нас, что мы такие слабые.

*****

Мда, получишь тогда с ненцами, точно не расстался бы с Революцией. И как экзотично вышло бы: повстанцы в малицах, штаб в чуме, обтянутом оленьими шкурами, взрывчатка погружена на нарты рядом с сундучком, где хранятся родовые идола, и снег, снег, снег вокруг. Подпольная бригада

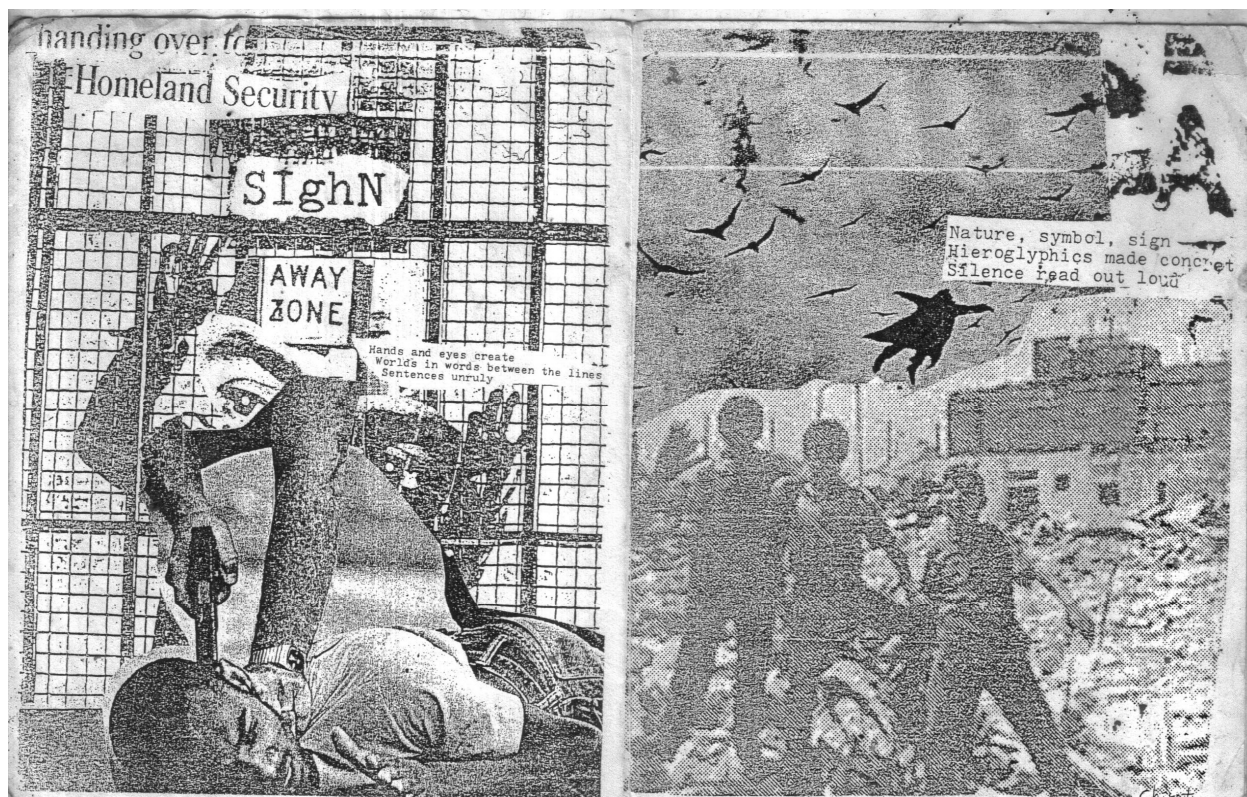
«Северное сияние». Позывные: Полярный круг, Ямал, Сармик, Нгарка нэ... и точно не понадобится бы ни одной человеческой жертвы.

Тамара Иезекильевна дважды уже приходила на собрания моих пенсионерок. Собрания происходят каждый день, по вечерам. В разных квартирах. Честно говоря, я даже не знаю точного количества своих пенсионерок. Но счет уже идет на сотни.

В самый первый раз Тамара Иезекильевна пришла на собрание, которое состоялось в квартире на Окатовой. Во второй раз — на улицу Гоголя. Там целый дом, деревянный одноэтажный, принадлежит Евгении Петровне.

Всего имеется 31 место сбора — по одному на каждый день месяца. Плюс семь мест, где хранится взрывчатка — это гаражи или сараи.

... да эти брюхастые мудвины, чиновники, сами повторяют без конца: терроризм то, терроризм сё. Термин «терроризм» они используют как повод, чтобы увеличить собственную охрану, чтобы вводить новые запреты для граждан, чтобы раздувать ментовские подразделения. Но главный настоящий террорист в России — это государственный аппарат. Ржавый, наглый, беспощадный. Тяжелыми клешнями, давящий любое проявление свободы. Государственный аппарат — это огромная машина убийств и издевательств. Пережиток сурового Средневековья. Никакое светлое будущее невозможно, пока по русской земле ползет, словно танк, эта машина, оставляя кровавые незаживающие раны. Каждый день мне приходится слышать ляг государства, значит, где-то вновь случилась беда, вновь покатила голова невинно загубленного. Управляют государством извращенцы, помешанный на насилии — чиновники, чекисты, менты. И

они стараются не допускать в свои кабинеты граждан, отгораживаются от граждан многими дверями, колючей проволокой и крупнокалиберными пулеметами. Потому что бояться, что посторонние увидят ящики их столов, их шкафы, то, что хранится в ящиках и шкафах — черепа и кости невинно загубленных. Здания государственных учреждений в России, в сущности, - огромные кладбища. Кладбища без крестов, без памятников, без ухоженных клумб.

Так я говорю пенсионеркам на собраниях. Но самого важного не говорил им ни разу. Не говорил им, *что* я пообещал Революции. Что хочу быть с ней снова. И нету, нету в человеческом языке слова, чтобы объяснить, что без нее мне... нету такого слова. Но есть пенсионерки, есть в сараях и гаражах взрывчатка, чтобы это слово мне не пригодилось.

Еще говорю на собраниях: шахид — самое подходящее оружие, если ты не заканчивал военных академий, понятия не имеешь про наступательные и оборонительные операции, если у тебя нет бомбардировщиков, танков, профессионального спецназа и ракетных комплексов «Тополь-М». При использовании шахида твоя армия несет минимальные потери, а противник теряет двух, трех, четырех, взвод, сводный отряд, мосты, казармы, боеспособность, направление удара, секретные карты, стратегические запасы. Даже если противник окопается и выставит минные поля, он не будет уверен, что водитель, который привез провиант для офицерского состава, не является шахидом, а в кузове автомобиля действительно продукты, а не гексоген.

Когда же займемся делом? - спрашивает меня Мириам Моисеевна после собрания. Откидывая на спинку стула и отвечаю:

Скоро. Очень скоро.

Не забудьте, что я должна быть первой. Или, уж на худой конец, одной из первых. Не забудьте.

Разумеется.

Опять она первой просится? - подходит позже Екатерина Евграфовна, - молода еще, успеет. Первой обязательно должна стать я.

Подобные просьбы выслушиваю после каждого собрания. Иной раз, устав от них, принимаюсь насвистывать одну из тех мелодий, которые мы с Революцией насвистывали, когда жили на острове Русский.

*****

До Владивостока мы с Революцией добрались в конце августа. Мы увидели — ну наконец-то! - море, когда скатывались по Океанскому проспекту к центральной площади. Водитель, подвозивший нас, полусонно мятыми губами выдал:

Вон оно — море.

За лобовым стеклом, за очередью автомобилей, за огромным солдатом в буденовке, вплавленным в высокий постамент, за нагромождением труб и кранов серебрилось море.

Мы выдержали в городе пару дней и сорвались на остров Русский. Плыли из города на остров на пароме, забитом туристами и жителями острова,

чей рабочий день закончился. Туристы, пооткрывав рты, щелкали фотоаппаратами. Зигзаг бухты Золотой Рог, сопки Владивостока, увенчанные шпилями антенн, сухогрузы, военные корабли, пролив Босфор Восточный, маяки и далекий, похожий на кекс, остров Скрыплева — становились фотографиями.

По Русскому пешком. За поселком Аякс свернули с пыльной дороги в масленистый и душный лес. Цепляясь за когти пышных кустарников, отгоняя комаров, пробрались на берег — к бухте Парис. Там, в трех метрах от прилива, поставили палатку с надеждой на Вечность. В палатке ночевали, а питались устрицами, мидиями и другими дарами моря.

По утрам, еще до восхода солнца, через сиреневый воздух смотрели, как мимо Скрыплева проплывали корабли — отчего-то именно в это время их было особенно много.

Солнце вырывалось из-за горизонта, делило окружающий мир светом и тенями. Из воды возле берега вдруг выпрыгивали торпедообразные пиленгасы. Гудели моторы на лодках вышедших из Аякса рыбаков.

К полудню мир замедлялся и впадал в дремоту. В полдень мы, накупавшись, лежали в зеленой траве, читали или рисовали, или ловили бабочек, седлали их и летели к вечеру.

Понятие «пампасы» не являлось для нас чем-то далеким. Пампасы иногда вываливались из дырявых карманов моих шорт или складок ее длинной полупрозрачной юбки.

Это был тот период жизни, когда даже самые незначительные поступки, дела, даже простое шевеление пальцами на ноге, тайло в себе всю миллиардолетнюю эволюцию Вселенной. Тот период жизни, когда величайшим чудом кажется трещание цикад, или погоня крабов за отливом, или ее неслышное приближение за спиной и вдруг поцелуй в шею. Тот период жизни, когда бесшабашно шагаешь по ветхому мосту реальности и совершенно не задумываешься, что следующий шаг может продолжиться падением в бездну.

В одну из ночей мы разгоряченные и бесстыжие, держась за руки, пошли в море. Первый раз в ночное море. Увязли в его соленом тепле. Неожиданно от наших тел, погруженных в воду, начали разбегаться звезды. Удалялись и гасли.

Смотри-смотри, - наперегонки мы делились друг с другом новым открытием.

Звезды. Боже мой! Значит, им тоже нравится море, значит, они тоже умеют плавать.

Думаю, это — звезды-дети. Взрослые звезды работают, сидят на небе: светят людям, космическим путешественникам, помогают найти дорогу потерявшимся. А их дети играют и резвятся в море — оно для них, как детский сад. Днем взрослые звезды забирают своих детей на небо — домой.

Конечно. Малышкам очень интересно, что за непохожие на них создания разгуливают в море, поэтому они заспешили к нам.

На следующий день двое жителей Аякса, зашед-

шие к нам, жестоко искромсали всю прелесть минувшей ночи:

Ну это просто планктон был. Хе-хе. А вы понавывали черт знает чё. Хе-хе.

Когда они ушли, разозленная Революция сказала мне:

Надо им отомстить. Тупое быдло. Не верят в чудеса. Не верят, что это были настоящие звезды. Никакой не планктон! Звезды это! Мы им отомстим.

Успокойся ты.

Надо им отомстить.

Какое нам до них дело. Главное, что нам вдвоем хорошо.

Надо. Отомстить. Понял?

Она требовала размолотить разум вообще всех жителей Русского. Сорвать с них маски серьезности и сжечь все их вещи. С Революцией случилось тоже, что случается с люстрой, упавшей с многометровой высоты. Люстра разбивается на множество мелких осколков, о которые легко пораниться при неосторожном движении, и больше не вызывают восхищения ее изящные формы и игра света.

Я продолжал защищать жителей острова. Мы спорили уже хватаясь за самые жестокие оскорбления.

Ты тоже обыватель! Жалеешь никчемное быдло и сам становишься таким же быдлом! Они неблагодарны, они скользкие, бездушные, у них внутри только желудки, у них нет душ! Зачем ты их жалеешь?! Жалость — вообще качество сопливое и воняет больничными тряпками! - кричала она.

Ты достала со своей постоянной борьбой против! Против чего угодно! Лишь бы против! Ты же неспособна быть счастливой, потому что тебе постоянно надо кому-нибудь, чему-нибудь противостоять! Надо постоянно ломать ребра и строить баррикады! Да ты не видишь нифига из-за этих баррикад. Только ждешь нападения врагов и вытираешь гарь с лица. Дура!

Она ловко схватила нож, которым день назад я вырезал рыбок, и ударила меня в левое плечо. На коричневую кожу брызнула кровь. Революция тут же упала на колени и заплакала.

Да, ты — дура! - и я направился в сторону леса.

Нет, стой! Пожалуйста, на уходи! Прости меня! Милый, не уходи! - кричала она.

Не смей идти за мной!

На пароме вернулся в город. Пару дней бродил по городу. Успокаивался, залечивал рану.

Вернулся на остров. На берегу Париса стояла палатка. Я предчувствовал примирение. Как мы будем просить друг у друга прощение. Слова скомкаются в наших объятьях и поцелуях. Она, конечно, расплачется. Я, конечно, буду ее успокаивать. Гладить ее чернящие волосы. Наверное, она сидит в палатке, - предполагал, - сжалась в комок и ждет, когда же я вернусь. Наверное, она очень переживала эти два дня. Пожалуй, было очень жестоко с моей стороны исчезать на целых два дня. Открываю палатку... никого. Мои вещи на месте. Но ее рюкзак, все до единой ее... она совсем ничего не оставила из своих вещей.

*****

Вы даже не представляете, на что действительно способны спивающиеся военные офицеры, нищие командиры частей и жадные начальники тылового обеспечения. У некоторых из моих пенсионерок имелись родственники из числа действующих военных. Как раз те самые спивающиеся офицеры, нищие командиры частей и жадные начальники тылового обеспечения. У них покупал первые гранаты, первые килограммы пластита ПВВ-4 и детонаторы. Покупал под предлогом «для рыбалки». С помощью взрывчатки в Приморском крае рыбачит достаточно людей — так что ничего странного, к тому же военным нужны были деньги. Со временем стали поступать предложения о покупке ящиков с боеприпасами. Предлагали даже ракету класса «земля — воздух».

Все боеприпасы покупались на пенсии и заправки «на похороны».

Пенсионерки, бывшие работники химических производств и сотрудники химических институтов, изготовили «пояса шахидов». Почти четыре сотни.

Для первой атаки понадобится 150 поясов.

*****

Революцию искал по всему острову. Несколько дней. Потом искал в городе. От отчаяния даже звонил в морг. К счастью, ее там не оказалось. Только через два месяца выяснил, что она улетела в Пхеньян. Попросила политическое убежище. С ней встречался сам Ким Чен Ир и лично выдал паспорт гражданки КНДР. Понятие не имею, каким образом ей удалось повернуть подобное. Но было бы очень странно, если бы у нее подобное не получилось.

Написал ей письмо. Она ответила.

«Здравствуй-здравствуй,

у меня все прекрасно. Не ожидал? Да, у меня сейчас жизнь, пожалуй, даже лучше, чем когда мы были вместе.

Не надо меня одну винить. Мы были оба виноваты в том, что случилось. Но больше виноват ты. Я же просила тебя: никогда не бросай меня, никогда не уходи от меня. Много, много раз просила. Еще задолго до того, что случилось на острове. Но ты сделал так, как сделал. Так со мной всегда поступали. Были и те, кто просил, как и ты, вернуться. Не возвращалась. Как и ты, обещали перевернуть ради меня мир, Галактику раскрутить вспять... чего только не обещали. Ты обещаешь ради меня разрушить государство. Ничего ты не разрушишь. Не сможешь. Если со мной не смог, то тем более без меня не получится.

Пожалуйста, не проси меня вернуться. Если хочешь, можешь писать, постараюсь отвечать. Но не проси вернуться, в противном случае, ни единой весточки от меня не получишь.

Ре»

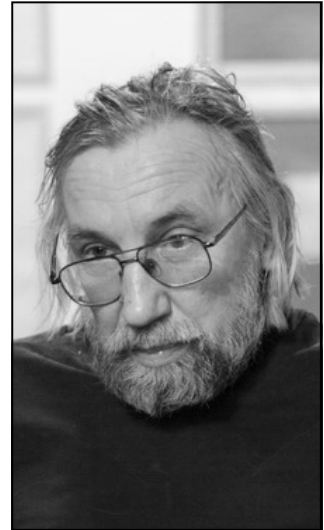
Написал ей второе письмо. Совсем короткое:

«Ради тебя смогу многое. Докажу, навеки твой РА»

Владивосток, 2010

НИКОЛАИ БАЙТОВ

Иллюстрации Джона Беннета (США)
Illustrations by John Bennett

ПЕЙЗАЖ С ИДЕЯМИ Ф.М.ДОСТОЕВСКОГО

Обычная картина. Мост
стальной стрелой взмыл над кручей.
И деловитый тепловоз,
тяжёлый товарняк влекущий,

на самой середине вдруг
столкнулся с нервной электричкой.
Вагоны дыбом, - и обычный
несчастных путников испуг.

И искалеченный состав,
трагической игры не чуждый,
ломая секции моста,
летит в невинную речушку,

где в это время теплоход,
подвоха не подозревая,
под музыку слегка зевая,
везёт воскресных выпивох...

Тут в ту же кучу норовит
упасть и вертолёт небесный,
которому от страха винт
заклинило над этим местом. —

Обычный, будничный мотив...
Вдруг из куста, раздвинув ветки,
какой-то западной газетки
сверкнул ехидный объектив!

* * *

Как женщины сожгли Энея корабли,
так женщина теперь сожгла стихи мои,
чтоб по крутым волнам я не носился боле.
И тоже говорила:

«Это божья воля.

Приникни к дружеским Тринакрии брегам
и здесь разрушенный возобнови Пергам,
здесь посели навек отеческих пенатов»...

Но безучастен к мановеньям этих знаков
остался я. — В горячей глубине золы
я раскопал листков обугленных углы
и кое-что собрал — и заново построил...
А всё-таки в душе застряло пустою
то место, куда плыл...

Теперь тебе, мой сын,
приходит, значит, срок глядеть в морскую синь.
Возьмёшь ты руль — и звёзды повернутся в небе,
и потечёшь им вслед, наш постигая жребий.

JOHN M. BENNETT

JUL 25 2010

ТРАЕКТОРИЯ 61

Остекленел фишка рот ну ладно завидуешь ну пахал череп не глядя прилавок
 остекленел детина узник фишка сквозь рот ну ладно уже завидуешь череп ну номер одеяло пахал не глядя хорек прилавок

остекленел вот тебе и фишка целебный детина узник пошел сквозь рот криво ну ладно уже завидуешь ну номер хорек одеяло пошел череп не глядя ну пахал детина хворый прилавок

остекленел вот тебе и фишка цветущая кому пошел детина целебный узник ну ладно пахал сквозь рот криво хорек пошел вроде ну номер кому завидуешь цоколь череп уже хворый ну пошел детина не глядя пахал целебный одеяло вроде прилавок

А

остекленел прилавок уже цветущая ну вроде фишка не глядя последний хорек пошел кому одеяло ну детина шланг целебный

остекленел похоже на то прилавок уже фишка кому цветущая не глядя ну вроде служба пошел последний шланг хорек целебный ну кому детина уже одеяло

остекленел не глядя прилавок зря похоже на то пошел хорек последний кому уже фишка цветущая кому происшествие ну служба пошел целебный детина вроде шланг ну кому хорек одеяло уже не глядя

остекленел не глядя прилавок вбил зря похоже на то пошел детина происшествие последний хорек кому уже почва цветущая служба кому ну фишка пошел целебный детина вроде хорек шланг ну кому не глядя одеяло уже служба

Б

завидуешь вот тебе и сквозь криво номер цоколь ну ладно рот хворый пахал череп раз уже узник вроде смеешься

завидуешь цоколь криво вот тебе и лоскут номер сквозь рот ну ладно раз смеешься хворый цоколь что ли пахал ну череп уже криво вроде узник

завидуешь очередной ну лоскут цоколь криво завял вот тебе и ну ладно рот сквозь номер раз хворый лоскут смеешься цоколь узник ну что ли пахал уже вроде раз криво сквозь череп

завидуешь ну ладно цоколь уже криво завял что ли очередной узник ну лоскут вот тебе и опилки раз смеешься вроде номер сквозь хворый рот череп пахал цоколь ну что ли криво смеешься сквозь марлю узник очередной раз ну ладно лоскут номер

А

остекленел кому одеяло царица похоже на то цветущая ну не глядя пошел детина происшествие кому шланг почва вроде прилавок целебный

остекленел детина целебный ну похоже на то кому шланг происшествие почва ну царица вроде цветущая кому пошел не глядя подсказать одеяло вроде прилавок

остекленел детина происшествие ну потихоньку похоже на то кому цветущая царица вроде одеяло ну почва кому целебный прилавок шланг не глядя подсказать пошел

остекленел потихоньку детина ну одеяло происшествие похоже на то кому букетик вроде цветущая почва ну царица шланг не глядя прилавок кому подсказать целебный пошел

аб

последний раз что ли хорек фишка вбил криво марлю узник ну раз служба ну рот уже зря особенно завял

последний раз служба что ли позавчера марлю фишка вбил ну криво уже зря рот завял что ли особенно раз узник хорек

последний раз что ли марлю позавчера вбил хорек всего навсего криво ну уже фишка рот особенно зря что ли служба раз узник завял

последний раз особенно позавчера что ли марлю вбил всего навсего криво узник оглянулся фишка зря уже рот что ли служба ну хорек завял

Б

завидуешь цоколь хворый вот тебе и очередной лоскут сквозь череп пахал опилки номер почетный ну ладно смеешься вроде

завидуешь номер очередной вот тебе и сквозь цоколь почетный череп красота ну ладно хворый смеешься пахал вроде лоскут опилки

завидуешь череп очередной хворый номер вот тебе и сквозь лоскут вроде пахал опилки через пень колоду ну ладно смеешься почетный цоколь красота

завидуешь хворый через пень колоду опилки очередной лоскут номер вот тебе и солидно сквозь череп пахал смеешься вроде цоколь почетный ну ладно красота

Аб

остекленел рот кому криво подсказать что ли раз потихоньку одеяло похоже на то происшествие кому царица ну не глядя прилавок позавчера целебный вроде детина самолично уже завял узник пошел что ли букетик марлю ну всего навсего шланг цветущая почва

остекленел букетик марлю кому рот что ли узник подсказать криво позавчера самолично одеяло потихоньку похоже на то ну царица вроде происшествие почва всего навсего уже завял цветущая детина родственник что ли пошел раз целебный не глядя прилавок ну шланг

остекленел букетик целебный родственник кому марлю что ли криво подсказать ну рот позавчера узник самолично детина потихоньку шланг похоже на то царица вроде кому происшествие всего навсего вечный прилавок уже завял почва цветущая что ли пошел раз не глядя одеяло

Ба

завидуешь хорек хворый цоколь солидно через пень колоду оглянулся очередной череп последний номер ну вроде вбил почетный лоскут уже служба зря смеешься фишка особенно сквозь опилки ну ладно вроде завсегдай уже пахал вот тебе и красота

завидуешь сквозь опилки хворый цоколь понял солидно оглянулся хорек через пень колоду последний очередной номер ну уже вроде череп вбил почетный завсегдай зря смеешься лоскут особенно фишка вроде красота ну ладно уже пахал вот тебе и служба

завидуешь сквозь опилки вроде понял почетный завсегдай ну через пень колоду солидно оглянулся хворый хорек спасибо последний очередной номер уже вбил череп цоколь особенно смеешься зря фишка ну ладно служба вроде красота вот тебе и понял лоскут уже пахал

АБ

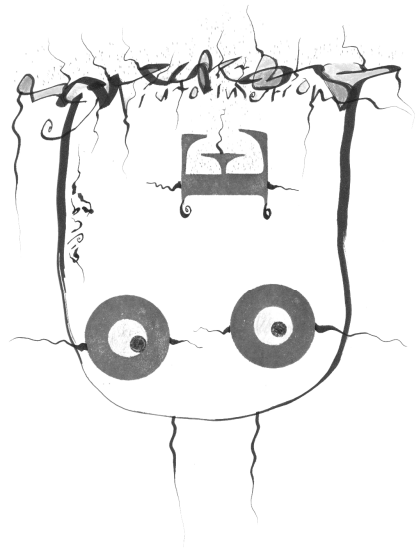
остекленел сквозь опилки букетик почетный кому завидуешь родственник служба кому вроде целебный завсегдай раз понял свое криво сквозь марлю что ли лоскут через пень ну колоду рот оглянулся солидно подсказать позавчера самолично ну спасибо хорек ну узник вечный детина свое потихоньку всего навсего последний хворый шланг уже вбил похоже на то очередной череп царица вроде цоколь особенно происшествие зря уже номер завял фишка смеешься понял кому почва цветущая красота ну ладно что ли пошел вот тебе и раз уже прилавок не глядя пахал одеяло

остекленел вот тебе и почетный родственник самолично вроде понял свое происшествие кому служба позавчера уже последний раз ну хорек оглянулся пень через колоду солидно вбил сквозь череп марлю потихоньку кому подсказать что ли целебный номер ну ладно пахал свое одеяло сквозь опилки криво пошел узник ну спасибо кому завидуешь детина хворый шланг смеешься что ли особенно царица всего навсего цветущая фишка вот тебе и раз букетик красота ну пошел очередной завсегдай цоколь зря смеешься уже завял рот похоже на то ну ладно вроде лоскут уже не глядя понял кому почва вечный прилавок

JOHN M. BENNETT

NOV 25 2009

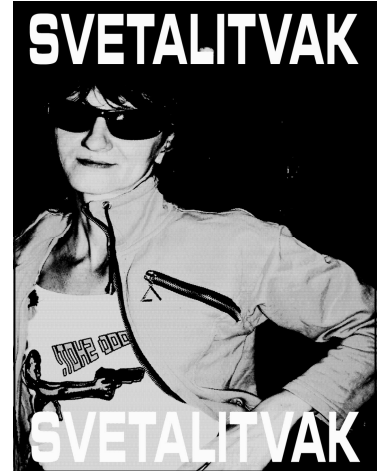

JOHN M. BENNETT

DEC 2 2009

сВетА ЛитВаК

*

бесконечный асфальт, непрерывный гудок,
устрашающий скрежет мотора;
под землёй вырастает свинцовый цветок
с опьяняющим запахом хлора;

всё подёрнуто льдистым трескучим стеклом
металлически-гладкого склона;
неоглядный простор, безграничный объём
нарастающей скуки подъёма;

словно вылить на стол из бутылки бензин,
необъятна живая природа;
беспредельны запасы избыточных сил
нашатyrного спирта и йода;

и ещё приведу произвольный пример:
взять кусочек вонючей резины,
ощущая в реакции тела на смерть
признак призрака невыразимый;

после выключить свет, задевая плафон,
быстро вытащить пробку флакона,
сдвинуть локоть к столу вертикальным углом
и почувствовать запах ментола

*

Моё платье коричневое,
А его куртка серая.
Он такой симпатичный, а я
У него буду первая.

Непростая усмешка губ,
Непослушная прядь со лба,
Под моим окном растёт дуб,
Под его окном - два дуба.

Собрались на купанье вдруг,
Всё и так было решено,

Он решил отложить на четверг,
И поехали всё равно.

Перешли через старый мост
И лежали вдвоём на песке,
Пар струился от мокрых кос,
Я вернулась домой налегке.

Скалил зубы ущерб луны
За зелёными шторками,
Тень бросало поверх стены
Платье всё ещё мокрое.

Чиркал спичкой о коробок,
На прощанье искал слова,
Долго шарил в кармане брюк,
Отсырела и не зажглась.

После завтрака мы пошли,
Где проезжий большой вокзал
Тонкий в небе теряет шпиль,
Поезд шёл и не опоздал.

Я вернусь через десять дней,
Воображаемые острова,
В этом быть не могло сомнений,
В этой комнате два окна.

*

1

и дразни весной соловья
поплавок для шёлковых крыш
страх - какая голубизна
пальца голубая блесна
помни всё о ловле синиц
дело жизни: круглый набор
ученик, крючок, карандаш
и свисти на шаткий забор

2

и дразни весной соловья
прозвища плюют и хрипят
носят имя пьяниц в пивных
застилают красным сукном
набивают крючками рот
достают из газет бутерброд
надвигают кепку на лоб
наливают пива стакан
держат в руке карандаш

3

пять бирюзовых кругов
поплавок скрывают от глаз
день и ночь - кругом - день и ночь
крутится весёлый мотор
тянет хвост из воющих вод
сходу меняет наклон
сверху падает голубизна
всюду наплывает простор
мягких лиловых лугов

4

снова наступает весна
доски, провисая, скрипят
ходят подо мной ходуном
как зовут ? - слюнит карандаш
пачку чая сыпет в карман
розовый жуёт виноград
сходу меняет наклон
медленно роняет стакан

*

Тени листов платана
вдоль каменного забора
тешатся крупным планом
красных и синих бочек.

Сдвинут наклонно ставень,
приоткрывая щёлку,
словно коса кривая
сходу задела камень.

Струйка мельчайших капель
изгородь перемахнула,
спуталась, промахнулась
ловко снующих грабель,

целится в тент полосатый.
Плесень и плющ по скату
на стороне соседей
тихо играют дети.

Им бы ловить форели
или кормить ослёнка.
Птица на старой ели,
флюгер на палке тонкой,

сломанный детский стульчик.

С крыши вот-вот сорвётся
и прозевает случай
треснувшая черепица.

Ящерица застыла.
Солнце катит по кругу.
Девочка упала было,
но мать схватила за руку.

*

Чувствую запах фасоли,
Молча на стуле сижу.
Я бы добавила соли,
Я бы сварила лапшу.

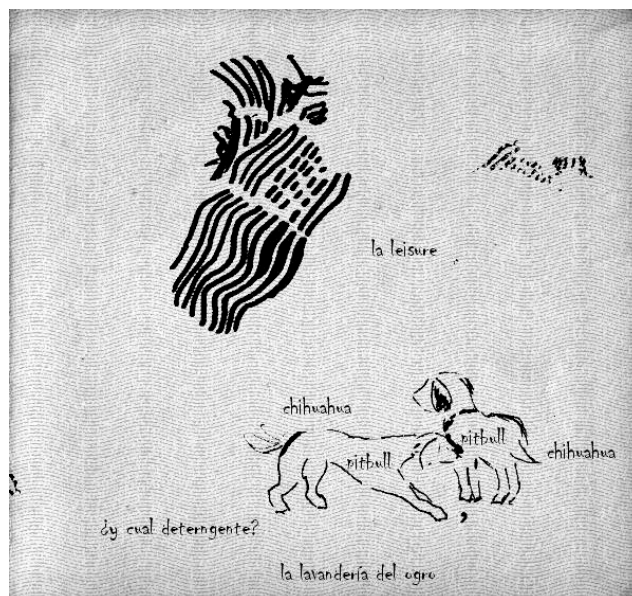
Я бы ходила на митинг,
Тот, что в Мютюалите.
О, от меня уберите
То, что стоит на плите!

Слушать Мориса Тореза,
Видеть Фернана Леже...
Чистить картошку и резать
Я научилась уже.

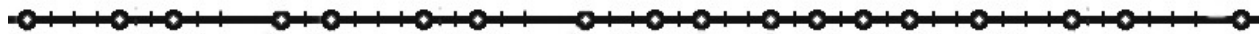
Гордо ходить демонстранткой
С сумочкой и в парике, –
Я родилась иностранкой
В русском родном городке.

Нить раскатившихся бусин,
Сам развязавшийся бант, -
Дело не только во вкусе
Есть ещё ум и талант.

Слабо мерцает и гаснет
Чёрной горелки огонь,
Дразнится юный проказник
Скачет мой праздничный конь!

Работа Дианы Магаллон (Мексика)
Illustration by Diana Magallon

ВАСИЛИЙ ШАРЛАЙМОВ

Степан и меценат

Иллюстрации *Вилли Мельникова*
Illustrations by Willy Melnikov

За стеклянной витриной кафе в тихом пруду игриво плескались пестрые утки. Зеркальная гладь рукотворного озера отражала могучие стволы и кроны пихт и кедров, горделиво возвышающихся на его пологих берегах. И только печальная плакучая ива склонила свои гибкие ветви над поверхностью пруда, разглядывая жалкие остатки своего когда-то пышного наряда. Утренняя буря сорвала с нее золотистое осеннее одеяние и она, словно нимфа, стыдливо пыталась прикрыть руками-ветвями свою грациозную наготу. С обрывистых берегов небольшого островка посредине озера жидким кристаллом с тихим журчанием падали воды искусственного водопада. Воздушно-ажурный пешеходный мостик соединял этот крохотный клочок суши с берегом, позволяя немногочисленным зевакам любоваться живописным видом со смотровой площадки островка.

В кафе было тихо и уютно. Перед Степаном на столе стояла разнокалиберная батарея пивных бутылок с ярким разнообразием всевозможных наклеек. Здесь было и светлое пиво, и темное, и бархатное, и крепкое, и безалкогольное. Часть бутылок Степан принес с собой, часть же заказал уже здесь в кафе. Прищутив глазки, он с пристальным вниманием исследовал надписи на этикетке одной из бутылок, затем глубокомысленно промычал: "У-у-у-гу!" и, пристроив горлышко между своими мощными челюстями, резко повернул бутылку вверх. Раздался металлический щелчок и горлышко бутылки появилось изо рта Степана уже откупоренное. Гигант сделал несколько жевательных движений и выплюнул пробку на середину стола.

-Main Gott!- воскликнула почтенная пожилая дама, видимо немецкая туристка, сидевшая за соседним столиком. Она судорожно прижала к себе маленькую пушистую собачонку, будто опасаясь, что та может случайно попасть между челюстями этого грубого и неотёсанного дикаря. Мне самому стало не по себе, словно я засунул в рот зеленоватый ли-

мон и откусил его добрую половину. Скулы свело нестерпимой болезненной судорогой.

-Ты что делаешь? Ты же повредишь эмаль. Считай, что кариес теперь обеспечен!- наконец, выдавил я из себя.

Степан недоуменно поднял со стола пробку, внимательно осмотрел её со всех сторон, а потом удивленно протянул мне со словами:

- Да чего ты зря волнуешься! Погляди! Не одной царапины нет! А ты что, их коллекционируешь?

-Нет. Я коллекционирую зубы,- раздраженно буркнул я. Похоже, Степан и слыхом не слыхивал о кариесе и о том, с чем его едят. Исполин добродушно улыбнулся, показав два ряда безупречно ровных белоснежных зубов, затем неспеша поднес бутылку ко рту. Его кадык три раза дернулся, и пустая бутылка брякнула донышком о столешницу. Степан размашисто вытер рукавом губы и довольно крякнул на весь зал.

Дама с собачкой пересела на дальний край своего стола и стала быстро доедать пироженное, запивая его большими глотками кофе с молоком.

-Ты так и работаешь у сеньора Педру?- спросил я у гиганта.

-Педру?- удивился Степан.- Ах, нет! К несчастью, нет. Педру у нас был мелкой сошкой, мальчик на побегушках. А настоящим гранд-патроном был дон Фернанду. Вот это личность! Стройный, подтянутый, весь полон благородства и достоинства. Ну, настоящий идадьго!

Я чуть насмерть не поперхнулся своим кофе, услышав такое заковыристое испанское слово из уст Степана, который и о существовании самой Испании узнал только проезжая через неё в Португалию. Я зашелся неудержимым душераздирающим кашлем. Воздуха не хватало, сознание помутилось, на выпученных глазах выступили обильные слезы.

-Что? Не в то горло пошло?- сочувственно поинтересовался Степан.- Ничего! Сейчас помогу!

И он несколько раз своей могучей дланью хлопнул меня по спине. Если бы он ударил чуть-чуть сильнее, то, наверное, лёгкие с бронхами вылетели б через мой открытый рот, а вместе с ними так же и переломанные ребра грудной клетки.

-Ну что? Прошло?- ласково спросил Степан, склоняясь надо мной.

-Я думал, жизнь моя прошла окончательно и бесповоротно,- прохрипел я, утирая слёзы салфеткой.

-Ну, для того и существуют друзья, чтоб помочь в трудную минуту,- добродушно промолвил услужливый медведь и опрокинул внутрь себя содержимое очередной бутылки пива. Лицо его вдруг окаменело, глаза выпучились, и он громко срыгнул.

В кафе наступила мёртвая тишина. Я осторожно осмотрелся вокруг. Немецкая туристка застыла с куском пироженного во рту, не решаясь его проглотить. Посетители смотрели на нас без особого восторга и энтузиазма. Лишь пожилой сухопарый англичанин с понимающей улыбкой пояснил своей не менее тощей и чопорной супруге:

-Child of nature! (Дитя природы).

А Степан потянулся и невозмутимо спросил меня:

-О чём это я гутарил?

-Об идальго,- напомнил я.

-О чём, о чём!?- несказанно удивился Степан.-

Ах, да! Дон Фернанду имеет огромную усадьбу на берегу реки Доуру. Её окружают хорошо возделанные виноградники и сады. Но основной доход патрону приносит его дорожно-строительная фирма. В преддверии Чемпионата Европы по футболу фирма имела многочисленные и щедрые заказы. Но порту-

гальские рабочие не желали работать более 8 часов в день. Услышав об украинцах, готовых работать хоть по 24 часа в сутки, патрон нанял нашего брата в количестве около 50 человек. Часть жила в вагончиках по месту работы, а нашу бригаду шеф поселил во флигеле возле своего особняка. Патрон нас всех легализовал! Жили мы в чистоте и достатке. Платил нам Дон Фернанду по-честному, как своим. Завтракали и ужинали мы в столовой флигеля, причем готовила нам наша повариха Мария из Бердичева. Обедали же обычно в ближайшем к месту работы кафе или ресторане. И все за счет патрона! А по праздникам и выходным нам приносили бочонок вина из погребов шефа. Хотя и без того к завтраку, обеду и ужину подавали по бутылке "сухаря" на брата. Конечно, нам этот бочонок на один зуб. На такую-то ораву! Приходилось посылать гонца в ближайшую деревню. Еще в первый месяц работы мы как-то набрались, и давай петь во всю глотку: "Цвіте терен, цвіте терен..." Да так задушевно! Патрон тихонько подошел, долго задумчиво слушал. Ничего не сказал. А через месяц нам привезли украинские музыкальные инструменты. Оказалось, что в украинских бригадах многие ребята умели играть на них. А горничная шефа Оксана и ее муж, садовник Виталий, закончили в Херсоне культпросветучилище. Они организовали нечто вроде маленького ансамбля народной песни. И, когда к Дону Фернанду приезжали высокие гости, устраивали на летней сцене в парке усадьбы концерты. Мы играли и пели, а Оксана с Виталием танцевали гопак. Лично я стучал в бубен.

Степан одним махом опорожнил очередную бутылку пива, снова довольно крякнул и спросил:

-О чём это я?

-О музыке,- напомнил я.

-Ах, да!- восторженно воскликнул Степан.- Купил на днях CD-диск Карлоса Сантаны "Шаман". Потрясающий концерт! Особенно композиция "Новус", где поет Пласидо Доминго.

К несчастью, я как раз поднес чашку ко рту и во второй раз поперхнулся своим кофе. Кашель согнул меня пополам, слезы ручьями потекли из покрасневших глаз. Я ведь думал, что Степан знает лишь о Софии Ротару и то понаслышке, а тут такая осведомленность о новостях шоу-бизнеса!

Степан снова поднял свою могучую лапицу, намереваясь облегчить мои страдания.

-Не надо!- в ужасе прохрипел я,- Как-нибудь и сам выкарабкаюсь. Ты говорил о том, как хорошо относился к вам ваш гранд-патрон.

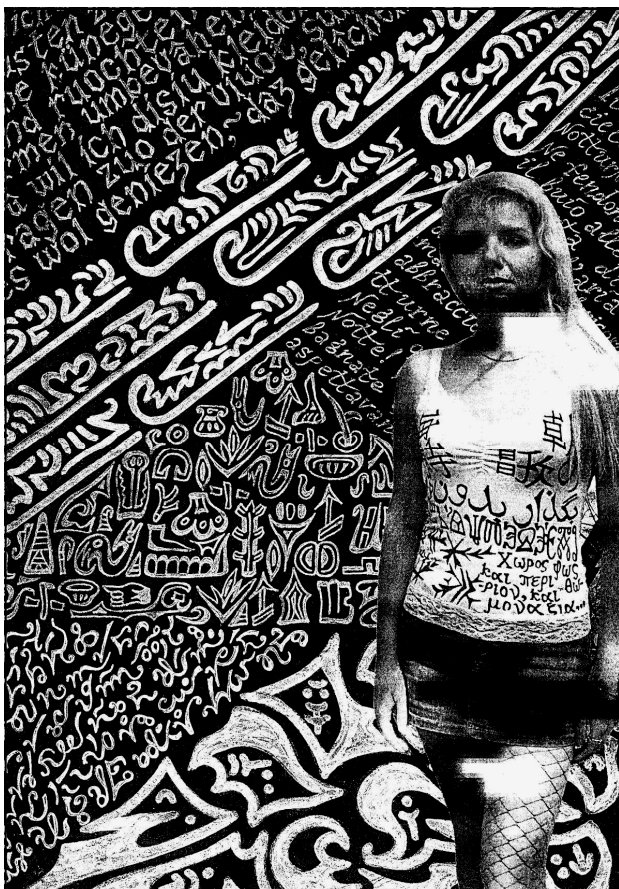
-Но далеко не ко всем одинаково,- скорчил кислую мину исполин,- Вот Серёгу-роялиста из моей бригады Дон Фернанду постоянно допускал в свой дом.

-И приверженцем какого короля был ваш Серёга?- искренне удивился я.

-Да причём тут король!?- посмотрел на меня, как на идиота, Степан,- Серёга был профессиональным консерватором-роялистом.

Наверно, вид у меня действительно стал идиотским.

-Сергей, как и я, стучал, но не в бубен, а по клавишам рояля. Допёр?- растолковал мне гигант,- Он закончил в Киеве консерваторию, но долго не мог

найти дома работу, и нужда заставила его податься на заработки. Не знаю, как шеф узнал о его способностях. Но он разрешал Серёге регулярно тренироваться на белом рояле в гостиной своего особняка. И, в конце концов, запретил роялисту работать на дороге, сказав, что тот не имеет право гробить такие изящные музыкальные пальцы. По протекции патрона Серёга устроился и играет теперь в каком-то оркестре во Франции.

-Я вижу, вы жили у Дона Фернанду, как у Христа за пазухой!- позавидовал я тернопольцу.

-Ну, да!- кивая, продолжил Степан.- Все было бы хорошо, да вот только сеньор Педру уж очень нас недолюбливал. Чуть что - сразу бежал с доносом к гранд-патрону. Португальцы обычно вместо "доносить" говорят "критиковать". Особенно этот критик-аналитик меня не переваривал. Я был для Педру, как Бельмондо в глазу.

-Ты хотел сказать, "как бельмо в глазу",- осторожно поправил я гиганта.

-Еще хуже!- отчаянно махнул рукой Степан.- Я был, как сучек, в глазу души его!

Я воздал хвалу Богу, что не пил кофе в этот момент, а то б несомненно снова поперхнулся. Слова исполина поразительно напоминали цитату из "Гамлета".

А Степан, неторопясь, продолжал свою повесть:

-Однажды Иван из Стрыя, мой сосед по комнате, "надравшись" до поросьячьего визга, намалевал куском угля на стене над моей кроватью голую бабу. Или, как говорят в артистических кругах, обнаженную с маху. (Прим. Именно так было сказано.) Ну, чего удивляться? Мужик почти год дома не был. Истосковался по женской ласке. А Педру увидел этот натюрморт с арбузами и окороками, и бегом с доносом... то есть с критикой к Дону Фернанду. Мол, имущество патрона испортили! Тот пришел, долго-долго глазел на мазанину Ивана. То подойдет, то отойдет, то голову задумчиво наклонит, потирая подбородок. А затем спросил меня: "Твоя работа?" Но я ведь не штатный критик! Молчу, как партизан в гестапо, крепко стиснув зубы. А Иван, честный парень! Как выскочит вперед, как заорет, рванув ворот на рубаше:

-Режьте меня на куски, стреляйте в меня из "Базуки"! Я это сделал, моя это работа!" (Прим. "Базука" — здесь - модель гранатомета США. Базука - музыкальный греческий инструмент).

Патрон ничего не сказал, развернулся и ушел. А на следующий день Ивану привезли мольберт, кисти, карандаши, краски, бумагу. И представь себе! Иван, вместо того, что б дудлить вино, все свободное время рисовал разные картины. А портрет патрона его работы висел в кабинете Дона Фернанду на самом видном месте.

-Да ваш Дон Фернанду - меценат!- пораженно воскликнул я.

-Нет-нет!- вполне серьезно возразил Степан.- Его фамилия - Магельяеш.

-Вот те на! Не тот ли это Фернандо Магеллан, который плавал вокруг земного шара?- плоско пошутил я. (Прим. Фернау Магельяеш - португальское произношение фамилии мореплавателя).

-Не думаю,- отрицательно покачал головою Сте-

пан,- В бассейне своей усадьбы он иногда плавал в жаркую погоду. А вот плавал ли он где "на шару"...? Не думаю. Он ведь не дитя малое.

Очередная порция пива с бульканьем исчезла в бездонной утробе великана.

-О чём это я?- спросил он рассеянно.

-О дите малом, - напомнил я.

-Ну, не совсем уж и малое! Есть у Дона Фернанду сынишка! Настоящий лодырь, тунеядец и разгильдяй! Вечный студент. За папины денежки окончил университет в Куимбре. Так ему мало! Поехал в Сорбонну учиться и там несколько лет штаны протирал. А теперь в Оксфорде дурака валяет. Бывало, приедет к папаше на каникулы, и нет, чтобы родителю по хозяйству помочь, а сразу - шусь! - в библиотеку отца! И днями оттуда не вылезит. Кстати, библиотека у Дона Фернанду - крупнейшая! Там даже есть полное собрание сочинений Ленина, правда, на французском языке. Если б у нас в Украине да сдать эту библиотеку на макулатуру, то можно б было безбедно прожить всю оставшуюся жизнь. А на следующие каникулы сынок патрона собирается ехать в экспедицию в джунгли Амазонки, что б там найти какое-то затерянное, забытое Богом племя индейцев. Миклухо-Маклай недоделанный! Как бы он сам лично не оказался гуманитарной помощью голодающим каннибалам Приамазонья!

Степан залпом опустошил очередную бутылку пива, поднял свои голубые, подернутые поволокой глаза к потолку и растерянно спросил:

-О чём это я?

-Об Амазонке,- подсказал я.

-Ну, да!- оживился Степан.- Дочь Дона Фернанду - настоящая амазонка! С утра на пегой кобыле галопом вылетала из конюшни и за полчаса объезжала обширные папашины владения. Иногда в трусах и в майке бегала кроссы по пересеченной местности, а то в бассейне по часу плавала туда-сюда, будто собиралась переплыть Ла-Манш или Гибралтар. А то в тире часами стреляла из лука, а Оксана только и успевала ей вешать новые мишени. И была же охота ей заниматься этим!?

Степан откупорил зубами следующую бутылку, внимательно изучил надпись на ее этикетке, брезгливо поморщился, но пиво всё-таки выпил.

-И что я только что сказал?- заплетающимся языком спросил он.

-И была охота...- начал было я.

-Ах, да!- перебил меня рассказчик.- Об охоте! Любил Дон Фернанду ходить на охоту, но, как дедушка Ленин, ружья с плеча никогда не снимал. Ходил по горам, долинам, любовался зайчиками, лисичками, птичками разными. Так порожняком домой и возвращался, зато довольный и счастливый от живого общения с Природой. Виталий говорил, что ни разу не счищал копыт из стволов его ружей. А в одной из комнат особняка патрона все стены были увешаны разнообразными охотничьими ружьями. Гордостью Фернанду была тульская двустволка, инкрустированная серебром. Он её очень любил.

И снова пенное пиво забулькало в глотке Степана. Гигант бережно поставил пустую бутылку на стол и тщательно вытер рукавом мокрые губы, а

заодно и нос, которым он нервно шморгал.

Какой-то сердобольный француз, сидящий со своим многочисленным семейством за столиком справа от нас, галантно предложил Степану свой изящный кружевной носовой платок со словами:

-Сильвупле!

Степан, неожиданно для меня, изыскано поклонился французу и бегло произнес:

-Же ву суй трэ реконэсан. Сэ бьен домаж, мэ же суй зоближэ де рефюзэ. (Я вам очень благодарен. Очень жаль, но вынужден отказаться).

Он вытащил из кармана носовой платок размером с альпинистскую палатку и, набрав воздуха в свои могучие легкие, оглушительно высморкался. Казалось, легкий шквал пролетел над столиками кафе. С соседних столов полетели на пол салфетки, а за окном пестрые уточки испуганно сорвались с поверхности пруда и стремительно унеслись в небесную даль.

-Donner-Weter!- взревела разгневанная немецкая туристка, вскопчила на ноги, подхватила свою до смерти перепуганную собачку и чеканным строевым шагом направилась к выходу. Столы вокруг нас как-то сразу опустели. Лишь невозмутимый англичанин хладнокровно заметил своей изящной супруге:

-Savage country (Дикая страна).

И залпом выпил стакан шотландского виски.

-Смотри! Как-то сразу посвежело, и воздух стал чище!- заметил гигант, с любопытством оглядываясь по сторонам,- Так на чём же я остановился?- поинтересовался он, вытирая свой раскрасневшийся нос.

-Он её очень любил,- повторил я его последние слова.

-Кого?- ошалело посмотрел на меня великан и, вдруг, затуманенный его взор прояснился.- Ах, да! Патрон просто обожал свою дочурку Биатрис. А она с первого дня втрескалась в меня по самые уши. Ну, сам понимаешь - парень я видный, привлекательный!- и Степан самодовольно пригладил свой короткий чубчик и приосанился,- Она ходила вокруг меня, томно вздыхала, строила глазки. Но не тут-то было! Я стойкий боец! Тем более, что меня дома ждёт Катюха."

-А как же Джулия?- лукаво ухмыльнулся я.

-Ну, то совсем другое дело!- смутился Степан и потупил свой взгляд,- То было какое-то затмение, помрачнение разума. Я был тогда под стрессом, в шоке от неожиданно сложившихся обстоятельств. И давай больше не будем вспоминать об этом!- вдруг не на шутку рассердился исполин.

-Да ради Бога! Замётано!- примирительно улыбнулся я.- Так чего там было с Биатрис?

-А чего-чего? А ничего!- передразнил меня Степан,- Да и не нравилась она мне! На лицо она, конечно, была смазливая, синтетичная.

-Ты хотел сказать "симпатичная",- ненавязчиво поправил я.

-Ну, да. Именно так я и хотел сказать. А вот фигура...- и на лице Степана появилось брезгливое выражение.- Кожа да кости! Биатрис возомнила себя великой балериной. В особняке была зеркальная комната, где она под музыку под руководством какой-то тощей ведьмы из Лиссабона дрыгала ножкой

и вертелась волчком. Иногда у нее очень даже неплохо получалось, но до Анастасии Волочковой ей расти и расти.

Я не поперхнулся кофе в третий раз лишь потому, что давно перестал подносить чашку к своим губам, опасаясь, что Степан в очередной раз поразит меня "бриллиантом" своего познания. Я еще не встречал в Португалии человека, который знал бы имя примы Большого театра. (Прим. В 2001-ом году Волочкова еще работала в Большом театре.) Так можно было и заполнить расстройство психики, причём в тяжелой форме. В Степане удивительным образом сочеталось невежество с "искрами" знания в самых неожиданных сферах.

-Биатрис худела, чахла и увядала от неразделенной любви,- продолжал, почесывая затылок, Степан.- А потом уехала лечить свою затянувшуюся депрессию в Швейцарию. Там она лазила по скалам, нюхала эдельвейсы, лечила нервы, созерцая прекрасные альпийские горные ландшафты. И, в конце концов, сорвалась с обрыва и сломала ногу. Но клянусь, это всё не по моей вине.

Гигант тяжело вздохнул и склонился над столом. Очередная пробка брякнула на уже солидную кучку своих подруг, и свежее пиво переключало из темной бутылки в желудок моего собеседника.

-О чем это я?- озабоченно спросил меня Степан, поднимая свои лазурные, затуманенные алкоголем глаза.

-О вине,- напомнил я.

-Да-да! Из-за вина я, собственно говоря, и погорел.- печально пробормотал Степан,- Недалеко от нашего флигеля был огромный винный погреб в

высоченными дубовыми бочками. Там Дон Фернанду хранил вина из урожая собственных виноградников. Конечно, нам перепадало из этих запасов на завтрак и ужин, а по выходным дням и праздникам и на обед. Но на нашу орду - это капля на рыло! Висел на дверях погреба такой вот простенький замочек "сим-сим откройся". И ребенок согнутым гвоздем откроет. Ну и стал я туда наведываться. С бочек как-то стрёмно было брать. Там везде стеклянные трубочки с заметками уровня. А в глубине погреба стоял старый деревянный стеллаж, такой пыльный и ветхий на вид. Там все бутылки лежали в ячейках, причем наклоненные пробками вниз. Посмотрел я на эти грязные бутылки; наклейки какие-то выцветшие, буквы корявые, кое-где нарисованы дамы и кавалеры в допотопных нарядах. И все покрыто толстым-толстым слоем пыли. Ну, думаю, валяется всякий хлам, до которого у патрона руки не доходят, чтоб выбросить. Когда я работал в Тернополе на товарной станции, старые грузчики-алкаши научили меня сливать содержимое бутылок, не нарушая вида целостности пробки. Ну, чтоб было совершенно незаметно. Для этого нужны не очень-то и хитрые приспособления. И стал я тихонько сливать вино из тех бутылок, а чтоб в глаза не бросалось, наполнял их дождевой водой из бочки, что стояла возле погреба. А потом еще и притрушивал бутылки серой мукой, что позаимствовал на кухне. И сам бы Шерлок Холмс со своим доктором-прилипалой не заметили бы подвоха!

Несколько месяцев я тайно наведывался в вино-

хранилище, сливал vinho (Прим. вино. порт.) в пятилитровую канистру и радовал сотоварищей нежданым угощением. И все было бы хорошо, если б к Дону Фернанду не припёрся его старый друг из Франции. Такой себе старенький профессор в очёчках, с усиками и бороденкой клинышком. Ну, вылитый тебе Троцкий! Патрон с ним так долго обнимался, целовался, будто они с пеленок не виделись! А потом Фернанду самолично вприпрыжку помчался в погреб. Смотрю, тащит одну из тех заброшенных бутылок. Стер муку с наклейки, пальцем в неё восторженно тычет и так радостно что-то рассказывает старому оппортунисту. Зашли они в усадьбу. С полчасика было тихо. А потом я услышал нечеловеческий рёв, от которого кровь в жилах стыла. Будто мумия Имен-Хотепа восстала и воскресла! "Степан!!!" - в дикой, звериной ярости орал Фернанду. И как он только догадался, что это моя работа!!? Не иначе кто-то "заложил". Выскакивает из двери с тульской двухдулкой в руках и, как резаный, поросенок визжит: "Убью!!!" Да так истошно, что я поверил! Наверно, вода, которую я заливал из бочки в бутылки, оказалась насквозь протухшей. Лицо перекошенное, глаза налитые кровью, из оскаленной пасти клыки торчат и слюна капает! Ну, точь-в-точь кровожадный властелин вампиров граф Дракула!

-Дракула!- запротестовал я.

-Нет-нет! Ещё страшнее!- отмахнулся от меня Степан,- Ну, я дёру! Я ведь его таким разъяренным никогда не видел. А этот альтурист хренов как шархнет из обоих стволов мне в след!

-Альтурист,- несмело поправил я.

-Ну и вот, результат на лице,- тяжело вздохнул Степан, не обращая внимания на мою реплику.

Я с тревогой осмотрел лицо своего собеседника. На нем на первый взгляд как будто все было в порядке. По крайней мере, в лучшую сторону ничего нельзя было уже исправить.

-Ты хотел сказать "результат на лицо"?- нервно переспросил я.

-Ну, не совсем, чтоб на лице. Я бы даже сказал совсем не на лице,- болезненно поморщился Степан,- А вот две дробинки до сих пор в левой ягоdice сидят. Теперь я приближение непогоды за 24 часа чувствую. Хорошо хоть не картечью стрелял!

-И чем же все это закончилось?- с нетерпением полюбопытствовал я.

-Да чем-чем...- Степан огорченно откинулся на спинку стула,- Ночью ребята вынесли мои вещи и я подался искать счастье в другие края. Оказывается, я уничтожил коллекцию элитных вин, которую Фернанду всю жизнь собирал, а до него еще его отец и дед. Там были вина чуть ли не 300-летней давности! Но откуда же мне было знать?

-Но хоть какое это элитное вино на вкус?- не унимался я.

-Да так себе. Кисляк кисляком!- пренебрежительно махнул рукой гигант,- Хотя иногда попадался "крепляк" не хуже херсонского "Рубина" или "Беломицина". (Прим. "Беломицин" - народное название крепленого вина "Біле міцне".) С тех пор я вина больше не пью. У меня на него появилась стойкая алегрия. (Alegria-радость, веселье. порт.)

-Аллергия,- быстро поправил я Степана.

-Теперь пью только пиво.- не замечая поправки народного депутата, продолжал рассказчик,- Сейчас я работаю в другой дорожно-строительной фирме. Платят не так хорошо, как у Фернанду. А всех украинцев Магельяеш по истечению срока контрактов поувольнял. "Остыл" он к нашему брату. Правда, рассчитал всех по честному, до эскудо! Только Оксана и Виталий остались работать у него в доме. А гранд-патрон набрал в свою фирму бразильцев. Они хорошо пели, танцевали ламбанду и самбу для гостей на летней сцене в его саду. Но работали не очень-то и усердно. А как только шеф их легализовал, они, как тараканы, разбежались по крупным городам. Работают теперь в разных барах, кафе и ресторанах официантами, барменами, музыкантами и танцорами.

Потом Фернанду набрал африканцев не то с Анголы, не то с Кабу-Верды. Теперь они танцуют для гостей патрона вокруг костра в боевой раскраске и с копьями наперевес. И дико завывают. Я иногда звоню Виталику, чтобы узнать свежие новости.

Степан не очень уверенным движением откупорил последнюю бутылку и, в этот раз, не спеша, смакуя, "выцедил" ее содержимое.

Внезапно тишину зала кафе разорвал резкий оглушительный звук. Нечто подобное я слышал только один раз в жизни. Двадцать лет назад мы с кумом на маленькой яхте в Черном море попали в жестокий шторм. Неожиданно налетевший шквал со звуком пушечного выстрела разорвал в клочья наш грот парус.

Воздух наполнился газом с едким запахом, который разъедал глаза и серьёзно затруднял дыхание.

Степан густо покраснел, повернулся к окаменевшему англичанину, у которого глаза стали больше, чем его очки, и виновато по-русски произнес:

-Простите, сэр! Нервы совсем стали ни к черту!

-Понэмай!- вдруг по-русски ответил джентльмен, бросил на свой стол крупную банкноту, подхватил под руку свою теряющую сознание супругу и, на негнувшихся ногах, быстро поволок ее к выходу.

Оставшихся посетителей, словно ветром сдуло, и кафе мгновенно опустело. Лишь обслуживающий персонал испуганно выглядывал из-за стойки раздаточной. Через открытую дверь кухни я увидел, что повару стало плохо, и официант отчаянно пытался привести его в чувство. Ошалевший поваренок суетливо бегал по кухне, распыливая во все стороны аэрозоль дезодоранта.

-Ну, Степан!- заметил я, когда запах "иприта" немного рассеялся,- Ты сегодня нанёс катастрофический, непоправимый ущерб португальской туристической индустрии.

-Это всё пиво!- уныло пробубнил Степан,- Меня всегда после него пучит.

-А ты не пробовал пить пива чуток поменьше?- укоризненно спросил я.

-Пробовал!- горько вздохнул гигант,- Всё равно пучит!

-Идём отсюда!- скомандовал я и потащил Степана за руку к выходу,- Пока нас не обвинили в злонамеренном умысле! Вспомни теракты в Токийском метро!

Мы вышли из кафе и побрели к обрывистому берегу реки Доуру. На западе с трудом пробивалось сквозь серую дымку неяркое зимнее солнце. Внизу над водою клубился густой призрачный туман. В ветвях кедров и елей раздавались звонкие голоса певчих птиц, будто бы не сумрачный декабрь подходил к концу, а жизнерадостный май настойчиво стучался в двери.

По крутому склону берега, мелодично журча, сбегал с уступа на уступ хрустальный ручеек.

"Щебечут птицы, плачет соловей,

Но ближний дол закрыт ещё туманом.

А по горе, стремясь к лесным полянам,

Кристаллом жидким прыгает ручей".

-Как красиво сказано!- восторженно прошептал взволнованный Степан,- Чьи это слова?

-Петрарка,- коротко бросил я, не заметив, что только что произнес стихи вслух.

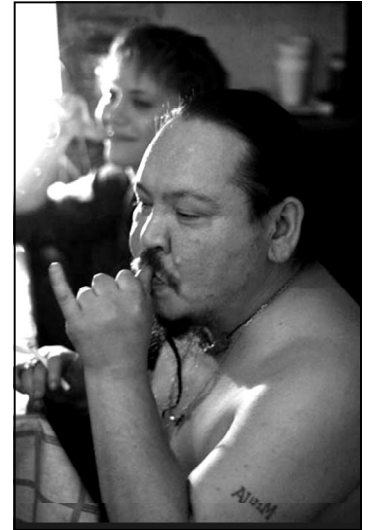
-Петрарко, Петрарко...- задумчиво повторил Степан.- Я как-то встречал в Фамаликау Ивана Петрарко из Борислава. Но не думаю, чтоб он смог такое сочинить. С ним, кроме как о бабах и о выпивке, не о чем было и поговорить.

Мы неспешно брели по пустынным аллеям под сенью гигантских деревьев, вдыхая полной грудью живительный-чистый лесной воздух. И, казалось, сама Природа-Мать вливала в нас неодолимую силу и надежду в то, что счастье всё-таки озарит своей доброй и щедрой улыбкой нашу серую иммигрантскую жизнь.

АНДРЕИ ЧЕМОДАНОВ

* * *

школьная изрезанная парта
детства неуверенное бля
помнится и я восьмого марта
мстил за двадцать третье февраля

громким языком официоза
в качестве подарка и тп
плоских слов моих сухая проза
в час политинформации тебе

перед самой смертью клара цеткин
прошептала "розовый бутон"
полицейский ни одной зацепки
не нашел ни сразу ни потом

я не знаю что тебе приснилось
уносило к морю лепестки
изменилось что скажи на милость
если не пришить к пизде мозги

бабьей доли горькая приправа
мрачная фаллическая тень
слишком избирательное право
чересчур большой рабочий день

дребеденькнул век пустой кастрюлей
разгоняя жизнью мелюзгу
только пули что там даже пули
не решают ничего в мозгу

сотый раз в москве трещат морозы
следующий век уже настал
также хороши и свежи розы
и ментом бросаемы в канал

МОСКВА-80

в одиннадцать лет
я был очень влюблён
в одокласницу

и разумеется
по восемь раз на дню
мастурбировал

не на нее одну
я представлял себе
еще трех однокласниц
двух дочерей
друга детства папы
и несколько персонажей
тургенева

и при этом
я активно использовал
неприличные фото
украденные у папы

как-то ночью
лаская себя
я услышал как

мать отцу говорит:
"наш-то что-то совсем
о девченках не думает даже"

они были сексологи
а их сын

был тогда
очень скрытным парнем

* * *

не на ивана-купала гораздо чаще
в час когда блещет огнями моя москва
сердце своё раскрывает бутон дрожащий
каждую ночь расцветает говно-трава

даже когда на лужкова ярится вьюга
и за лопаты хватается татарва
северный ветер корежит больное ухо
и в новый год расцветает говно-трава

это не та история где селянин
падает мордой в пахучую мураву
смотрит в маршрутке трясущийся горожанин
как на стекле смерть рисует говно-траву

сядешь в подземку пока еще не светает
выйдешь со станции -- как-то уже темно
путь твой тернистый усеян говно-цветами
куришь и думаешь то что трава – говно

чемоданов я не знаю что ты сделал

Вчера я зашёл в лавочку на углу
посмотрел как желтеет надпись
про учет пожелтела надпись

Санта Кризис подари мне «Перекресток»

потом я пошел покакать однако там
не нашлось ни клочка бумаги
и ни буковки для прочтения

я не знаю что сказать мне Туалету

потом я пошел к лучшему другу
а он говорит от тебя воняет
душ говорит извини сломался

Штитель Крытый улыбнись мне на дорожку

потом я открыл бутылочку жизни
а она оказалось пустою
и нигде ее не принимают

Дионисий разреши мне на свободу

потом я понял в чем было дело
но это ничего не объяснило
но это нормально, это бывает

Низший Разум ничего не объясняет

потом я вернулся к себе в башку
мне тошно но это мои мозги
ослепительно серое вещество

надо думать надо думать надо думать

* * *

а тогда
я подолгу и часто
был курьером

ездил из офиса
в офисы
щеголявшие евроремонтом

на втором или третьем
этаже
посреди постсоветской разрухи

впечатляли сортиры
с исправным феном
жидким мылом
цветочным
освежителем воздуха
хирургическим светом

а работа курьера
в основном -- ожидание

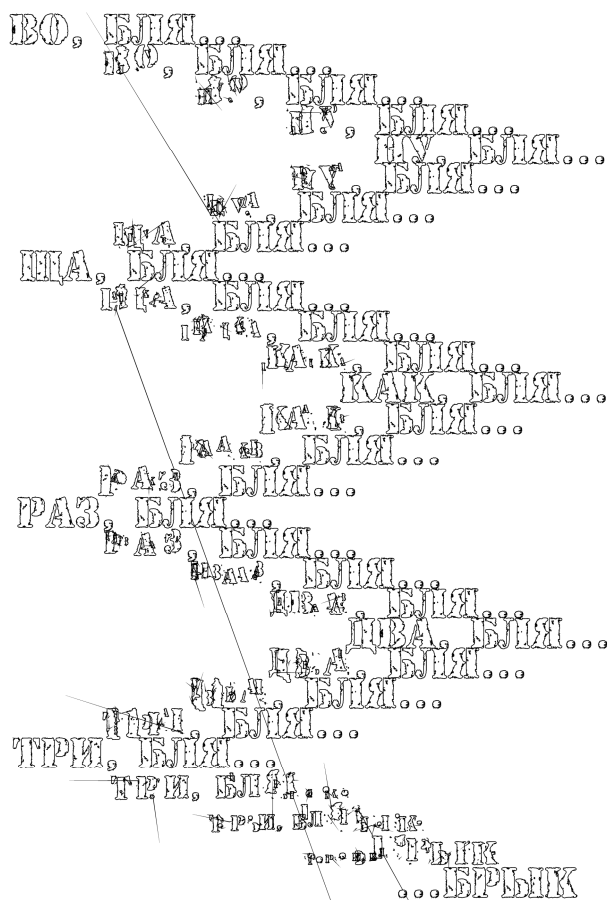
мой инстинкт подсказал:
чтоб работалось хорошо
территорию надо метить

и поэтому я дрочил
ежедневно в сортире босса
а при случае
у партнера

я не знаю
это магия или нет

но работалось хорошо
люди были довольны
бизнес цвел пышным цветом

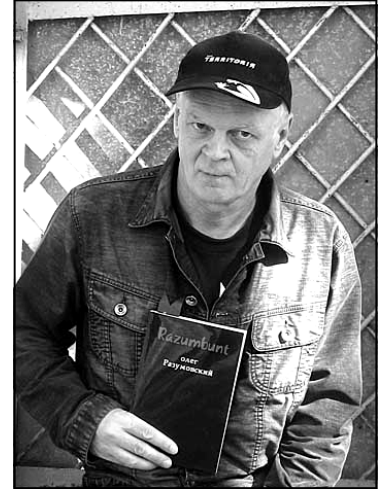
и я
увольнялся сам

Работа Эдуарда Кулемина
Illustration by Edward Kulemin

ОЛЕГ РАЗУМОВСКИЙ Новый год

Наконец наступил Новый год. Оксана Склянкина пригласила меня в гости, чтобы познакомиться с родителями. Я очень волновался, даже заикаться слегка начал.

В углу у них стояла елка, обозначая праздник, а перед ней на полу сидела Оксанка, вся наряженная, словно игрушка из универсама.

- Ну, ты в порядке, слушай, - сказал я ей, не смея и подумать, чтоб присесть рядом. Рыжие волосы ее и решительный пробор отразились в зеркале, а за окном капало и капало.

- Какой нынче Новый год без оттепели, - мрачновато заметил ее папаша, сидя с газеткой в кресле, дымя папироской «Беломор». Он был чистокровный русский, спод Ярославля сам, и курил исключительно этот сорт папирос, ну, в крайнем случае «Север».

- Нет, раньше был порядок, которого теперь нету», - продолжал водитель грузовика, - при - Сталине я имею в виду.

Я признаться, не знал, то ли присоединиться к Оксане и украшать елку, то ли пройти на кухню, где уже наливали всем по стопке.

- Ты чего такой робкий, парень? - окликнула меня ихняя бабка, и я, как был в фуфайке и без шапки, взял в руки стакан, налитый с краями. Опрокинул, и вмиг меня покинула нечистая сила. Хорошо стало, радостно. Но и досадно немного на Оксанку: она обещала мне наслаждение наедине, а тут целый цыганский табор народу, не считая младшего братишки, идиота сопливого. И никуда от них не денешься.

Когда опьянел наглухо, я ей все, что думал, высказал с глазу на глаз, при суровом взгляде одного Деда-мороза огромного.

- Тихо ты, - прошептала она, наряженная, вся разодетая, наглаженная, - как напьются все, пойдем с тобой к Варьке. Знаешь буфетчицу при станции?

Ладно, поставили стол в центре комнаты, разложили мандарины, сало, наложили картошки горячей с консервами в томате. Налили всем по «грибатому» стакану «белой», а батю как ветерану дали большую алюминиевую кружку. Он рад, кричит «Виват!», пьет за великого полководца. Я все барак свой вспоминал почему-то и погасшую или нет перед моим уходом печку, поломанную накануне в пьяной драке лавку, да рассыпанную по всему полу редьку. Дикость какая-то в голову лезла. Честное слово.

Оксана, казалось, про одно только думала в такую чудесную ночь и чуть не рыдала от рвущих душу предчувствий.

- Смотри, - сколько раз повторяла, почти не закусывая, моя Оксанка, - если только обманешь меня, получишь так по кочерыжке, потом всю жизнь арбузными семечками плевать будешь.

Я гладил ее по затылку, успокаивая.

Наконец встали из-за стола. Включил музыку. Раздали маски. Мне досталась комиссара с усами, а папаше - кулака с обрезом. Оксанка получила собачью, братишка ее, дегенерат сопливый, лисичку. Бабка ихняя с нами играть не стала, греясь на печке, да считая вполголоса годы, что провела в заточении - за язык свой поганный, понятное дело. Бормотала про какую-то нечисть. А что до мамы, то она с утра лежала пьяная в хлам в чулане, и неизвестно было никому, когда она проснется и попросит опохмелиться.

В общем, граждане, надели мы маски на свои лица и стали друг другу классово чужды. Собака гналась за лисичей, и, загнав ее куда-то за кулисы, стала рвать на части. Я ж, охотник до развлечений, выхватил маузер и стал стрелять по люстре для пушного шика, попадая постоянно почему-

то в желтый абажур. Батяка палил из обреза, как ошалелый, без остановки и всякого толка, пока не попал в старушку на печке, которая перевернулась в воздухе три раза и растянулась пластом на полу, поломав семо собой хрупкие кости. Тогда я, рассвирепев на мироеда, не целясь, одним метким выстрелом почти в упор, выбил ему все мозги. Шоферюга, не успев матюгнуться в последний раз, свалился прямо на разобранную кровать и больше не дрыбался. А от Оксанкиного неразумного братишки остались лишь клочки по закоулочкам. Только попугай Кеша, синий и вредный, болтался в клетке, как полоумный. Единственный свидетель этих странных событий. Он баловался окурком «Беломорины», считая себя заядлым курякой и ябедником.

- Теперь вас посадят обоих, - крикнул он на всю комнату и поднес нам по стакану водки.

Мы выпили, не чокаясь, как и положено, когда пьют за покойников. Склянкина включила радиоприемник на всю громкость: било полночь. Мы поцеловались. Пошли танцевать вальс. Мы кружились и хохотали, как выздоравливающие больные, сжимая друг друга в жарких объятиях. Подобно двум туберкулезникам, которых вот-вот выпишут из диспансера.

Ее белое платье шуршало, а одной рукой она уже залезла мне за ворот рубашки.

- Ну зачем тебе этот хомут? - спрашивал ее я, страшно волнуясь, имея в виду свадьбу, этот

предрассудок темных людей, на котором она почему-то настаивала.

- Чтобы не было в сердце раны после очередного свидания без штампа в паспорте.

И захохотала, как безумная, а после нахмурилась. На меня уставилась.

- Помни, что я сказала, - прошептала тихо и хрипло, и неожиданно сорвала с головы парик.

- Господи! – только и воскликнул я, неверящий, увидев абсолютно голый череп, на котором были нарисованы две черные кости и стояли три кроваво-красные русские народные буквы.

В это время очнулась ее мамка в чулане и простонала голосом убитой бабки:

- Ты что ль там, Оксана?»

- Я, а кто ж ещё? - отвечала лихая девка.

- А с кем это ты, дочка?

- Да с Варькой, соседкой, спи ты на хер.

Я взял тогда Оксану Склянкину в охапку и понес на койку. Споткнулся о мертвую старуху, скинул на пол твердого, как гвоздь, батю. Она билась в моих объятиях и материлась, и проклинала погоду, что не позволяла нам пойти погулять по ночному поселку, покататься с ледяных горок, целоваться на морозе, который розавит щеки, а потом радостными вернуться домой под самое утро. И только синий попка, во всем бараке, может быть, трезвый, вмняемый, пожелал нам спокойной ночи, когда мы устали от ласк и присели на краешек койки выпить вотки да выкурить по папироски.

АЛЕКСАНДР КОЛОЕВ

АВГИЕВЫ КОНЮШНИ

ПЕТЕРБУРГСКОЙ ПОЭЗИИ

На протяжении трех веков Петербург и поэзия шли рука об руку. Жизнь поэтов, живших и творивших в городе на Неве, как правило, всегда была драматичной, а личность – масштабной. Но что сегодня представляет собой панорама поэтической жизни Петербурга? Кто «глаголом жжет сердца людей»? Какие поэты заявляют о себе громче всех? Кому нужна поэзия?

Культурное «расследование» поэтической жизни Петербурга провел Александр Колоев.

Касаться вопроса «что сегодня происходит с поэзией?» следует, если не сказать, щепетильно, то уж точно весьма осторожно. Во-первых, вокруг споров о «месте поэта в рабочем строю» поломано немало копьев, а во-вторых, души поэтов чрезвычайно ранимы.

Оптимисты утверждают, что поэзия в наше время переживает бурный расцвет, отталкиваясь от того, что количество людей, называющих себя поэтами, и число поэтических сообществ растут как грибы после дождя. В Интернете немислимое множество сайтов, где современная поэзия измеряется терабайтами, в Петербурге редкий день обходится без поэтического вечера, а плодovitость у поэтов такая, что люди не успевают их не только читать, но и закидывать банановой кожурой, – короче, Бронзовый век русской поэзии налицо.

Пессимисты же по-стариковски поговаривают, что «нынче уж не те времена»: поэзия теперь не властительница дум и не законодательница общественного вкуса, самонадеянно добавляя к слову «поэзия» клишированное «умерла». Всё: времена, когда «поэт в России был больше, чем поэт», закончились. Теперь поэт – никто. Ноль. Пустой звук. Поэты не интересны, не известны и не нужны.

Как ни парадоксально, но в извечном споре оптимистов и пессимистов, на сей раз побеждают не реалисты (они вообще не интересуются поэзией), а те и другие – все правы, но каждый по-своему.

Сегодня поэтический небосклон, словно вид ночного мегаполиса из иллюминатора самолета, – одно сплошное световое пятно. Горящих звезд много, но все они тусклые, едва различимые, да и век их недолог: гаснет одна – тут же вспыхивает другая, причем это происходит так быстро, что никто никаких

изменений зафиксировать не успевают. При этом отсутствуют яркие звезды, те, на которые любопытствующий захочет навести телескоп и приглядеться.

В России к литературе отношение особое. Литература у нас всегда была явлением общественным, поскольку служила мощным плацдармом для осторожного выражения мыслей, когда высказываться на страницах газет и говорить вслух все, что думаешь, было нельзя. В России поэзия заменяла свободную прессу. Несмотря на дикий гнет цензуры, сначала царской, потом советской, поэзии все-таки удавалось донести до народа то, чего нельзя было сделать другим способом. Индивидуальный взгляд на происходящее был только в литературе, в то время как пресса канцеляритами выражала официальный взгляд властей. Расцвет поэзии в начале двадцатого века, когда русская поэзия шла наравне с мировой, объясняется еще и экзистенциальными запросами времени – технический прогресс двинулся семимильными шагами.

Двадцать лет назад СМИ получили долгожданную свободу (всё относительно) и тут же оттянули одеяло на себя, забрав у литературы публицистическую функцию, без которой русская литература не мыслилась на протяжении трех веков. Но если проза не пострадала, а в некотором смысле и приобрела (появились не зависящие от политической конъюнктуры жанры: фантастика, детективы, любовные романы), то поэзия не смогла удержать читателя. Поэт и читатель разминутись.

Поэты стали экспериментировать со словами, рифмами, размерами и прочими малоинтересными для обычного читателя вещами, принятыми называть одним всеобъемлющим, но расплывчатым сло-

вом «постмодернизм». В поэзии стала преобладать форма над содержанием, вылезли такие малоприятные вещи как претенциозная ерунда, дешевый эпатаж и откровенная пошлость. Неудивительно, что такая поэтическая «эксперименталистика» стала интересна лишь коллегам-поэтам (надо знать, что пишут остальные), филологам (потому что надо интересоваться) и ничтожно малой аудитории, состоящей преимущественно из изящных эстетов с гуманитарным складом ума, диких поэтофилов и городских сумасшедших (не хочу никого обидеть, но придите на любой поэтический вечер и убедитесь сами).

Одиозное изречение Евтушенко «поэт в России, больше чем поэт», похоже, действительно стало неактуальным. Стихи в массовом сознании не воспринимаются как нечто серьезное. Так, легкое творчество, бессмысленное баловство, приятный досуг, красивая филологическая игра со словами, увлекательное развлечение для гуманитариев. К поэтам теперь люди относятся как к маленьким детям: «чем бы дитя не тешилось...»

Возможно, такое отношение к поэзии обусловлено сегодняшним универсальным мерилем всех и вся – деньгами. Ведь занятие поэзией не требует материальных вложений. Что нужно поэту, кроме таланта и вдохновения (и то сомнительно)? Лист бумаги и ручка. Поэты обожествлялись в те времена, когда стихи впитывали боль поколения, несли тяжелую печать своего времени. Поэзия, словно лаковая бумага, позволяет индуцировать состояние общества и политическую ситуацию. Сегодня же мы живем в относительно спокойное (тьфу-тьфу) время, что естественным образом отпечатывается на уровне поэзии. Подмечается даже любопытная историческая закономерность: поэзия живет и расцветает в переломные эпохи и протухает в застойные периоды истории.

В конце 90-х поэзия, лишившись публицистичности, стремительно маргинализировалась. Ушла в клубы, немногочисленные и малотиражные толстые журналы, в самиздат и, конечно, в Интернет. Перестала быть общественным явлением, стала делом частным, сугубо интимным в плане творчества. Поэзия нашла пристанище в области чистой филологии. Может, там, где и должна находиться по определению?

Сейчас в России подчеркнута непоэтическое время. Поэзия тяжело вписывается в современный высокотехнологичный мир. Стихи остаются в текстовом измерении, воспринимаясь избалованным мультимедиа современным человеком архаично. Индустрия компьютерных игр и 3D-кинематограф способны дарить людям гораздо больше эмоций, чем рифмованные строчки.

Несомненно то, что современная поэзия тяготеет к устной форме. Поэты хотят, чтобы их слушали, а не читали. Поэтому процветают нескончаемые поэтические фестивали, конкурсы, чтения и слэмы (соревнование, когда поэты эмоционально читают стихи, стараясь разгорячить публику).

Крупные поэтические слэмы в Петербурге периодически проводятся в клубе «Танцы» Их ужасающий

примитивизм поражает: в стихах всех участников нет ничего, кроме мата и физиологических реакций организма. Это и не поэзия в собственном смысле, а сгусток рвоты; будто стихи не написали, а изbleвали. Или еще проще: загрузили в компьютер словарь русского мата, заставили компьютерную программу перетасовать слова, скомбинировать, потом готовые результаты распечатали и раздали участникам слэма. Говорю без всякого преувеличения – я сам там был и всё слышал собственными ушами.

Еще одна причина перехода поэзии в устную традицию – незаинтересованность книжных издательств печатать стихи. Неприбыльное дело. Издаваться же за свой счет могут позволить себе немногие. Сегодня поэзия если и издается, то ничтожно малыми тиражами (до 1000), в основном за счет авторов, грантов и меценатов. Выглядят же эти сборники жалко: маленькие, невзрачные, бледные и бедные. Обложки навевают такую тоску, что брать эти книги в руки даже не хочется.

Для поэта Владимира Антипенко, создавшего в Петербурге крупнейшее поэтическое движение и театр «Послушайте», живое слово в авторском исполнении – позиция принципиальная. Все устраиваемые им поэтические вечера, даже если на них никто не придет, он снимает на видео и выкладывает в Интернет – там своя аудитория. «Раньше люди выбивали информацию на камнях, дощечках, потом изобрели бумагу, теперь настала эра видео – духовное, запечатленное в электронном», – считает Владимир.

Возникновению поэтического движения Владимира Антипенко во многом поспособствовал его тезка – футурист Владимир Маяковский. Всё началось весной 1998 года – тогда, каждую субботу, у памятника Маяковскому в сквере на углу ул. Маяковского и ул. Некрасова амбициозный Владимир Антипенко с энергичными молодыми поэтами устраивал публичные чтения стихов. Постепенно сформировалась команда с ёмким названием «Послушайте!», которое полностью отвечало и до сих пор отвечает идее движения. Молодые поэты стали желанными всегдашними поэтическими вечерами, проводимых в городе, активно выступали в концертных залах, начали даже гастролировать по стране.

Владимир Антипенко уже несколько лет устраивает в городе поэтические мероприятия, среди которых фестиваль Street ЛИТО «Послушайте!», фестиваль «Фантази-крик!» в лофт-проекте «Этажи» и еженедельные вечера в доме молодежи «Форпост», курирует огромную группу во «ВКонтакте», ведёт ЖЖ, видеоархив на Яндексе, а также является несменным ведущим авторской программы «Поэтов послушайте!» на радио «Петербург».

Владимир пишет ассоциативные стихи, в основе которых описательно-визуальный тип построения. Такие стихи требуют от поэта усиленной работы воображения, а от слушателя предельного внимания и богатой фантазии. Экспериментируя со словами и их связями, подобно Велимиру Хлебникову, он легитимизирует новые формы поэтического слова. И если на уровне здравого смысла такие строки

как «молоток мыла в зубы гладить» или «пещеры поста лыжи свистывал» воспринимаются дико и не выдерживают никакой филологической критики, то на уровне восприятия они порождают, как считает Владимир, цельное художественное видение-ощущение звука и ритма. Впрочем, если у вас ассоциации заставляют себя долго ждать и вообще становятся скучно от таких стихов, Владимир бы сказал, что вы просто не способны их почувствовать, ибо, как считает он (удачный ход для объяснения!), все люди делятся на два генетических типа. Одни не воспринимают ассоциативные стихи, вторые – воспринимают, причем это не зависит от уровня образования, интеллекта и социального положения. Таким образом Владимир вместе с «Послушайте!» провозглашает новый тип поэзии: А-Поэзии – ассоциативной, альтернативной и, наконец, Антипенко-поэзии.

Для одних Владимир Антипенко – агрессивный вождь самостоятельного объединения лихих графоманов, для других – харизматичный поэт, объединяющий вокруг себя молодых талантов и предоставляющий им возможность выступить и найти своего слушателя. Неоспоримо одно: Владимир занимается делом чрезвычайно важным и полезным, заслуживающим большого уважения. Особенно если учесть, что он уже несколько лет не работает (на что живет – скрывает), полностью посвятив себя любимому делу – поэзии.

Впрочем, пресловутый денежный вопрос дает о себе знать. Пока писался этот материал, Владимир в «Контакте» разослал оповещение о том, что театр поэтов зашел в крутое финансовое положение, ставящее под угрозу его дальнейшее существование. Владимир залез в долги, на него не на шутку накатили банки (камеру для съемок вечеров он взял в кредит).

Дом молодежи «Форпост» у метро «Выборгская». Каждую среду здесь проходят вечера театра поэтов «Послушайте!» (кстати, объединение называется «театром» весьма условно, поскольку Владимир не обучает своих подопечных сценическому и ораторскому искусству). Пока на вечер собирались поэты и их друзья (а кроме них никто практически сюда и не ходит), я разговаривал с Владимиром Антипенко, или, как он называет себя, Карабасом Барабасом театра поэтов, хотя на типичного депутата-бюрократа он похож больше, чем на «доктора кукольных наук».

Я в лоб спросил Владимира о назначении поэзии и «месте поэта в рабочем строю». «В жизни каждого человека рано или поздно наступает момент, когда поэзия становится позарез нужна, – философски начал рассуждать Владимир. – Человек обращается к поэзии, ищет своего автора, чтобы найти ответы на те сакраментальные вопросы, на которые нигде больше нельзя отыскать ответ. Если, конечно, человек не погрузится в быт и обыденность – то, чем живет большинство населения».

Стойкий интерес к поэзии в прошлом и явное безразличие в настоящем Владимир объясняет возросшим значением за два последних десяти-

летия агрессивных каналов масс-медиа и исполнинского Интернета. «Раньше человек, желая получить впечатления, шел в кино, в театр или на поэтический вечер. Сегодня же он либо включает телевизор, либо просиживает в Сети. Соблазнов стало больше и средний человек нашел что-то более интересное, чем поэзия».

Молодой литературный критик и поэт Светлана Бодрунова в эссе «Поэтическая карта Петербурга: младшее поколение» указала три самых звонких, с ее точки зрения, имени, представляющих молодую петербургскую поэзию. Случай получился пушкинский, классический, потому что все имена девичьи: Дарья Суховой, Наилия Ямакова, Алла Горбунова.

Дарья Суховой – известный в Петербурге молодой поэт, активный организатор и ведущая многих поэтических вечеров. Дарья окончила в 2000 году филологический факультет СПбГУ, а в 2008 – аспирантуру, по ее словам, самой консервативной кафедры России – кафедры русского языка, защитив диссертацию по теме «Графика современной русской поэзии». Вышеупомянутая Светлана Бодрунова весьма точно написала: «Стихи Дарьи – это как если университетского профессора сфотографировать не на дагерротип, а цифровиком. Технология другая, но профессор – он и есть профессор, никуда не делся, никак не поменял жизненные принципы».

Дарью часто называют модным слово «культуртрегер» – устройтеlem поэтической жизни города, что, собственно, вполне заслуженно. Она курирует уникальный сетевой проект «Санкт-Петербургский литературный гид», информирующий о литературной жизни Северной столицы: новости о литературной жизни города, анонсы выступлений поэтов и прозаиков, информация о журналах и новых книгах. «ЛитГид» берет начало в 1999 году; тогда литературная жизнь города слабо отражалась в Интернете, социальных сетей еще не было, поэтому информация собиралась методичным телефонным обзвоном и письмами. Ныне Дарья на связи со всеми кураторами литературных мест города, в которых регулярно что-то происходит. Таких точек в городе, по ее словам, не менее 15-ти, а общее число мест перевалило уже за 50. Большая заслуга Дарьи заключается в том, что еще до появления сайтов типа «Афиша.ру» ей удалось наладить периодическую рассылку анонсов литературных мероприятий, проводимых в городе, до нее этим никто не занимался. Сегодня у «ЛитГид» около 900 подписчиков – прямо скажем, немного, особенно если учесть, что Петербург гордится званием культурной столицы, правда, число читателей на порядок больше. Одно время «ЛитГид» существовал за счет грантов, теперь продан ДК им. Крупской, на сайте которой и размещается. Дарья также курирует сайт «Новая литературная карта», который структурирует литературное пространство России.

С 2001 года Дарья Суховой проводит ежегодный поэтический фестиваль в Петербурге («Майский фестиваль новых поэтов»), который призван открывать новые имена петербургской поэзии и приглашать наиболее интересных поэтов, живущих в

разных местах мира. С 1998 года Дарья занята организацией литературных вечеров. Дарья поделилась, что при организации мероприятий не обращает внимания на то, в каком объединении состоит автор – главное, что он хочет донести до аудитории и какие стихи пишет.

Дарья Суховей работает старшим научным сотрудником Государственного Литературного Музея «XX век» (Музей-Квартира М.М.Зощенко) на Малой Конюшенной. Там я и встретился с Дарьей, чтобы подробно расспросить ее о поэтической жизни Северной Пальмиры. Кто-кто, а она-то об этом должна знать всё.

Тем более, что за день до этого в городе проходил крупный поэтический фестиваль «Парад планет», где она была ведущей. Само название фестиваля символично: парад планет – редкое не только астрономическое явление, но и поэтическое событие. Суть мероприятия сводится к публичным поэтическим чтениям, знакомству поэтов самых различных объединений и взглядов на поэзию для обмена опытом и мнениями. Впрочем, такие словесные баталии обычно не приводят к конструктивному диалогу и взаимопониманию.

Если лет пять назад поэтов Петербурга (преимущественно молодых) можно было условно разделить на три большие группы: поэты, вышедшие из Сети, традиционные ЛИТО и «пришлые» поэты, уверенно вписывающиеся в петербургскую среду – то сегодня эта классификация безнадежно устарела. Поэты, вышедшие из Интернета, свое творчество больше не идентифицируют с сетевой поэзией, ЛИТО потеряли статус неприкосновенности и авторитета, теперь ЛИТО может организовать кто угодно, а непитерские поэты, заявившие о себе в городе на Неве, органично вписались в петербургский поэтический контекст.

«Настало время индивидуальностей. Сегодня у поэта может быть 1-2 читателя, может быть 10, а может быть 10 тысяч – но это те читатели, которые должны не отдыхать при чтении, а вникать в стихи, разбираться, работать с текстами поэта, возможно, даже не меньше, чем сам поэт при их создании», – уверена Дарья.

Дарья принесла антологию «Стихи в Петербурге. 21 век», выпущенную при содействии музыкально-литературного клуба «Платформа», в частности, его идейным организатором, известным литературным критиком и писателем Вячеславом Курицыным. Дарья деловито листала сборник, комментировала напечатанное – мне было ясно, что в сборнике собрана весьма пестрая картина поэтической жизни: тут и верлибры, и неоавангрд, и рок-поэзия (успел схватить взглядом Бориса Гребенщикова).

«Формация» – еще один небезынтересный сборник, составленный Кириллом Коротковым и Арсеном Мирзаевым и вышедший два года назад, куда были включены произведения более ста петербургских поэтов. Среди них имен десять значительных и признанных, несколько десятков – «широко известны лишь в узких кругах», остальные ни у кого не на слуху, творчество которых в

большинстве своем либо сводится к описанию физиологических реакций и обильному сквернословью, либо к откровенной графомании. Обычно таким «поэтам» хочется задать один единственный вопрос: «Поэтом можешь ты не быть?»

Самое любопытное заключается в том, что антологию «Формация» предваряют два предисловия – безжалостного критика Виктора Топорова и яркого публициста Дмитрия Быкова. Их тексты настолько критичны, что после их прочтения читать стихи уже нет никакого желания. Впрочем, расчетливый маркетинговый ход ясен: кто сегодня будет читать книгу, которую назойливо хвалят. Однако на презентации сборника поэты все-таки потребовали публичных извинений от разошедшихся не на шутку критиков.

Топоров уверенно обзывает сборник «братской могилой», по которой надо «пройтись Карфагеном», «лирическим Гайд-парком пополам с зоопарком», и без стеснения рисует образы петербургских поэтов, за которыми искушенный в области современной поэзии человек узнаёт конкретные имена (орфография и пунктуация сохранены): «...в постмодернистской ситуации все звери, включенные в сборник, равны. И застенчивый онанист, отмеряющий сперму бензобаками; и лысый каламбурист, чувствующий себя в чужом «пежо», как в жопе; и юный педик, разучившийся любить – но не кричать в постели; и парижский рифмач из старых питерских стучаек; и пожилая проблядь, попеременно путающаяся то с ямбом, то с хореем; и выползшие из щелей шестидесятых прошлого века литературные клопы разной степени наетости; и ученики Лейкина; и приятели Курицына; и поклонники Крусанова; и убогие подражатели Мякишеву; и бледные копии Дудиной; и штрафное отделение стихопрозы; и взвод верлибристов; и старательные слушатели Сосноры; и капитан ВМФ СССР Орлов вкупе со старшиной первой статьи Беспалько; и лицеисты Льва Лурье; и питомцы клуба «Дерзание»; и сгоревший Дом писателей; и разогнанный «Сайгон»; и закрывшиеся «Академпроект» и «Платформа»; и мимолетный «Зоом»; и пещерный «Борей»; и ветераны Комарово; и титаны Царского Села; и путаны с проспекта Просвещения; и закройщики из Торжка, и библиотекари из Публички; не говоря уж о численно преобладающих бродскоманах и бродскоманках, – все они, пусть и каждый (-ая) по-своему, нынче правы: они считают себя поэтами».

Быков же более сдержан, он пытается обосновать свою позицию, а не фонтанировать злобной критикой за гранью добра и зла. «Чемпион отечественного книжного рынка» сетует на мертвость текстов, отсутствие динамики и досадную предсказуемость.

Пять лет в Петербурге выходит тысячным тиражом философско-поэтический альманах «Транслит», бессменным редактором которого является Павел Арсеньев, известный поэт, перфомансист и участник коллектива «Лаборатория Поэтического Акционизма», выступающего против коммерциализации искусства и произвола властей в области культурного наследия. В концепции альманаха отчетливо проявляется стремление всячески отго-

родиться от поэтической традиции и примкнуть к эксперименту, а также навязчивое выражение левых марксистских взглядов.

На филологическом факультете СПбГУ, который, кстати, признан крупнейшим языковым факультетом не только в России, но и в мире, выпускается на средства Профсоюза уже шесть лет альманах «Почерк» – сборник университетской поэзии, прозы и литературной критики. Издание позиционирует себя как стартовая площадка для творчества начинающих университетских поэтов и прозаиков. В «Почерке» печатаются и достаточно известные петербургские авторы и преподаватели, чтобы студенты смогли ощутить высокую планку (хотя некоторые из них пишут не хуже). С особой гордостью редакция рассказала мне о публикациях в альманахе немецкого писателя, лауреата Нобелевской премии по литературе, Гюнтера Грасса и молодых немецких поэтов, с которыми сотрудничает переводчик Михаил Клочковский, преподаватель немецкого языка и литературы.

Альманах принципиально открыт для творчества, единственный критерий для публикации в сборнике – художественная ценность произведений. «Как правило, для совсем начинающих авторов мы отбираем не больше двух произведений, чтобы дать человеку радость публикации и наглядную возможность сравнить себя с другими, – рассказала мне редактор альманаха Алла Зиневич. – Что же касается опытных авторов, то могу сказать, что они обычно сами предлагают тексты, часто уже из опубликованного ранее в Интернете, причем каким-то мистическим образом оказывается, что они в совокупности дают некую общую тематику номера. Мы стараемся отобрать стихи по критерию «сейте разумное, доброе, вечное» и одновременно стилистически оригинальное: особый язык, словарь, иногда – твердые формы (сонеты, секстины). Мы не делаем ставки на классическую силлабо-тонику или верлибр, тем более, что большинство поэтов избирают промежуточные формы». Филфак – факультет невест, больше половины авторов – девушки, поэтому, само собой, в альманахе много женской любовной лирики, причем не всегда в привычной ахматовской традиции. «Вот у меня самой – в Дантовской», – гордится Алла Зиневич. Значительная часть авторов альманаха публикуется в небезызвестном научно-художественном журнале «АльтерНация», выходящем в электронном виде на евразийском портале «Мегалит».

Я также не упустил возможность расспросить Аллу о состоянии петербургской поэзии. «Если говорить об исполнительском уровне, то – расцвет. Сейчас очень модно исполнение своих же стихов, видеопоззия. Если говорить о текстах – да все как всегда, – посетовала Алла. – И в XIX веке была похожая ситуация: читают стихи в основном те, кто пишут плюс «друзья и знакомые кролика», необязательно филологи, часто даже именно приятели, или тоже творческие люди, но не поэты – фотографы и художники, музыканты и актеры. Думаю, поэзия не может выйти из общей культуры, она просто может

уйти в катакомбы клубов, сайтов и быть как подосознание культуры. А титул «больше чем поэта» имели всегда те, кого изучали в школе или часто показывали по телевидению. Чтобы поэзия собирала стадионы, нужно не только сверхромантическое общество, но и пассионарные поэты, при этом с качественными, хотя и не обязательно гениальными, текстами. И чтобы зритель не был так загружен бытом...»

Однако назвать все вышеперечисленные антологии, как и десятки других, выпускаемых в Петербурге, зеркалом петербургской поэзии было бы непростительной ошибкой – все они не дают вполне объективной картины. Какие-то поэты попадают в них случайно, какие-то оказываются там просто лишними, а некоторые не попадают вовсе.

Что же касается толстых литературных журналов, являющихся гордостью российской культуры, то они впервые за три века невероятно похудели и катастрофически упали в тиражах. В фантастические тиражи, особенно взлетевшие в период перестройки (например, тираж первого номера «Нового мира» за 1990 год был 2,6 млн. экземпляров!), сейчас даже слабо кто верит.

Старейший журнал «Звезда», издаваемый с 1924 года и прославившийся знаменитым историческим постановлением ЦК ВКП(б) «О журналах „Звезда“ и „Ленинград“» с критикой Зощенко и Ахматовой за безыдейность и идеологически вредные произведения, сегодня выходит ежемесячно тиражом около трех тысяч экземпляров с полным дублированием контента на сайте, в то время как в 1991-ом выходил тиражом свыше 340 тыс. Кстати, «Звезда» – единственный из всех журналов, когда-либо издававшихся в северной столице со дня ее основания, выходящий более 80 лет подряд без перерыва; журнал печатался даже в блокаду.

Последние 15 лет редакционную политику журнала и весь его облик определяют историк, публицист Яков Гордин и литературовед Андрей Арьев, а также заведующий отделом поэзии Алексей Пурин. В каждом номере журнала появляются новые, неизвестные читателям имена, публикуются свежие переводы лучших иностранных авторов. Раз в год выходит специальный тематический номер, целиком посвященный определенному культурному явлению, как правило, приуроченному к какой-нибудь литературной дате. При журнале на ул. Моховой существует общественно-художественный клуб, где регулярно проводятся конференции, выставки, литературные вечера, встречи с известными политиками и деятелями культуры.

Журнал «Звезда» достаточно консервативный, что, впрочем, неудивительно, если учесть преклонный возраст редакторов и членов редколлегии, куда, между прочим, входят Александр Кушнер и Борис Стругацкий. Журнал тяготеет к печатанию традиционной поэзии и скептически относится к новаторству.

Другой, не менее известный, журнал «Нева» выходит ежемесячно таким же тиражом и также одновременно с выходом печатной версии публикует электронную. После тяжёлой болезни Бориса Никольского, более двадцати лет возглавлявшего это зна-

ковое для города издание, редакционное хозяйство приняла поэт и эссеист Наталья Гранцева.

«Журнал «Нева» мало связан с поэтическими процессами, происходящими в городе, там публикуются, видимо, те стихи, которые приходят в редакционную почту. Редакция, похоже, не отслеживает городские поэтические тенденции, – считает Дарья Суховей. – Всегда, когда я просматриваю поэтическую рубрику журнала, у меня возникает недоумение, откуда взялся тот или иной автор. Даже их ежегодный номер, посвященный молодым авторам, вообще никак не отражает творчество молодых петербургских поэтов».

В России до сих пор есть города, где интерес к поэзии весьма высок. Прежде всего, это Калининград, Екатеринбург и Москва. Там поэтические вечера не собирают, конечно, стадионы, но, в отличие от Петербурга, поэтам удается заинтересовывать нелитературную публику. В Москве, например, романтический поход с девушкой на поэтический вечер столь же естественен, как поход в кино, и не выглядит такой экзотикой, как в Петербурге. Во многом такое культурное различие между двумя российскими столицами объясняется тем, что в Первопрестольной существует мощная культурная инициатива и поддержка, активно занимающаяся организацией поэтических мероприятий на клубных площадках столицы. В Петербурге же поэтические вечера носят подчеркнуто некоммерческий аспект. Кроме того, русская поэтическая жизнь, начиная с 1980-х годов, резко переместилась в Москву, сделав Петербург поэтической провинцией – правда, в хорошем смысле этого слова.

Поистине скандальный Виктор Топоров, сравнивая поэзию Москвы и Петербурга, безжалостен и категоричен (авторский стиль сохранен): «В сегодняшней Москве поэзия – популярная (главным образом среди секс-меньшинств, но и просто среди богатых бездельников) ролевая игра. Успешно вороватые менеджеры по вечерам зажигают друг дружку, на аглицкий лад рифмуя секс с коксом. И член Моссовета устраивает для них узаконенные фестивали... У нас, в Питере, по-другому: всё, хоть давным-давно и бессмысленно, но предельно – на разрыв аорты – серьезно. Стихами живут. Стихами бредят. Стихами себя убивают. Стихами – в удручающем большинстве даже не чудовищными, а просто-напросто никакими. И всё это происходит в патологической нищете – с водкой «Флагман» из-под полы в бумажных стаканчиках, налитых на два пальца».

Современную поэзию без использования ненормативной лексики представить невозможно. Мат – богатое языковое средство, переворачивающее представления о мире с ног на голову. Пожалуй, у каждого поэта нынче есть стихотворение с крепким словом.

в середине девяностых журналист Александр Никонов (который недавно вызвал широкий общественный резонанс публикацией о допустимости эвтаназии детей-инвалидов) активно пропаганди-

ровал ненормативную лексику и совместно с поэтом Дмитрием Быковым на протяжении двух лет издавал приложением к еженедельнику «Собеседник» газету «Мать», изобилующую крепкими народными словечками.

Но почему мат так стал популярен именно в последнее время? Что это – вырождение поэзии, дешёвый эпатаж или модная тенденция? «Молодежь всегда ругалась матом, чтобы стать взрослее, – сказал мне Владимир Антипенко. – Творчество зачастую впитывает в себя повседневный народный язык, поэтому мат проникает и в поэзию. Таким образом, поэт начинает писать так, как дышать, мало задумываясь о высокопарном слого. Кроме того, сейчас нет цензуры, поэтому мата, понятное дело, стало больше».

Мастерски (хотя всё относительно), к примеру, использует обценную лексику вперемежку с популярным в блогосфере «албанским» языком, жаргоном городских неформалов и сленгом жителей питерских коммуналок в поэзии Наталья Романова, один из сборников которой носит характерное название «Zaeblo». Коренному петербуржцу такие стихи понятны без перевода. Наталья под маской бунтарской девочки-панка с неповторимым сарказмом и гротеском пишет о героинчиках у метро «Автово», о скинхедах, отрезающих голову кавказцам, и даже про завхоза «с засунутым в задний проход вантузом».

Матерится как сапожник в своих стихах и Евгений Мякишев (хотя в жизни, как мне удалось выяснить, он никогда не позволяет ругаться при дамах). Евгения строгий критик Виктор Топоров ставит на одном уровне с Бродским, что весьма почетно, другие критики видят в творчестве Мякишева влияние Мандельштама, Маяковского и Заболоцкого, а составитель «Словаря русского мата» Алексей Плущер-Сарно (который инициировал нашумевшую скандальную акцию – групповой секс в Биологическом музее им. Тимирязева) считает, что Евгений пишет в изысканных традициях русской барковьяны.

В России существует несколько крупных национальных литературных премий, которые являются либо сами по себе поэтическими (внутренняя премия «Поэт», учрежденная РАО «ЕЭС России», основанная поэтом Андреем Вознесенским на деньги фонда Горбачева премия им. Пастернака, премия «Anthologia» от журнала «Новый мир», премия им. Булата Окуджавы – за создание произведений в жанре авторской песни и поэзии и др.), либо в которых присутствует номинация «поэзия» («Дебют» – для авторов не старше 25 лет, консервативная Бунинская премия за развитие изящной словесности, Горьковская литературная премия за лучшие традиции и ценности русской классической литературы, учрежденная фондом памяти поэта и эссеиста Ильи Тюриня «Илья-премия», футуристическая премия «Международная отметина имени отца русского футуризма Давида Бурлюка» – за выдающиеся достижения в области авангардного творчества др.).

Кроме национальных премий для петербургских поэтов существуют местные премии. Одна из ста-

рейших премий (учреждена в 1978 году самиздатским журналом «Часы», стала первой в России негосударственной премией), названа в честь поэта Андрея Белого. Премия делает ставку на эстетическое новаторство и эксперимент, стимулируя ту линию нашей словесности, в которой Андрею Белому, как символисту, принадлежит особое место, при этом фокусируя внимание на авторах, ориентированных на радикальные инновации в тематике и художественной форме. Материальное содержание премии – один (!) рубль, бутылка водки («беленькая») и яблоко на закуску – не раз становилось объектом насмешек и издевательств как со стороны злорадствующих поэтов, так и со стороны язвительной общественности.

Поэтам в Петербурге также вручается ряд авторитетных премий, известных за пределами города на Неве – премия журнала «Звезда», премия им. Ахматовой – за традиционную поэзию, премия им. Заболоцкого – за лучшие стихи авангардного направления, премия им. Маршака – за лучшие стихи для детей. Иногда проводятся однократные премии, например, «От музыки», которой четыре года назад удостоился Мякишев.

Лито «Пиитер» – одно из внушительных и профессиональных поэтических объединений города, несмотря на немногочисленность членов (33 постоянных и свыше 70 неактивных и ассоциированных участников). ЛИТО родилось десять лет назад. Тогда несколько близким по духу петербургским поэтам, уставшим от общения и чтения стихов в Интернете, пришла в голову амбициозная идея: объединиться и устраивать встречи не в набившем оскомину виртуальном пространстве, а в пространстве реальном, тем более, что все поэты жили в одном городе. Так и появился на свет «Пиитер» – именно так, со двоянной буквой «и» – имя которого органично сочетает разговорное название города и пиитические (устаревшая форма слова «поэтический») дерзания участников. Стать участником ЛИТО может далеко не любой желающий – в объединении существует достаточно авторитетная редколлегия, на суд которой выносятся творчество новичков и рассматривается вопрос об их желании вступить в ЛИТО. Для ознакомления редколлегии со своим творчеством автор, претендующий на участие в работе ЛИТО, должен прислать десять своих работ и информацию о себе. В ЛИТО состоят такие заслуженные петербургские поэты как Наиля Ямакова, Виктор Ганч, Дмитрий Легеза, Сергей Ляшко, Ольга Хохлова и многие другие. «Пиитер» заседает в Доме Писателя на Звенигородской, а поэтические вечера проходят в театре «Куклы», в Центре Современной литературы на Васильевском острове, в библиотеке им. Маяковского.

Говоря о современной петербургской поэзии нельзя не упомянуть «Центр современной литературы и книги» на Васильевском острове, ставший крупным центром литературной жизни города. Центр открыт в 1997 году по инициативе прозаика Дмитрия Каралиса. В 2007 году директором Центра стал известный петербургский писатель Александр Житинский.

В ЦСЛИК регулярно проводятся творческие вечера известных петербургских писателей и поэтов, книжные презентации, литературные фестивали, конференции и семинары по литературе, встречи с зарубежными писателями и публицистами.

ЦСЛИК собрал под своей крышей старейшие ЛИТО города, из поэтических – это «литературный университет» Александра Кушнера, семинар «Молодой Петербург» Алексея Ахматова, мастерская поэзии Юрия Шестакова, студия молодых поэтов Галины Гампер, поэтический семинар Вячеслава Лейкина.

Арт-клуб «Болт» – еще одно характерное петербургское поэтическое явление. Клуб родился в начале 2006 года, когда парочка филфаковцев не добилась разрешения у факультета выпросить аудиторию для проведения вечеров. Слишком странными и неформальными уже тогда казались встречи молодых поэтов. Поэту Артему Кулагину, работавшему тогда в баре «Сити» на Фурштатской, удалось договориться с администрацией о проведении поэтических встреч. Ребятам хотелось создать атмосферу арт-подвала времен серебряного века. Там на долгие годы и обосновался «Болт». Впрочем, получилось то, что получилось: сегодня «Болт» больше напоминает неформальный андеграундный околопоэтический междусобойчик, чем ЛИТО.

СМИ на «Болт» повесили ярлык «скандально известный», вероятно, потому, что одним из его руководителей является эпатажный художник, композитор, музыкант, лидер общественного движения против попсы «Поп-революция!» и культовая фигура петербургского андеграунда Артем Суслев. Имя Артема Суслева в рядах «Болта» говорит многое о самом клубе.

Артем обожает внимание прессы, громкие эпатажные акции – его конёк. То хоронит себя заживо в городском парке под вопли ошарашенных прохожих, символизируя смерть современного искусства под натиском попсы. То рисует циничный портрет лидера православной церкви в стиле поп-арт. То пишет в годовщину независимости Абхазии и Южной Осетии на Невском проспекте картину «Михаил Саакашвили – Путь война», предлагая грузинскому политику уйти из политики как полагается настоящему самураю. То строит ковчег, на котором плывет по Неве, спасаясь от «попсового потоп». То рисует на Площади Искусств собственной кровью под прицелом телекамер. Кстати, его картину, нарисованную с профессионализмом детсадовца, через три дня купили за 9500 долларов.

Я с предвосхищением расспросил Артема о состоянии современной поэзии и ждал яркого ответа. Однако его не последовало. Артем, к моему удивлению, оказался не многословен: «Сейчас актуально покопаться в голове и в душе – и написать честно и не коряво. Вот такие стихи цепляют и может будут чем-то вроде нового течения поэзии».

Я побывал на поэтическом вечере «Болта» в «Бродячей Собаке». В атмосфере уютного междусобойчика, где все друг друга знают, в густом табачном дыме поэты не без самолюбования и самовознесения читали стихи – свободно, без комплексов, с ноткой нигилизма, с эпатажем и матом, разумеется.

Слушая их творчество, я представлял себя за чтением книг из раздела альтернативная литература, выходящих в оранжевой обложке, в которых, на первый взгляд, нет ничего, кроме подросткового гормонального бунта, сомнительного эпатажа, перегара, оргий, мата и голых сисек, однако, отложив которые, через некоторое время понимаешь, что перед тобой сочно вырисована целая эпоха. Только при этом не знаешь, надо радоваться или плакать.

Некоторые поэты, чувствуя тесноту в рамках какого-либо поэтического объединения, организуют свои встречи. Так, например, поступил поэт Андрей Алейников. Выступая на многих поэтических сценических площадках, он обзавелся друзьями-поэтами. Теперь Андрей не только поэт, но и организатор – те поэты, которые на него произвели впечатление, теперь желанные гости его собственных мероприятий.

Я побывал на музыкально-поэтический концерт, проходившем в Московском районе в молодежном клубе «Пулковец» (бывший советский Дом Культуры). Пестрые поэты (выступали и анархичные девушки-подростки с гитарами, и женщины балзаковского возраста с православной поэзией), разношерстная публика и винтажная атмосфера зала сделали вечер аппетитной духовной пищей для всеядных. Впрочем, атмосфера была очень душевная, даже неожиданно романтичная.

Андрей – технарь. Он учится на факультете технической кибернетики в Политехе. Однако лирик и физик в нем уживаются органично. «Я и сам не знаю, как так получилось, – рассказал мне Андрей. – У меня в школе были в аттестате единственные четверки по русскому языку и литературе. Я не любил поэзию. А как закончил школу – почувствовал тягу к родному языку».

На мой дотошный вопрос о месте поэзии в современной жизни Андрей, призадумавшись, ответил, что, поэзией сейчас сложно кого-то заинтересовать. Он пожаловался на то, что современные поэты мало думают о слушателе, не думают, как эффектно преподнести стихотворение, ярко прожить его на сцене. «Поэзия жива, а вот условий для ее комфортного существования не стало, понимаете?», – риторически вопрошает Андрей.

Известный арт-клуб в центре Петербурга. Все столики заняты, весь алкоголь в баре раскуплен, на танцевальной площадке суетится молодежь. Название мероприятия впечатляет: «Марина Кацуба. Гавно-лирика». Именно так, с нарочито-нелепой ошибкой в первом слоге. Марина часто меняет псевдонимы, публикуясь в глянцевого журналах, пишет уродские (она сама так говорит) рекламные слоганы и статейки. Гавно-статьки, гавно-копирайтинг и, как апофеоз творчества, гавно-лирика. Со свойственной самоиронией Марина называет себя гавнобарби, которую «хотят все парни».

Под сумбурное сопровождение музыкальных инструментов Марина вдохновенно читала стихотворения. «Я еще выпью четыре бокала «Советского» и пойду блевать в собственную сумку. Смотрите, ка-

кая я вся светлая, светская сука!» – кричала она со сцены, подтанцовывая в такт музыке. Впрочем, многие ее творения стихотворениями назвать сложно – это скорее емкие рифмовки – короткие и длинные: «Болит почка. Мозг трахает мама. А в почте – ничего кроме спама».

Любовь, ненависть, страх, гламур, тусовки, эпатаж, поп-культура, секс, алкоголь, наркотики – к ее аляповатым рифмовкам, как к снежному кому, липнет всё, чем живет студентка университета растительных полимеров.

Вдохновения Марине не занимать, к испепеляющей критике она относится сквозь пальцы, продолжая делать свое дело – писать. Почти у всех ее стихотворений нет заголовков, она их нумерует: пишу-1, пишу-2, пишу-3 и т.д. Таких «пишу» у нее уже больше ста. Одиночество, чувственная ранимость, трогательная растерянность, несовершенство окружающего мира – вот о чем ее стихи. Да, они местами примитивны, грубоваты, шероховаты, наивны, но все-таки аутентичны. Ни на кого Марина не похожа, ну кто же кроме нее еще так напишет: «Мы на краю астрала. Это похуже зада. Скоро Олимпиада. Что же... Сожру Фестала».

Когда я писал этот материал, я жутко опасался, боялся, что не найду, чем его закончить. Но Марина мне помогла. Когда она сказала слово «сублимация», я всё сразу понял. Как же я не мог додуматься до этого раньше?

Я понял: современная поэзия – это не поэзия, это сублимация. А также душевная терапия, самолечение, самотерапия, спасение, наконец. Но отчего спасаются сегодня поэты?

Наш мир пережил крах всех ценностных иерархий: все политические системы дискредитировали сами себя, экономический кризис опорочил перехваленную рыночную экономику, культурные достижения поставлены под лупу релятивизма, религия потеряла непререкаемый авторитет, а многовековые моральные догматы продемонстрировали свою несостоятельность. В такой нелегкой ситуации духовного вакуума, если не сказать кризиса, поэзия играет роль лекарства. Сегодня – поэзия это не род литературы, а лекарство. Но способна ли сегодня поэзия кого-нибудь вылечить и спасти, кроме самих поэтов? Или поэзия – это безотказный способ душевной терапии только для пишущего? И, самое главное, захотят ли сами люди, чтобы их спасали?

Говорить о будущем поэзии бессмысленно, ибо любой прогноз будет неточен и, как показывает практика, чудовищно близорук и пристрастен. Интересно настоящее поэзии – со всеми парадоксами, мерзостями и открытиями. «Главное – всё записывать на камеру, что происходит в городе на поэтических вечерах, – сказал мне Владимир Антипенко, – а наши потомки уже потом разберутся, хорошие это стихи или нет».

Как ни банально, но если звезды зажигаются, значит это по-прежнему кому-то нужно. Даже если их свет зыбкий и неубедительный.

Если это может кого-то утешить – пусть утешит.

ПОТРОТ УарУ

Дыры в потолке выдаются за отверстия в ушах

престарелые неврастеники
прыгают через костёр и умирают в палатках
под похоронные звуки гитары
под похоронный свет луны
тонут одежда на берегу
затоптана пьяными танцами.

Рубите Друг Друга на дрова!
Любите Друг Друга в муравейниках!
Пугайте Друг Друга до беспамьятства!
Смешите Друг Друга для прозрения!

престарелые маразматика
улыбаются беззубо своим большим
волосатым животам
кулаками по голове
лечатся чтобы вернуться
на фотографию.

Дата

Мне приснился маленький мир,
Он не знал, что он идеален,
Он не знал, что я уже в нём,
Но он верил, что всем стало лучше.
Я заметил там странных людей.
Они молча вставляли под пули,
А их дети помнят с чего
Начались эти страшные пытки.
И я видел, как нежные руки
Заплетают предсмертные косы,
Они думают, что напрасно,
Но не знают, что всё ещё живы.

Я проснулся от собственных криков,
Пуповину обрезал зубами.
И решил завершить это дело
Одним быстрым и глупым движеньем.

Вдвоём на водоём

Верь мне, люстра, –
Я светлее. Значит мне светить
народу.

Верь мне, насморк, –
Я больнее. Значит мной болеть
народу.

Верь мне, лошадь, –
Я быстрее. Значит мне бежать к
народу.

Верь мне, ужин, –
Я сытнее. Значит я скормлюсь
народу.

Просто кто-то очень умный написал мне
на роду:
свети более беги скормись

кол-О-кол

Перед зеркалом нужно креститься...
Две сотни предсмертных записок...
Из чёрной дыры в чёрный список...
Хочется пить, но не спиться...
Хочется спать, но не спится...
Мне дали ещё один повод...
Из мёртвой петли в мёртвый город...
Перед вечным пора...
Перед вечным успеть...
Перед вечным тебя...

МИХАИЛ
БОЙКО

ГЛЕБ

КОЛОМЫЕЦ

Сокращенная версия интервью
опубликована в «НГ Экс-либрис»
от 16.09.10

«Боль - мощный энергостимулятор»

Глеб, что такое «экстремальная антропология»?

Это долгосрочный, практически неподъемный философский проект, который я разрабатываю совместно с Инной Кирилловой, редактором журнала «Слова». Мы пытаемся исследовать формы существования, приближающиеся к пределу человеческого и переходящие его (проникающие на территории «звериного», «демонического», «машинного»). Перечислю некоторые из этих многообразных форм: бытовое насилие, территориальные войны в семье, между соседями, городскими районами; алкоголизм, наркомания, проституция, садизм, мазохизм, нищета и др.

Я думаю, что крах философской антропологии связан с поисками универсальной модели человека и универсального метода исследования. Поэтому мы отказываемся от такого подхода и пытаемся найти для каждой формы жизни свой метод анализа, определить механизмы и исходы формирования и преобразования человеческого. Уже нельзя говорить о человеке, не учитывая ту группу, к которой он принадлежит. Представители огромного количества субкультур, из которых и составляется тело общественной жизни, стремятся к особенной маркировке тела, пытаются изменить его строение соответственно уникальной «культуре» и набору ценностей, а главное – стилю жизни. Это означает, что экзистенциальная реальность каждой группы не имеет аналогов. Бомж и депутат отличаются не только внешне, не только по уровню доступа к материальным благам – они существуют в разных реальностях, говорят на разных языках, по разному движутся, занимаются сексом, справляют естественные нужды. Уже не существует того «первичного» человека, из которого развивались такие формы бытия, как «домохозяйка», «менеджер», «профессор» и др. В наше время гопник ощущает свое принципиальное телесное, моральное и интеллектуальное отличие от менеджера ещё до того, как научится говорить. Именно поэтому мы не стремимся к созданию антропологических универсалий, наша задача состоит в том, чтобы связать филосо-

фию с той локальной реальностью, где возникает проблема, вызывающая к философу. В этом и состоит основной методологический пафос экстремальной антропологии.

В данный момент работа над проектом временно приостановлена.

Зачем вообще исследовать «экстремумы» человеческого бытия?

Потому что это наше жизненное окружение. Положа руку на сердце могу сказать, что, выходя на улицу в своем спальном районе, не вижу никакой антропологии, кроме экстремальной. Один смоленский авангардист так выразился по этому поводу: «Ты вышел на улицу, зашел за угол, тебя не убили, скажи спасибо». У нас нет другого материала для исследования, да, пожалуй, другого и не надо. Мы пытаемся определить техники противостояния или уклонения от нечеловеческих форм жизни.

Общество пронизано войной за территорию, объективную и субъективную (для воюющих это различие не имеет никакого значения). Нечеловеческие формы жизни пытаются утвердить собственные типы общежития на доступных и недоступных, реальных и воображаемых территориях: люди-машины множат корпорации, социальные сети, ночные клубы; люди-звери сбиваются в семьи, стаи, банды, системы организованной преступности; люди-демоны учреждают церкви, политические партии, психиатрические стационары, экпертные сообщества – множат иерархии. А т.к. в процессе жизни человек вынужденно занимает какую-то площадь (от койко-места в общежитии до огромного особняка или поместья и т.д.), эта территория вовлекается в войну между различными формами существования, которые стремятся либо физически устранить «хозяина» определенной территории (или «сквоттера», нелегально поселившегося на ней), либо изменить его антропологическую конфигурацию так, чтобы он слился арестантскими полосками с атакующей идеологией.

Лично мы, авторы проекта экстремальной антрополо-

гии, находимся под непрекращающимся агрессивным воздействием враждебных форм жизни. Не то, чтобы мы являем собой образцы человеческого – на каких-то фронтах позиции уже сданы и перейдена определяющая грань – однако, мы все еще можем ощущать в себе то хрупкое, слабое и «слишком человеческое», что позволяет мыслить, страдать, заниматься творчеством и философией. Именно поэтому мы исследуем экстремальные формы жизни. Нам важно определить, «на что мы смеем надеяться» (И. Кант), отстаивая право курить на лестничной клетке или поровну делить коридор с соседями, читая «устаревшие и никому не интересные» книги, развивая собственный взгляд на литературу и философию, печатая в журнале «Слова» «неуровневых» авторов.

Иногда мне кажется, что некоторые из экстремальных форм жизни могут быть полезными, т.к. удержание на пределе человеческого сопряжено с энергетическим взрывом. Правда, Кириллова в данном случае со мной не согласна. Она считает, что разоблачение всего экстремального возвращает территории человеческого человеку.

Нравится ли вам изобретенный мной термин «алгософия»?

Появление такого термина связано с важным, на мой взгляд, сдвигом – от «-логии» к «-софии». Чтение литературного текста уже не связано с логосом в любом из смыслов этого слова. Литература в настоящее время утратила мета-характеристики мастерства и эстетичности. Этим занимаются дизайнеры текстов - копирайтеры. Заплатив в среднем от 1 до 6\$ за 1000 знаков с пробелами, заказчик получит грамотные, интересные, читабельные тексты, которые заставят читателя смеяться или плакать, покупать или продавать, голосовать, занимать активную гражданскую позицию, предпочесть один сорт пива другому, вступить в гомосексуальную связь или заказать проститутку на дом. Что могут противопоставить этим истинным инженерам человеческих душ представители «высокого» искусства, объединяющиеся вокруг премий, толстых журналов, фашизидных театров и филологических клоак? Боюсь, что в плане качества текста, его мотивирующей силы, способности доставлять читателю чувственное удовольствие, копирайтеры одной левой удаляют не только «профессиональных литераторов», но и акул пера, гламурных журналистов. Власти вскоре будет гораздо выгодней нанять копирайтера экстра-класса и получить от его текстов реальную отдачу, чем кормить отжившее формы творческой активности, которые не способны пробудить патриотические, религиозные, гражданские чувства и столь необходимую власти лояльность.

Поэтому в наше время стиль, эстетическое оформление, богатство приемов и т. д. – вещи «перпендикулярные» по отношению к литературе. Это своеобразный шлак (эстетический мусор), который может появляться (а может и не появляться) в процессе творчества. Следовательно, литературу сегодняшнего дня характеризуют энергоёмкость, уровень и объем идей. В литературном произведении должны существовать неустойчивые, постоянно изменяющиеся и ускользающие философские системы, построенные путем нечеткого сочленения самых разнообразных элементов и призванные вынести дух/тело читателя на «плато интенсивности». Боль является одним из самых мощных энергостимуляторов. Боль – это взрыв подлинной реальности. По-

сле крушения больших идей, связанных со сверхценным (психотическим) мышлением в любых его проявлениях, боль (также в форме любви-травмы-ненависти) остается одним из немногих энергоносителей, способных напитать литературное произведение. Сильное субъективное страдание, пережитое автором (и читателем), замыкает цепь, в которую входят реальность, боль, смысл и энергия. Так что, алгософия представляется мне крайне перспективным методом. Только непонятно, что делать алгософу в современной ситуации, когда тексты в подавляющем большинстве атравматичны, косметичны, безопасны.

Влияют ли друг на друга ваши занятия медициной, поэзией и философией?

Мои занятия медициной закончились сразу же после получения диплома. Однако, опыт долговременного выживания в абсолютно враждебной среде стал для меня травматически незаменимым. К тому же, удалось увидеть некоторые вещи, как правило, остающиеся «за фасадом» социальной действительности – психиатрические стационары, вырезыватели, морги, наркологические отделения, детские дома, хосписы, дома престарелых и др. Общение с людьми, так или иначе связанными с этими институциями, (и даже наблюдение за ними) значительно расширяет представления молодого человека о жизни, дает простое понимание того, что человек не создан для реальности, а реальность - для человека. Этот опыт отчасти отражен в моих поэтических и философско-публицистических произведениях.

Однако, я категорически против поэтизации философии. Философствующая интеллигенция дискредитировала философию, лишив её важнейшей функции – быть искусством выживания. Люди стремительно «инвалидизируются» не от психологических травм и увечий (это уже следствие), а от невозможности выйти на уровень и решить насущнейшие философские проблемы: «зачем я живу?» (на философском языке: «в чём смысл жизни?»); «почему мне всё время плохо?» («является ли страдание единственной экзистенциальной реальностью?»); «жить по закону или по совести?» (здесь «бытовая» формулировка совпадает с философской); «почему я люблю, а меня не любят?» («в чем экзистенциальный смысл любви?»); «почему зло ненаказуемо?» («существует ли трансцендентный Бог?») и т.д. Ответ на эти вопросы может стать как методом выживания, так и причиной смерти (морально-духовной и/или физической). Именно поэтому язык философии должен упрощаться, насколько это возможно. Когда речь идет о жизни и смерти, надо все объяснять на пальцах.

Статистическое большинство россиян погружено в бессмыслицу, хаос и жестокость низкой жизни, которая и составляет социальную реальность. А философия в это время пребывает «по ту сторону» насущных проблем и смертоносных угроз повседневности. Приведу один пример. Практически все русские семьи построены на открытом или скрытом насилии. Пройдя через «институт» детства в России, почти каждый человек становится либо инвалидом, либо сексуальным девиантом, либо бытовым садистом, либо преступником. Каково мнение философии на сей счет? Его нет. Философы занимаются «абстракциями второй степени», которые существуют в другой реальности – реальности кабинетов, «научных» сборищ, кокетливых заигрываний с церковью, властью,

международным левым движением и любых других социально безопасных и престижных территорий. Именно поэтому в моем случае движение от философии к поэзии возможно, а от поэзии к философии – строго противопоказано. Есть большое количество людей, имеющих подушку социальной безопасности, которые стараются игнорировать низовую жизнь. Факты жизни большинства русских людей до сих пор воспринимаются как литературная «чернуха», эпатаж, преувеличение. Я же хочу заниматься насущными проблемами, повышать уровень своей выживаемости и выражать свои мысли предельно простым языком.

Можно ли сегодня быть последовательным нонконформистом?

Нонконформизм – это долгий путь и я только начал по нему идти, поэтому не могу ответить однозначно. В интеллектуальной сфере и в сфере межличностных отношений, по всей видимости, довольно легко быть нонконформистом, особенно если Власть или Капитал не делают тебе никаких предложений. В отдалении от денежных потоков и столиц человек предоставлен сам себе и может без больших трудностей отказываться от общепринятых норм. Однако, на социально-экономическом уровне возникают серьезные затруднения. В современном обществе необходимо занимать хотя какую-нибудь ступень на социальной лестнице. Если человек оказывается от этого, он все равно остается отчасти социализированным, попадая либо на иждивение (пользуясь продуктами Капитала через посредников), либо в криминальный институт бомжей и нищих (также подключенный к Капиталу через систему организованной преступности). Поэтому вопрос последовательного нонконформизма – это, прежде всего, политэкономический вопрос. Если существуют некапиталистические формы получения прибавочной стоимости, то ими можно воспользоваться и полностью отказаться от некоторых форм вовлеченности в общество. Сейчас я таковых не наблюдаю, хотя, возможно, с развитием Интернета они появятся.

Как отличить подлинного нонконформиста от «имиджевого»?

Здесь следует обратиться к известному утверждению Канта: злодей, ведущий себя как праведник, является праведником. Отличить нонконформиста можно по его конкретным действиям. Вопреки общепринятому мнению, нонконформизм – тихое, келейное занятие, т.к. здесь нет других вопросов, кроме вопроса *личного, индивидуального* спасения. Нонконформист ничему никого не учит, ничего никому не хочет доказать, его воззрения кажутся банальными, устаревшими, выглядит он «неуровнево». С общепринятой точки зрения он занудный маразматик, его растворяют взглядом, он никому не интересен (это главная категория нонконформизма). Нонконформист просто спасается от семьи, Власти, Капитала, медийного пространства, религии, науки, политики – вообще от социума. Поэтому, если бы имиджевый нонконформист вел себя как подлинный, это никак бы не сказывалось на его имидже. Значит, если у кого-либо есть нонконформистский имидж, то он не ведет себя как нонконформист, и, следовательно, таковым не является.

В чем сверхцель литературно-философского журнала «Слова»?

У истоков журнала «Слова» стояла Инна Кириллова. Я присоединился к ней несколько недель спустя создания литературной студии, которая поначалу служила основой для журнала. Была разработана стратегия: создать вокруг столичной литературы кольцо независимых площадок, по которому могли бы свободно перемещаться люди и тексты, не попадающие в поле коммерческого, филологического и официального искусства (по преимуществу авангардисты и их тексты). Однако, первоначальный проект потерпел крах. Либо мы не смогли обнаружить достаточное количество альтернативных литераторов в провинции, либо их просто не существует. Вопрос остается открытым.

В настоящее время цель журнала состоит в том, чтобы создать пространство для некоммерческого, нефилологического и неофициального искусства в России. После того, как мы начали печатать переводные тексты и публиковать работы европейских и американских художников, интересных, на наш взгляд, эта цель оформилась конкретнее, и появились новые проекты, развивающиеся параллельно с журналом. Первый из них – самиздат-издательство «Muscilium». Это неиерархическая группа, объединенная только логотипом издательства. Каждый участник проекта может издать любую книгу и поделиться макетом с другими представителями «Мицелия», которые при желании могут эту книгу переиздать и распространить в своем непосредственном окружении. Уже функционируют издательства в России, США, Австралии и Мексике (возможно, есть и другие «отростки» мицелия, о которых я не знаю в силу принципиально анархического характера проекта).

Вторая инициатива – серия некоммерческих выставок, посвященных «неуровневым» художникам и направлениям современного искусства. Мы начали с выставки асемического письма, состоявшейся в Смоленске в апреле 2010 года (курировали её я и Инна Кириллова). Осенью пройдет «быстрая» выставка работ американского художника Дэвида Широ, принципиального аутсайдера и маргинала.

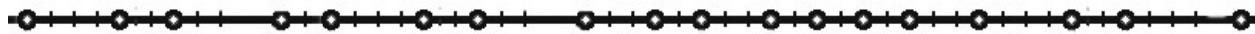
Также в планах создание «анархического» театра «с улицы», но об этом лучше поговорить с И. Кирилловой.

Подводя итоги, могу сказать, что «сверхцель» журнала «Слова» сводится к созданию в России среды, активно отторгающей любые формы коммерческого, филологического и официального искусства. Кириллова смотрит на это пессимистично («бабушка надвое сказала») – говорит она с обломовского дивана), а я предпочитаю делать что-то, не загадывая на будущее. Перед нами открылись и бездны, и дали, и ироническая перспектива ситуации: наше безнадежное предприятие можно сравнить с построением гражданского общества в России вдвоем.

Расскажите о культурной ситуации в городе Смоленске?

Смоленск – это типичный провинциальный город, жители которого привержены традиции и почве в лице Твардовского, Исаковского и Гагарина.

Единственная странность – то, что здесь живут и работают авангардисты Олег Разумовский и Эдуард Кулёмин. Впрочем, их творчество вовлечено, скорее, во всероссийский и международный, чем в областной контекст. Кулёмин, правда, иногда пытается участвовать в мероприятиях на местном уровне, но в статусе «культурного явления» ему отказывают.

Ирина Кириллова

Отрывок из пьесы

В качестве иллюстраций использованы материалы фотосессий «Театра жестокости Азсакры Заратустры»

На сцене темно. Хрипло бьют часы. На полу появляется световая точка и медленно расползается в ярко-алое пятно. Возникает фигура Топ-мастера, в маске и плаще, голова покрыта капюшоном, в руках - длинный хлыст; вокруг топ-мастера, на равном расстоянии друг от друга, застыли 11 женщин, 12-й - мужчина. Все в масках и плащах, головы не покрыты, у женщин длинные волосы, мужчина коротко острижен, на лице полумаска, губы ярко подведены. Откуда-то сверху звучит орган, в партию которого вплетается высокий мужской голос (тенор-альтино). Звучит канон. Постепенно голос тенора отделяется от инструментальной партии, становится доминирующим, орган поддерживает его только аккордами. Начинается диалог альта и Топ-мастера.

Акт I Слово

Тенор-альтино: Трудно плыть против течения, особенно против течения своей крови.

Топ-мастер: Какое бы тайное желание ты ни испытывал, всегда найдётся хотя бы один человек, который испытывает то же.

Тенор-альтино: Трудно плыть против течения, особенно против течения своей крови.

Топ-мастер: Облеките в слова свои желания, то о чём даже боялись думать, опасаясь, что кто-то подслушивает ваши мысли. Скажите, их прямо сейчас и возможно ваши желания станут для вас не так уж постыдны и невозможны.

Тенор-альтино: Трудно плыть против течения, особенно против течения своей крови.

Топ-мастер: Понять свои желания - первый шаг к тому, чтобы принять себя таким, каков ты есть.

Тенор-альтино: Трудно плыть против течения, особенно против течения своей крови.

Топ-мастер: Мы собрались сегодня на этот манч, где исполняются все желания. Узнайте же, как играют в такие игры.

Тенор-альтино: Трудно плыть против течения, особенно против течения своей крови.

Топ-мастер: Проникнитесь убеждениями, что, только высвобождая и изоцряя свои желания, жертвуя всем во имя наслаждения, несчастное существо, брошенное в этот реальный мир, вопреки своей воле, сумеет посеять несколько роз, на тернистой тропе жизни.

Тенор-альтино: Трудно плыть против течения, особенно против течения своей крови.

Топ-мастеру подают листки бумаги, он читает. С этого момента начинается диалог Топ-мастера и участников действия.

Топ-мастер: Господин из Москвы ищет нижнюю для сенсовых встреч.

Тенор-альтино: Не осталось сил, ни ощущений боли.

Топ-мастер: Покорный раб склонный к подчинению и унижению будет вашим щенком.

Тенор-альтино: Тоской изъедена душа, как личинками моли.

Топ-мастер: Мечтаю найти господ с необузданной фантазией, которые будут делать со мной всё, что захотят.

Тенор-альтино: Всё катится в пропасть, причём уже не в первый раз.

Топ-мастер: Опытная тематическая пара Хозяин и рабыня встретятся с девушкой, для проведения совместного экшена.

Тенор-альтино: Мне безразличен смысл дружеских фраз.

Топ-мастер: Пара опытных Господ москвичей проведут воспитательную встречу с девушкой или парой, где мужчина верхний.

Тенор-альтино: Всё кому-то подарено, потеряно, продано.

Топ-мастер: Познакомлюсь с рабыней из Москвы. Меня интересуют продолжительные отношения.

Тенор-альтино: И сердце кровью облитое, к ужи-ну подано.

Топ-мастер: Мне нравится процесс воспитания и обучения. Не буду говорить сейчас о L/S и D/S, потому что это рано, но я не исключаю такой возмож-

ности. Привык отвечать за своих нижних.

Тенор-альтино: И сердце кровью облитое, к ужину подано.

Топ-мастер: Немного о себе: меня можно назвать экспрессионистом. Я москвич, мои интересы – фотография, классический балет, архитектура.

Тенор-альтино: Осталась только грязь на дне карманов одежды.

Топ-мастер: В Теме я люблю многое, но без экстрима и грязи. Предпочитаю разумный подход, уважаю ограничения и интересы своих нижних.

Тенор-альтино: И какое-то чувство, что-то вроде надежды.

Топ-мастер: Я доминант, и причинять боль, как физическую, так и моральную, для меня чистейшее удовольствие.

Тенор-альтино: И какое-то чувство, что-то вроде надежды.

Топ-мастер: Прекрасно порю двумя руками, но никогда не связываю. Противник штампов и сценариев.

Тенор-альтино: Не осталось сил, ни ощущения боли.

Топ-мастер: Опыт раба я получил в 8 лет. Служить и подчиняться для меня счастье!

Тенор-альтино: Тоской изъедена душа, как личинками моли.

Топ-мастер: Я больше раб, моральный раб, слуга – домашняя девочка, но принимаю хлопки по заду.

Тенор-альтино: Всё катится в пропасть уже не в первый раз.

Топ-мастер: Ищу Хозяина, для которого я буду любимой вещью. В идеале хотелось бы стать секс – женой. Но если это невозможно, приму другие условия.

Тенор-альтино: Мне не ясен смысл дружеских фраз.

Топ-мастер: Люблю пить белую жидкость Хозяина, пить из члена, лить на лицо, есть *sorpo*.

Тенор-альтино: Всё кому-то подарено, потеряно, продано.

Топ-мастер: Хочу быть секс-собакой, сидеть на кожаном обруче для собак, есть из миски.

Тенор-альтино: И какое то чувство, что-то вроде надежды.

Топ-мастер: Приучен к золотому дождю и частично к сорго, люблю *dildo* и *clismas*.

Тенор-альтино: И какое то чувство, что-то вроде надежды.

Топ-мастер: Ищу женщину для длительных отношений. Мои интересы – strapon, фемдом, перемена ролей, бандаж, «Игры на острие», люблю также просьбы о разрушении стен.

Тенор-альтино: Трудно плыть против течения, особенно против течения своей крови.

Топ-мастер: Я москвич, ищу девушку, которая внутренне чувствует себя шлюхой и хочет быть такой для мужчины, которого полюбит.

Голос 1: Девушка, которая писает для вас за 10 центов.

Топ-мастер: Отмечу, что шлюхой ты станешь, если мы найдём друг друга.

Голос 2: Девушка, которая писает для вас за 2 цента.

Топ-мастер: Если я сделаю из тебя шлюху, то за это буду отвечать и перед тобой и перед собой.

Тенор-альтино: Трудно течь против течения, особенно против течения своей крови.

Голос 3: Мне 15 лет, мой молодой человек обращается со мной очень бережно, даже в такие минуты. Мне нравится ощущать собственную беспомощность, приятно быть отшлёпанной, силой поставленной на колени, нет, я не люблю жестокость и боль.

Тенор-альтино: Трудно плыть против течения, особенно против течения своей крови.

Голос 4: Я люблю очень грубый секс, но никогда не переступала грань (пока!), если дело доходит до крови, то это уже слишком. Расскажите, как играют в такие игры, и до какой степени жесткости?

Голос 5: Без крови?! Тогда наверно твоя любовь к грубому сексу безответна!

Голос 1: Ничего, это часто бывает.

Голос 5: Даже слишком, неужели парню так сложно оттаскать за волосы? Нет... не может. Уйду в монастырь.

Голос 2: Зачем же сразу в монастырь?

Голос 4: Я люблю, когда остаются следы, но не кровь и раны, а аккуратные ровные полосочки.... Потом ходишь неделю, гордишься сама собой. На новый год на мне нарисовали ёлочку. Мне понравилось, я всем показала.

Голос 6: Ты разрешишь нам посмотреть? Умеренные следы очень эстетичны, не правда ли?

Голос 4: Да конечно, девушки, которые любят «следы» склонны к мазохизму и подчинению, они субмиссированны. В вашем случае это так?

Голос 4: Расскажите подробнее, кто играл в такие игры и до какой степени жесткости?

Голос 2: Без крови?

Голос 3: А как... в изнасилование с вампиризмом играли? Советую, клёвая игра. Вместо зубов, маникюрные ножницы, проковырял дырочку и вперёд. (Смеётся).

Голос 7: Пардон муа а вот кровь, странная штука.... Она во мне будет самые жуткие фантазии. Хочется расцарапать, искутать, разорвать. Но, как только я порываюсь это сделать, меня связывают, не позволяют двигаться.

Голос 1: Никуда не денешься, придётся изучать собачий кодекс...физиология... (Смеётся)

Голос 7: Пардон муа, а какую ещё он может иметь форму, кроме физиологии!? Нет, ты не саба,

а мазо с большим перевесом в пси... Кайф пси-мазо состоит в унижении, что невозможно без осознания приоритета партнёра. А приоритеты - это уже из области D/S, S/M – предполагают равные отношения. Может партнёр подыгрывает тебе?

Голос 1: А всё же для меня граница такова – после подобных развлечений, не должно оставаться следов: синяков, ран, кровоподтёков.

Голос 5: А мне нравится, когда синяки, но попробуй это объяснить мужчинам, особенно, когда их двое и каждый должен вести себя естественное.

Голос 7: Как-то, во время бурной ночи, меня так «обняли», что чуть рёбра не сломали. Всё тело ныло, но мне понравилось.

Голос 6: А какой мне интерес флочить тело, которое не испытывает удовольствия от того, что с ним делают?

Голос 1: Спиннингисты... нахлыстовники. (Смеётся)

Голос 2: Скорее гламурно-грустный садо-мазо.

Голос 3: У тебя что, кайф от улетевшего в сабспейс наре?.

Голос 4: Проще взять ваниль, затащить в баню, всё оплачено, никто никуда не летит, ей ПЛОХО...

Голос 5: А Гелена твоя наркотрофическая эндорфиновая байдда - это всё равно, что валик диванный.

Голос 6: Стоп-топ... Удовольствие может быть и от больно – плохо. Может сабспейс именно от этого и наступает, эндорфины в любом случае вырабатываются, что от физического воздействия, что от психического и от простого секса, но в наименьших количествах, чем, к примеру, 1000 ударов кнута. Если взять технику Посса, то количество эндорфинов у женщин будет больше.

Голос 5: Скорей всего она сабмиссирована и кайф у неё от наказания.

Голос 6: Но я же...

Топ-мастер щелкает хлыстом, разговор прекращаются, девушки сбрасывают плащи, остаются в масках, исполняют ритуальный поцелуй, затем по одной отходят к креслам на авансцене. Входят мужчины и женщины. Все в масках, обнажены. Звучит музыка, что-то тягуче-восточное, звеняще-шестящее. Обнажённые тела соединяются в пары и группы, затем комбинации распадаются, образуя новые. Определяется 13 групп.

Акт II Действие

Описание тринадцати групп так, как увидел их автор.

Маски ящериц: Пара тел лежит на столе в позе «69», повернуты на бок. Нога девушки на шее мужчины, его нога на шее девушки. И его и её пальцы вставлены в анус партнера. Композиция завершена, закрыта, но не статична, а находится в движении.

Маски медведей: Мужчина лежит на диване, девушка - сверху, она имитирует активный секс, он ласкает её грудь, она наклоняется, целует его, затем по телу спускается вниз. Имитирует оральный секс.

Маски собак: Девушка лежит на краю стола, ноги широко расставлены. Мужчина держит её бедра. Имитация активного секса; девушка движется в такт

бёдер мужчины. Вторая держит её за руку, потом целует первую девушку и мужчину.

Маски зайцев: Композиция располагается на столе. Мужчина лежит внизу, сверху девушка, они образуют позу «69», имитируют оральный секс. Рядом с ними две девушки в **масках змей**, ласкают друг друга, мастурбируют, грациозно извиваясь.

Маски саламандр: На канаве сидят три девушки, крайние ласкают среднюю.

Маски паука: Небольшой низкий столик, поперек лежит девушка. Возле неё - два мужчины. Первый держит ей голову: имитация орального секса. Второй - имитирует половой акт сзади.

Маски мух: На четвереньках стоит одетый мужчина, на его спине лежит обнаженная девушка, ее бедра держит второй мужчина, имитация активного секса. Вся композиция раскачивается в такт движений его бедер.

Маски кошек: На кресле сидят две девушки, сплетая ногами, руками, телами в одно существо. Они похожи на священных египетских кошек. Одна опирается на левую сторону кресла, другая - на правую. Смотрят на 9-ю пару.

Маски лягушек: Одетый мужчина стоит на четвереньках, на нем животом вниз лежит другой муж-

чина. Девушка с вибратором имитирует секс сзади.

Маски обезьян: На диване сидит обнаженный мужчина, и полуобнаженная девушка. Ее бедра обвивают его талию; они имитируют секс, она откидывается назад. Ее волосы струятся по его ногам.

Маски зеленых мух: Двое мужчин имитируют активный секс, они меняются ролями.

Без масок: Он в осеннем пальто, перчатках, в серебристой лисьей шапке. Она в облегающем телесном трико. Садится к нему на колени, расстегивает пальто. Его руки опускаются на талию, потом медленно скользят к ягодицам. Она тесно прижимается, льнет к нему, обвиняет его, пытается с ним слиться, слышит удары его сердца, виском прижимается к виску, чувствует пульсацию. Сердце к сердцу, висок к виску. Жар, пульсация и энергия исходят от ее тела. Она - батарея огромной энергетической мощности. С бешеной скоростью циркулирует кровь в теле. Ее сердце начинает выхлестывать энергию любви, сначала мощными порциями, затем ровным сплошным потоком. Эта энергия заполняет, затопляет его. Он сидит неподвижно, откинувшись на спинку кресла, Аура невозможного счастья и любви поглощает их. Время останавливается. Хрипло бьют часы. Медленно меркнет свет. Все тонет во мраке.

Обзоры и рецензии

282

ОТ РЕЦЕНЗИИ ТО КРИТИКИ

опыт работы над «Воскресением» — это не просто работа над оперой, это работа над искусством. Музыка здесь — не просто фон, это язык, на котором герои говорят. Каждый инструмент, каждая нота — это шаг к раскрытию внутреннего мира персонажей. Особенно впечатляет работа над вокальными партиями. Пение здесь — это не просто исполнение текста, это акт творчества. Каждый певец вкладывает в свои партии душу, и это чувствуется. Музыка здесь — это не просто фон, это язык, на котором герои говорят. Каждый инструмент, каждая нота — это шаг к раскрытию внутреннего мира персонажей. Особенно впечатляет работа над вокальными партиями. Пение здесь — это не просто исполнение текста, это акт творчества. Каждый певец вкладывает в свои партии душу, и это чувствуется.

Музыка здесь — это не просто фон, это язык, на котором герои говорят. Каждый инструмент, каждая нота — это шаг к раскрытию внутреннего мира персонажей. Особенно впечатляет работа над вокальными партиями. Пение здесь — это не просто исполнение текста, это акт творчества. Каждый певец вкладывает в свои партии душу, и это чувствуется. Музыка здесь — это не просто фон, это язык, на котором герои говорят. Каждый инструмент, каждая нота — это шаг к раскрытию внутреннего мира персонажей. Особенно впечатляет работа над вокальными партиями. Пение здесь — это не просто исполнение текста, это акт творчества. Каждый певец вкладывает в свои партии душу, и это чувствуется.

Музыка здесь — это не просто фон, это язык, на котором герои говорят. Каждый инструмент, каждая нота — это шаг к раскрытию внутреннего мира персонажей. Особенно впечатляет работа над вокальными партиями. Пение здесь — это не просто исполнение текста, это акт творчества. Каждый певец вкладывает в свои партии душу, и это чувствуется. Музыка здесь — это не просто фон, это язык, на котором герои говорят. Каждый инструмент, каждая нота — это шаг к раскрытию внутреннего мира персонажей. Особенно впечатляет работа над вокальными партиями. Пение здесь — это не просто исполнение текста, это акт творчества. Каждый певец вкладывает в свои партии душу, и это чувствуется.

Музыка здесь — это не просто фон, это язык, на котором герои говорят. Каждый инструмент, каждая нота — это шаг к раскрытию внутреннего мира персонажей. Особенно впечатляет работа над вокальными партиями. Пение здесь — это не просто исполнение текста, это акт творчества. Каждый певец вкладывает в свои партии душу, и это чувствуется. Музыка здесь — это не просто фон, это язык, на котором герои говорят. Каждый инструмент, каждая нота — это шаг к раскрытию внутреннего мира персонажей. Особенно впечатляет работа над вокальными партиями. Пение здесь — это не просто исполнение текста, это акт творчества. Каждый певец вкладывает в свои партии душу, и это чувствуется.

ПРОТНВОРЕН!
ГЛАВНОЕ - СБИТЬ С ПАНТАЛЮКИ!

Эдуард Кулемин, стр. 265 (см. Apollo-concert).

*** [цитирование] Miller C. Op. cit., p. 28. А. д. 202, И 1971, И 202, p. 4

Евгений Телишев

ВОЙНА ПРОИГРАННАЯ ВЫИГРАННАЯ

1.

Предоставим психоаналитикам будущего копаться в бессознательном С.Литвак. Какие Urszenen, Penisneid и т.п. определили ее психотип и палитру многих ее произведений. Почему тема совращения то и дело возникает. Зачем расцвечена ее поэзия нецензурной лексикой. (Впрочем, только ленивый в наше смутное время не разнюхает свой стих «мандой», «хуем», «еблей»). Тут, признаться, пальма первенства не у Литвак). Рискнем поговорить о поэзии. Не имея на это, собственно, особого права и нужных для тщательного анализа знаний, непри творно заняв позицию рядового читателя. Иными словами, задумаемся, есть ли в работе Литвак ценность, не связанная просто с нарушением пресловутой мещанских табу? Ищет ли она, и находит ли признание своего статуса как Поэта, а не только лишь как экстравагантного завсегда поэтических тусовок, в очередной раз под утробный хохоток подвыпившей публики камлающего с эстрады: «ты губы целовал мне как пизду»? Посмотрим.

Полигоном нашего маленького исследования будет одно небольшое и относительно невинное стихотворение. Обстоятельства нашего выбора вполне случайны.

Как мне лежать меж вами хорошо
Нагие волосатые мужчины
Вы влюблены, вы колетесь щетиной
Вы отдаетесь телом и душой

Я обопрусь на чье-нибудь плечо
Меня томят воспоминанья ночи
Мне хорошо, вы нравитесь мне очень
Мы непременно встретимся еще

Зачем же вы хотите перемен
Мне также непонятно, что такое
Вас в наших отношениях беспокоит
И что вы предлагаете взамен

Наивные смешные дурачки
Зачем искать для ревности причину
Не уступив другому половину
Один таит обиду и молчит
Другой к березе прислоняет спину
И вешает на веточку очки

В результате первого, неизбежно поверхностного, чтения получаем следующее: Опытный автор захватывает внимание читателей и (что более вероятно) читателей с первых же строк – пикантностью заявленной темы: имеет место небольшая оргия. Мужчины (двое, как позже выяснится) предаются любовным утехам с одной женщиной, функционирующей в тексте как лирическое «я» автора. Что ж, тема как

тема. Сценарий ее развития тоже вполне стандартный: пережив любовное затмение, участники сцены – мужчины, начинают понимать, что что-то здесь не так, и каждый по-своему претерпевает и пытается разрешить наметившийся конфликт. Социальная практика, освященная вековой традицией, такова, что мужчина и женщина являются парой и только парой. Героиня пытается отстоять свое право на удовольствие, свободное от догм, непроблематизированное и спонтанное, и даже по-своему обосновать это право, но, кажется, тщетно.

Такова канва.

2.

Продолжим читать, исходя из естественной гипотезы, что задачей автора не было просто развлечь нас незатейливым сюжетом. Стоит ли повторять, что сюжетом поэзия не исчерпывается, и, быть может, даже и не начинается. Еще раз взглядевшись в стихотворение, отметим, что это монолог. Внутренний, по видимости – во всяком случае, первая строфа тому подтверждение. Ведь множественное число второго лица хоть и задействовано, диалог невозможен, лирическое «я» говорит само с собой, боясь спугнуть наслаждение. С одной стороны, это наслаждение сугубо телесно: «ей» «хорошо» лежать меж двух волосатых мужчин. Читательницы отметят утонченный эротизм героини – ее радуют даже уколы щетины. Но мало этого: «они» «влюблены», они «отдаются» не только телом, но и «душой». Признав за телами возможность обладать «душой», героиня одновременно выдает свой честолюбивый замысел: телесное удовольствие преходяще, ограничено временем коитуса, в то время как власть над душами неизмеримо ценнее и продолжительнее. Кромсая тела, диктатор все же томится сомнением: ведь, может статься, воля жертвы не сломлена, а цитадель ее духа остается не взятой. Завладеть мыслями, поселиться в черепах – вот цель, вот где оргазм.

Есть ли «душа» у героини? Знает ли она то, о чем говорит с такой уверенностью? В узких рамках стиха нам не суждено получить убедительного ответа на сей сакраментальный вопрос. Кое-какими соображениями на этот счет мы, быть может, поделимся в последней части нашего исследования. Заметим для начала, что ощущения, о которых нам сигнализирует героиня, исключительно тактильны: она опирается на «чье-нибудь плечо», ее щекочут щетина и обильные волосяные покровы самцов. «Вы нравитесь мне очень» - совсем не признание в любви, не сообщение о некоем особом состоянии духа, это скорее торопливая наивная лесть, призванная убаюкать внимание, парализовать бдительность партнеров. Перформатив второй строфы бросается в глаза: В угаре любовных ласк не до стилистических изысков: повторяется «мне хорошо», героиню

одолевает любовное косноязычие, видна только одна цель: продлить наслаждение, заговорить время, и, уже предощущая скорый крах, договориться о будущем: «Мы непременно встретимся еще» - лепечет новоявленный, распластанный на любовном ложе, горе-гипнотизер.

Ожидаемое отрезвление наступает в третьей строфе: тщетны попытки героини обосновать дискурс продолжения и стабилизации: «наивные смешные дурачки» гнут свое. Героиня делает последнюю отчаянную попытку стагнировать ситуацию, прибегая к вполне иезуитской риторике и симулируя непонимание того, что же «вас в наших отношеньях беспокоит». Похоже даже, что «она» не очень притворяется: интуитивно она чувствует превосходство над косными «дурачками». Это превосходство плоти над словом, гула над артикуляцией. Она знает, что счастье – вне закона, вне предписаний, оно здесь, сейчас, в смешении тел.

3.

Прежде, чем перейти к последним строкам стиха, отличающимся, на наш взгляд, от предыдущих как стилистически, так и в звуковом отношении, подведем некий промежуточный итог.

Кстати, о звуках – этой плоти стиха. Автор, кажется, не очень озабочен акустикой. Спрятавшись за стилистической маской спонтанности, избрав «поток сознания» в качестве эффективного приема, обеспечивающего иллюзию живой речи, поэт может позволить себе как бы забыть о фонетике. Было бы натяжкой ассоциировать небно-зубные «ш», «щ», и «ч» во вторых половинах первой и второй строфы с шорохом, производимым трением друг о друга эпителиев и чмоканием слизистых. Звукоподражание, нам кажется, не входило в этом случае в намерения автора.

Отметим мастерство, с которым нас заставили забыть, что мы имеем дело с безжизненными типографскими знаками, «услышать» голос, этот напряженный лепет, поверить, что мы присутствуем при моменте его рождения. Кажется, что мы - у самого истока поэзии, когда она еще не отделилась от спонтанной реакции, и, подобно речи, еще не затвердела в знаках. Чувства опережают формообразование, канон не поспевает за содержанием. Конечно, это обман, иллюзия, но иллюзия, необходимая для того, чтобы такого рода поэзия состоялась. Выстраивая эфемерную ткань стиха, автор осторожна, как кошка, легка, как паучок в своей паутине. Не дай бог спугнуть читателя, он должен уверовать, забыть о словах, их плотности, весе, непроницаемости. Старый, как мир, трюк языка, трюк, которым Литвак пользуется с присущей ей виртуозностью. Узники языка, автор - с одной стороны и читатель – с другой вновь и вновь повторяют заранее обреченную попытку бегства из темницы языка, в надежде прорваться к чему-то такому, что ускользает от его власти и парадоксальным образом представляется тем, о чем, собственно, и стоит говорить.

И тут самое время сделать геометрическое замечание. Симметрия двух описаний – стратегии автора в отношении читателя и стратегии, которой придерживается героиня стихотворения в отношении

двух своих партнеров – бросается в глаза. Становление автора персонажем нашего текста не обошлось для него без важных последствий: выявилось его сходство, если не тождество с его же собственным персонажем. С той небольшой разницей, что участниками драмы «Соблазнение» в одном случае выступают призраки, порожденные техникой письма, а во втором – б.м. «реальные» автор и читатель. В обоих случаях используются одни и те же приемы ведения боевых действий: лезть, дымовые завесы, фата-морганы. Цель одна – власть, манипулирование душами, безоговорочное признание. Мы имеем, таким образом, две вложенные одна в другую структуры, связанные отношением параллелизма, взаимоотножающиеся, но имеющие как бы разные степени «реальности».

4.

В последних строках, когда героиня, потерпев поражение в своей пропагандистской микрокампании в защиту свободной любви, впадает в своего рода апатию, декорации вдруг резко меняются, и действие переносится из душевного алькова едва ли не в лес. Во всяком случае, упоминается береза, к которой прислонился один из непокорных участников треугольника. Последняя строка столь же превосходна в звуковом отношении, сколь и загадочна. Очки удваиваются в веточке, на которую они вешаются. Темнота строки вынуждает читателя к герменевтике. Освобождение героя – причем добровольное – от очков – не символ ли это? Ведь метафора видения и взгляда, говорят нам, легла в основу всей метафизики запада, а значит и нашей мысли. Не победа ли это, пусть маленькая, героини: хотя бы один сломлен? Он отказывается видеть, а, значит, и мыслить. Мысль, рефлексия, знание были до этого момента главной помехой на пути наслаждения, мысль породила тревогу и сомнение, ослабила эрекцию, не допустила оргазма. Очки – оружие интеллекта, оно «сложено», отставлено, забыто. Удался ли этот опыт слепоты – осталось за кадром стихотворения. Зато теперь легко видеть, как за строками явственно проступают оппозиции: природа - культура, тело - душа, женское - мужское. И т.п.

Есть и другие толкования. Они, впрочем, не более, но и не менее, убедительны. Вспомним, например, что наш автор – носитель множества псевдонимов, построенных, как правило, по принципу анаграммы. Вета – один из них. Надо знать о совершенно небывалой самовлюбленности Литвак, чтобы с легкостью предположить, что Веточка – уменьшительное, и даже ласкательное от Вета. Итак, на нашу Веточку вешаются очки. Поверженный любовник, проигрывая «по очкам», все еще не теряет надежды отыгаться, пусть даже и не совсем честными способами. Вешать очки можно перетолковать как «втереть очки», т.е. навязать противной стороне свое видение ситуации, обуздать трансгрессию героини, переташить ее на свою сторону, сделать союзником, избавиться от конкурента и слиться со своим предметом в тепловатом, желеобразном тождестве...

Да и много еще чего можно было бы сказать.

5.

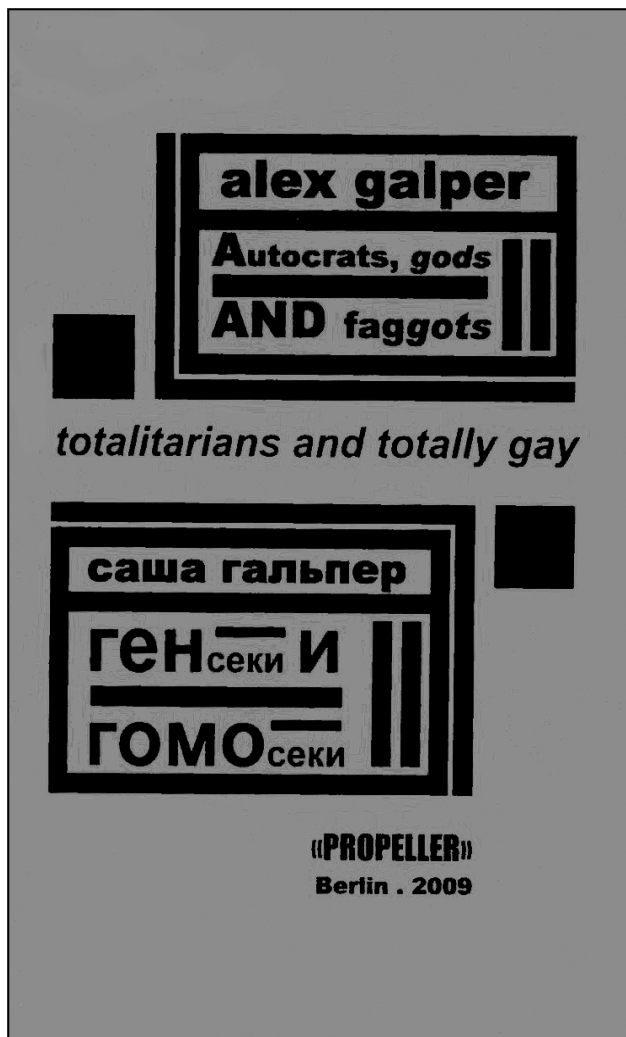
И – the last but not least – о референции. Для лирического поэта проблема референта приобретает особый драматизм. Не секрет, что многие стихотворцы, и Литвак здесь совсем не исключение, явно или неявно придерживаются вполне определенного взгляда на соотношение искусства и того, что оно «выражает». На счет последнего двух мнений, конечно же, быть не может: это т.н. «внутренний мир» творца. При этом редко задаются вопросом, почему, собственно, выражать этот внутренний мир так уж важно, почему эта операция объявляется едва ли не главной целью искусства. Онтологическая пропасть, разделяющая немые, но сверхценные для поэта истины его «внутренних» прозрений и внешние по отношению к этому опыту анонимные коды языка – предмет постоянного беспокойства таких поэтов. Отсюда бесконечные жалобы на «непонятость». Быть не понятым – едва ли не обязанность лирика. И это неудивительно: лишь сам художник имеет привилегированный доступ к тому,

что мы, для простоты, назовем его собственной «душой». Он один, и только он. Читатель не в состоянии верифицировать лирическое откровение просто потому, что это невозможно, а, значит, и бессмысленно. Референт – душа поэта – недоступен никакому наблюдению по определению, он ни с чем не сравним.

Более того, ничто не мешает нам усомниться в самом существовании столь экзотического объекта, как «душа», в лучшем случае, признав за ней статус гипотезы, которую, к тому же, нельзя проверить.

Война за референт, заранее проигранная, тем не менее, ведется ежечасно и всюду. Наш уважаемый автор сражается на передовой уже не первое десятилетие. Ее отчаянный, граничащий с безрассудством, героизм, признаваемый даже ее многочисленными высоколобыми оппонентами, несомненен. В гуще битвы, в клубах порохового дыма, всегда можно разглядеть закопченный, но, как прежде, рвущийся к небесам, штандарт с гордыми литерами СЛ.

Гальпер, Гитлер и я

Рецензия на книгу:

Гальпер А. Генсеки и гомосеки. - «Propeller», Берлин, 2009

Перед нами новая книга Александра Гальпера, украинско-русско-еврейско-американского поэта, проживающего в США, «Генсеки и гомосеки». Книга выпущена немецким самиздат-издательством «Propeller» и хранит тепло человеческих рук. В сборник вошло 6 стихотворений с сопутствующим переводом на английский, выполненным Ильей Китупом, Мишей Делибашем и Майком Магазином.

А. Гальпер – парадоксальный поэт, его творчество касается того, что находится не на своем месте. Его стихи русским кажутся слишком американскими, а американцам – слишком русскими; в его произведениях пидары похожи на натуралов, натуралы – на пидаров, евреи – на арабов, а арабы – на евреев. Поэт точно схватывает суть современности, тот метафизический сдвиг («порвалась связь времен»), который порождает хаос событий, происходящих несвоевременно, кое-как и бессмысленно, перерастающих в личную драму каждого человека. Об этом он и пишет в своих необычно западных свободных стихах.

Впрочем, «Генсеки и гомосеки» несколько отклоняются от намеченной ранее экзистенциальной линии, которая так ярко выражена в предыдущих книгах А. Гальпера (сборники стихов «Рыбный день», «Синий мяч», «Антидепрессанты» и поэтический комикс «Трубка», созданный совместно с художником Иваном Горшковым). В стихах, вошедших в новую книгу, неожиданную силу обретает гражданская тематика, которая, тем не менее, сохраняет блеск специфического Гальперовского абсурда. Приведу стихотворение «На смерть Туркменбаши» целиком:

Родной Туркменистан,
 Безграничны твои хлопковые поля.
 В недрах прячутся миллионы кубометров газа.
 Настало время перемен, настало!
 Умер, умер тиран!
 Наконец-то мы сможем избрать президентом
 Чернокожего карлика, еврея
 Нетрадиционной сексуальной ориентации.

В стихах А. Гальпера слышится звон и дрожание того нерва, который запускает «слишком человеческий» рефлекс истерического смеха. Юмор, замешанный на гомофобии, расизме и антисемитизме, который в первом приближении представляется позорно конъюнктурным и раздражающе поверхностным, путем парадоксального алхимического преобразования, выносит поэтику Гальпера на общечеловеческий, бессубъектный уровень. И когда лирический герой стихотворения «Хосе и Тереза», бесконечно чуждый мне человек, восклицает: «... трудно найти черную женщину / в темной комнате, / особенно если она уже оделась и ушла, / и если в голове бегают пауки безумия» - я узнаю себя в минуты глухого отчаяния.

Поэзия Гальпера подставляет себя под удар (или «выставляет себя», по выражению Пауля Целана) – и оголтелая критика не заставляет себя ждать. На задник книги гордо вынесены особенно яркие высказывания об авторе («Гальпер – генетический мусор», «Гальпер – неприятный, даже мерзкий, пожалуй, мужик <...>» и др.), и в этом заключен особенный смысл. Довольно соблазнительно пнуть «глупые», кричаще-несуразные «стишки» – и тем самым сделать себя участником столь близкой русской литературной традиции повести о лишних людях ...

Вместо того, чтобы создавать поэтические иллюстрации, Гальпер переходит к прямому действию на

читателя, вовлекая его в контекст собственной поэзии, предлагая роль мучителя или жертвы (как правило, всё же, мучителя). Он пишет стихи, так, чтобы навлечь на себя читательский гнев/отторжение/брезгливость/другое, раздражить внутреннего тирана, безжалостного Гитлера, который сидит в каждом человеке - такая поэзия требует от читателя защитной реакции в форме нападения (еще один парадокс).

Литературный «акционизм» Гальпера отсылает к теории Власти Мишеля Фуко. Мазохистская поза поэта активно провоцирует внутреннего Гитлера в каждом из нас и тем самым разоблачает его. «Однажды Гальпер поймает Гитлера за яйца, / Снимет с него штаны, / и отдерет его плёткой по жопе» - так заканчивается стихотворение «Гальпер и Гитлер», которое и завершает сборник.

Однако, есть у этой книги один – но существенный - недостаток, который спутывает все карты. Бодромористический тон «Генсеков и гомосеков» и несомненное (для меня) желание автора подать свои произведения как нечто «уморительное» указывают на то, что Гальпер предпринимает защитно-наступательные действия в отношении собственного творчества. По всей видимости, в каком-то глубинном психологическом смысле автор не выдерживает экзистенциального накала своих произведений и оттого пытается выдать их за что-то несерьезное. Гальпер предательски навязывает своей поэзии ту самую «постмодернистскую иронию», которая является миражом, химерой - коварным и лживым чудовищем, выведенным «бюрократией чистого разума» в самых гнусных клоаках гуманитарной мысли.

Именно поэтому следует относиться к великолепной книге А. Гальпера с утроенной осторожностью: в войне между поэтом и поэзией может пострадать простодушный читатель.

- Глеб Коломиец

“Литература—это здоровье”

Рецензия на книгу:

Prasad S. S. 100 poems. Bangalore, 2008. – 64 p.

«100 стихотворений» - это пост-книга в том смысле, что она напечатана вдогонку, после того, как стихи С.С. Прасада уже разошлись многомиллионными тиражами. Его метод распространения поэзии удивляет простотой и лаконичностью – стихи, вошедшие в книгу, были выгравированы на *незанятой* поверхности микросхем, выпускаемых фирмой Cypress Semiconductor Technologies (Индия), сотрудником коей является автор.

С. С. Прасад доводит минимализм до предела, его уже не удивишь стихотворениями, написанными на рисовом зерне. Его творчество представляет собой своеобразный ответ на вызов Рауля Цурига, чилийского (макро)поэта, который в 1982 году при помощи 5 самолетов написал в небе над Нью-Йорком свои стихотворения. Реальный размер сти-

хов С. С. Прасада не превышает сотни микрон в длину и ширину – это нанопоэмы – и разглядеть их можно только под микроскопом, например, в том случае, когда инженер проводит проверку компьютерных плат. Вполне возможно, что компьютер, которым я пользуюсь при написании этой рецензии, содержит в себе толику нанопоэзии С. С. Прасада. Это успокаивает.

Творческая ориентация автора «100 стихотворений» значительно отличается от того, к чему привыкли «жертвы» высокой культуры (например, мы, русские). На этой книге отдыхает глаз; она не ранит буйством поэтических красот, не глушит трелью ритмов (или, например, клекотом цезуры) и не насилует читателя изысками авторского мастерства или порочной извращенностью авторской оптики. В «100 стихотворениях» реальность переплавлена в четкие, лаконичные формы – в основном, единицы и нули (иногда в дело вступают буквы, но для данной книги – это, скорее, марги-

нальная практика). Такой бинарный творческий арсенал позволяет автору высказать многое.

Движение – вот основная тема произведений С. С. Прасада, он зачарован динамичностью окружающего мира и нашел способ передать её в высшей степени реалистично. Например, стихотворение «Светлячки»; оно разделено на три части, каждая из которых занимает отдельную страницу:

```

1 1 1 1 1 1 1 1
1 1 1 1 1 1 1 1
1 1 1 1 1 1 1 1
1 1 1 1 1 1 1 1
1 1 1 1 1 1 1 1
1 1 1 1 1 1 1 1
1 1 1 1 1 1 1 1
1 1 1 1 1 1 1 1

```

```

1 1 1 1 0 1 1 1
1 1 1 0 1 1 1 1
1 1 1 0 1 1 1 1
1 1 1 1 0 1 1 1
1 1 1 1 0 0 1 1
1 1 1 0 1 1 1 1
1 1 1 1 1 1 1 1
1 1 1 1 1 1 1 1

```

```

1 1 1 1 1 1 1 1
1 1 1 1 1 1 1 1
1 1 1 1 1 1 1 1
1 1 1 1 1 1 1 1
1 1 1 1 1 1 1 1
1 1 1 1 1 1 1 1
1 1 1 1 1 1 1 1
1 1 1 1 1 1 1 1

```

Каждое из «100 стихотворений» обладает собственной внутренней динамикой, которая позволяет в полной мере ощутить реальность описываемых событий. Автор, не смотря на склонность к «технизации» творчества, предстает перед читателем, как вдумчивый и внимательный наблюдатель явлений живой природы. В книгу вошли стихотворения о подсолнухах, утках, воробьях, лошадях, овцах и др. Приведу стихотворение «Муравьи» целиком:

```

1 1 1 1 1 1 1 1 1 1 1

```

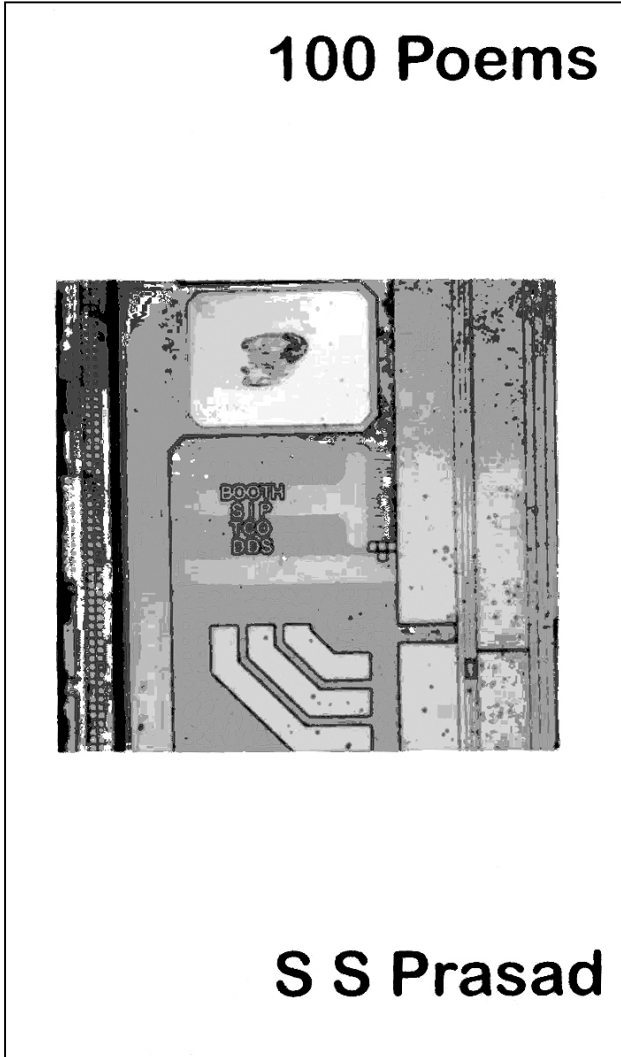
С. С. Прасад умеет с удивительной точностью продемонстрировать как движется, как существует то, что окружает нас. В стихотворении «Утка плывет» блестяще передана внутренняя длительность процесса (в том смысле, как её описывал Роден):

```

0 0 0
0 0 1
0 1 1
0 1 0

1 1 0
1 1 1
1 0 1
1 0 0

```


Впрочем, зарисовки из жизни людей, городской повседневности по простоте и естественности не уступают «натуралистским» стихотворениям. Например, живопису аварию на дороге, автор размещает на плоскости листа надписи вроде «машина», «автобус», «скутер», «джип» и др., добиваясь четко выраженного эффекта присутствия, или, точнее, взгляда с высоты птичьего полёта. Так называемая «повседневность» раскрывается в нанопоземах именно с композиционной точкой зрения: автор мастерски пользуется плоскостью страницы, чтобы создать собственную творческую картографию, со своими маршрутами и скоростями, которая в то же время не теряет связи с реальностью. Приведу отрывок из стихотворения «В отеле»:

```

1 1 2 3
1 1 4 5

1 1 1 1 0
1 1 1 1 1

1 1 1 1
1 1 1 1

```


Иногда в поле зрения С. С. Прасада попадают и чистые абстрактные категории, что роднит его с пифагорейской традицией. Вот, например, стихотворение «Сложение»:

0 + 0 = 0
0 + 1 = 1
1 + 0 = 1
1 + 1 = 1

Выглядит оно монолитно не только с композиционной, но и с логической точки зрения (в стихотворении отражены азы двоичного исчисления). Любопытную точку зрения предлагает читателю С. С. Прасад в стихотворении «Течение времени в двоичном коде»:

0
X
0
X
0
X

Включены в книгу также и «традиционные» визуально-поэтические произведения, которые объединены в концептуальные циклы, как например «Куски Касима»:

У У О

и «Касим восстановлен»:

Такие произведения несколько выбиваются из концептуального контекста книги, но отлично вписываются в визуальный контекст, не нарушая общего впечатления легкости и лаконичности.

Таковы «100 стихотворений». Основное достоинство этой книги состоит в том, что в ней отражена жизнь здоровых, сильных людей, не искалеченных «великой русской культурой» и «великим русским языком». Этот чистый и правдивый минимализм не может не обрадовать и оздоровить человека, живущего в России. В условиях, когда каждый второй пишет стихи, а каждый третий – «больше чем поэт», технический аскетизм С. С. Прасада – как бальзам на рану.

- Глеб Коломиец

Эдуард Кулемин
«Смятый манифест»
(из серии «Абстракция - мать порядка», 2008)

Об авторах

Арт-группа «SPART»

Группа организовалась в 2001 году, основной её целью было исследование взаимоотношений между искусством и жизнью в конце 20 – начале 21 века. Опираясь на обширный корпус текстов, посвященных искусству и политике, SPART исследует наследие авангардной политики и искусства 20 века в контексте современности. Активисты SPART пытаются выяснить творческий потенциал размытого понимания «искусства» путем постановки вопросов о роли творчества, культуры и развлечений в Западном нео-либеральном обществе 21 века. Работы арт-группы SPART выставлялись на многочисленных площадках Европы, Америки и Канады.

Анти-коллектив Пост-НеоАбсурдистов

Анти-коллектив Пост-НеоАбсурдистов - нестабильная сеть художников и арт-групп, связанных с социальным и психологическим сопротивлением нормативной культуре с помощью письма, изобразительного искусства, теорий, образования, музыки, перформансов, магии, игр, историографии и многих других способов. Помимо этого, Пост-НеоАбсурдисты создают и развивают жизнеспособные локальные и международные сообщества, которые действуют вне коммерческих или иерархических систем, пребывающих в постоянной гетерогенности, но, в то же время, ориентированных на координацию. Пост-НеоАбсурдисты учувствуют во многих коллективных проектах, сообществах и субкультурах, таких как SPART, Fluxus, Neoism, Mail Art, Noise и др.

В настоящий момент созданы филиалы Анти-Коллектива в Вирджинии, Нью-Джерси, Вашингтоне и Огайо (США), а также в Плимуте (Великобритания)

В группу Пост-НеоАбсурдистов Нью-Джерси входят Ольхар Е. Линдсанн (Olchar E. Lindsann), Уоррен Фрай (Warren Fry) и Томислав Буткович (Tomislav Butkovich).

Глеб Коломиец

Родился в 1986 году в городе Туле. Творческую деятельность начал с 2003 года. Сотрудничал в качестве автора текстов в музыкальных коллективах «эфТаназия» (punk, г. Тула) и «Melcor» (melodic black\death, г. Тула). Автор научных работ по нормальной анатомии человека и истории России. Имеет публикации в изданиях «Топос», «Ван Гог», «Я.Д.Ы.» и др., на контркультурных сайтах radonki.org, udaff.com, litprom.ru. Основатель одного из языческих капищ Смоленска. Работал: сторожем, дворником, переводчиком, компьютерным мастером, младшим научным сотрудником, санитаром, медбратом и др. В настоящее время работает над диссертацией по философии.

Технический редактор журнала.

Дэвид Широ

Художник, поэт. Родился в г. Лафайетт (США, штат Индиана), вырос в Вермонте, жил в Готтингене (Германия), Арле и Париже (Франция), Вроцлаве (Польша), Хастеваде (Швеция), Бостоне и Милуоки (США). Первые публикации появились в 1997 году. С тех пор опубликовался более чем в 70 изданиях в США, Бразилии, Англии, Испании, Франции, Германии, России, Чили, Австралии, Югославии, Италии, Канаде, Аргентине, Мексике, Кубе, Турции, Японии, Голландии, Бельгии, Уругвае

Светлана Поваляева

Поэт, журналист. Закончила Киевский институт журналистики КНУ им. Т. Шевченко. Работала во всех видах СМИ, последние четыре года – на телевидении. Автор книг «Эксгумация города» (2002), «Вместо крови» (2003), «Оригами-блюз» (2004), «Симург» (2005), «Камуфляж в помаде» (2006), «Небо кухня мертвых» (2007), «Вррум-волшебник» (2007), «Бардо online» (2009), аудио-диск «Эксгумация города» (2003). Мать двоих детей. Вероисповедание – буддист. Политические взгляды: Слава Украине!

Бычков Андрей Станиславович

Писатель, сценарист, защитил диссертацию по физике элементарных частиц. Автор 6-ти книг прозы в России и 3-х на Западе (Франция, Бельгия, Югославия). Рассказы переводились и печатались также в журналах и альманахах Германии, Испании, США, Югославии, Венгрии, Китая, Франции и Бельгии. Книга «Дипендра» (2004) – лидер издательства по числу опубликованных на нее рецензий, номинировалась на премию Андрея Белого. Пьеса «Репертуар» участник Международного фестиваля IWP (USA), поставлена на Бродвее («NYTW», 2001). Бычков - лауреат премии русской литературы в Интернете «Тенета- 1999», премии «Бродячая собака» Клуба литературного перформанса Зверевского центра современного искусства (2009), финалист премии «Антибукер-2000», лауреат Специального приза Международного ялтинского кинорынка, Приза Эйзенштейна немецкой фирмы «Гемини-фильм» и Гильдии сценаристов России. Фильм «Нанкинский

пейзаж», снятый режиссером Валерием Рубинчиком по его сценарию, удостоен трех международных наград. Учредитель премии «Звездный фаллос».

Виктор Лучезарович Махараджа

Родился и проживает в городе Сергиев Посад Московской области. Творческая деятельность происходит в основном в интернете в рамках блогов и некоторых редактируемых сайтов.

Заочно участвовал в двух визуально-литературных фестивалях.

Книг нет. Бумажных публикаций нет

Брайан Массуми

Философ, специализируется на философии опыта, философии медиа и искусства, а также социальной философии. Автор книг "Parables for the Virtual: Movement, Affect, Sensation" (Duke University Press, 2002), «A User's Guide to Capitalism and Schizophrenia: Deviations from Deleuze and Guattari» (MIT Press, 1992), и «First and Last Emperors: The Absolute State and the Body of the Despot» (with Kenneth Dean; Autonomedia, 1993). Редактор сборников «The Politics of Everyday Fear» (University of Minnesota Press, 1993) и «A Shock to Thought: Expression After Deleuze and Guattari» (Routledge, 2002). Среди его переводов с французского на английский - «Тысяча плато» Жюль Делеза и Феликса Гваттари. Совместно с Эрином Меннингом (SenseLab, Concordia University) координирует проект «Технологии Оживления Абстракций», посвященный коллективно-му изобретению новых типов взаимодействия между философией и искусством. Вместе с Эрином Меннингом редактирует одноименную книжную серию в издательстве «MIT Press».

Сайт:

www.brianmassumi.com

Прелестинка (prelestinka)

Он же Дагги, он же Адыг – творческий псевдоним Сергея Гашишникова, советского поэта. Родился 07.07.1977 в г. Ленинграде (СССР). Стихи начал писать в возрасте 16 лет, <<из-за любви>>, и продолжает писать по сей день. Поступает заодно с другом в холодильник, и оказавшись неспособным сдать экзамены - бросает его. Отказывается служить или отмазываться от армии, и вообще как-то думать на шаг вперед, идет, бля, торговать пакетиками у метро. И газетками. И фаршем. И кроссовками. Позднее - пельменями, петардами, чаем, канцтоварами, пряниками и кнутами, и ремнями. Затем служит грузчиком сначала на рынке, затем на пивном складе, приторговывая краденным постельным бельем и подушками. После кончины Эшли, пашет и получает должность кладовщика. Невесело пытается командовать бригадой грузчиков различной национальности в режиме через сутки, самоустраивается на попинку хуев, попутно ебя какую-то чувицу по имени...изх...красивое ведь имя было...Зульфийа?

Сожительствует с мужчиной, работая рабочим строительной специальности помощник рабочего строительной специальности под руководством азербайджанина по имени Армен. Сожительствует с женщиной, работая продавцом в отделе видеопроката. Размещает стихи в интернете на сайте stih.ru под псевдонимом Иван Дузер мл. Переустанавливает Windows. Начинает сохранять стихи в папку \zahui. Размещает стихи в Интернете на сайте stih.ru под псевдонимом прелестинка. Пересекает Белое море на байдарке.

Берет трейн и плейн и чухает в сасш, удочеренный богатой вдовой, и помогает ей тратить деньги, оставшиеся от мужа, пропивая их.

Нынешний статус и местоположение неизвестны.

Александр Рыбин

Родился в 1983 году. Рассказы где-то публиковались, где-то не публиковались. Книги моей ни одной не вышло. Пока. В 2008 году рассказы попадали в лонг-листы Бунинской премии, премии им. Астафьева и премии "Неформат". Учусь в аспирантуре на этнографа в Институте истории ДВО РАН. Живу между Магаданом и Пекином.

Николай Байтов

Родился в 1951. Постмодернист, пишущий поэзию и прозу в самых разных стилях, традиционных и авангардных. Его «дырявые» тексты образуются в процессе разрезания и других подобных действий. В результате получается то, что автор называет «путешествием информации».

В 1995 основал Клуб Литературного Перформанса, целью которого состоит в «архивировании, изучении и популяризации литературных практик, которые выходят за рамки традиционного понимания литературного объекта». Живет в Москве.

Света Литвак

Родилась в г. Коврове в 1959 г.. Окончила Ивановское художественное училище. В Москве работала в Театре Советской Армии художником-декоратором. Работы участвовали в выставках молодых художников, а в 1999 году состоялась персональная выставка. Широко известна в среде литературного андеграунда, член Московского клуба «ПОЭЗИЯ». Член Московского Союза Писателей. В 1996, вместе с Николаем Байтовым основала клуб литературного перформанса, который в 1998 году завоевал награду на конкурсе проектов, организованном институтом «Открытое общество». Автор поэтических книг «Разноцветные проказы».

ки» (1992), «Песни ученика» (1994), «Книга называется» (2007), «Безнравственные пассажи и аморальные коллизии» (2009), а также двух прозаических книг «Мое путешествие на Восток» (1998) и «Это любовь» (2002). Постоянный автор журнала «Знамя» и «Арион». Некоторые стихотворения переведены американскими, английскими, сербскими, румынскими поэтами. Выпускает самидатовский журнал, посвященный литературе и изобразительному искусству. Принимала участие в фестивалях современного искусства в России, Украине, Сербии, Эстонии, Румынии.

Василий Анатольевич Шарлаимов

Родился 13 января 1956 года в г. Цюрупинск Херсонской области. С 1963 по 1973 обучался в средней школе №6 г. Херсона с углубленным изучением англ. языка. С 1973 года учился в Херсонском филиале Одесского технологического института им. Ломоносова. В 1978 году окончил институт с отличием и получил диплом инженера-механика. С 1978 по 1980 г.г. проходил воинскую службу в рядах СА. Прошел путь от рядового до старшего сержанта и после демобилизации получил звание лейтенанта ЗРВ.

Двадцать лет проработал в Херсонском предприятии «Медтехника», специализируясь на ремонте, установке и наладке медицинского оборудования. В 2000 г. профессия инженера перестала давать мне средства к сносному существованию.

Я отправился на заработки на португальские стройки на пару лет, чтоб поправить своё пошатнувшееся материальное положение. И задержался, видно, надолго.

Женат. Имею от первого брака двоих взрослых сыновей и от второго – дочь.

Что заставило меня писать?

Тяжелый и монотонный физический труд не давал выходу интеллектуальной энергии. Во время коротких перерывов и дней отдыха я слышал от своих товарищей множество потрясающих историй, которые начал записывать на грязных обрывках бумаги.

Когда иммигрантской русскоязычной газетой был объявлен лит. конкурс под девизом «Поделись улыбкою своей», я решил попробовать свои силы. Первые мои работы были напечатаны в газете, но на конкурс не выставлялись. Редакторы не нашли в них ничего смешного. Пришлось пересмотреть моё отношение к юмору. Пятый мой рассказ «Степан и меценат» был выставлен на конкурс и стал победителем. Рассказ «Степан и Роза» был опубликован в лит. журнале «Листья» США. В Порт-Фоллио так же был опубликован рассказ «Степан и нищий». Работа «Степан и морской волк» публиковалась в лит. журнале «Литературный Башкортостан».

Некоторые мои работы («Сало» и «Страдания украинского избирателя») публиковались в сетевом юмористическом журнале «Сатирикон-бис» под псевдонимом Василий Костовинский.

Андрей Чемоданов

Родился в Москве в 1969 году. С 1985-по 1987 учился на врача в Ленинграде. С 1987-1989 – рядовой СА в Средней Азии. В 1989 вернулся в Ленинград, в 1991 – в Москву. Закончил литинститут, работал курьером, снабженцем, дворником, сторожем, помощником режиссера, рецензентом, продавцом порно, гжели, книг. Пишет стихи с 1990 года. читал лекции, член редколлегии альманаха Алконость. ранее судим

публикации: мансарда, алконость, московский комсомолец, общая газета, книжное обозрение, литературная газета, юность, terra nova (san francisco), новый мир, кольцо а, абзац, рец...

в 2004 году в издательстве воймега вышел сборник стихотворений «совсем как человек», в 2010 в издательстве В. Гоппе сборник «а. чемоданов»

Олег Разумовский

Родился в Смоленске. Служил в морфлоте. Закончил пединститут, факультет иностранных языков. Публиковался в андеграундных изданиях "Третья модернизация", "Митин журнал", "Черновик" и др. Книги из-ва "Вольный стрелок": RAZUMBUNT, "Тропа Хошимина", "Весёлые картинки" и др. Литературные премии в 2010 году: Звёздный фаллос и Серебряная пуля.

Александр Колоев

Родился в 1987 году. В 2009 году окончил факультет Прикладной математики Санкт-Петербургского государственного университета. Параллельно обучался на факультете журналистики и писал в петербургские газеты. В настоящий момент - аспирант факультета журналистики СПбГУ. Работает журналистом-фрилансером и является заместителем главного редактора глянцевого мужского журнала "Dominant". Интересуется современной литературой и футурологией. Пишет рассказы.

Чайкин Андрей

(он же Потрот Уару, Бонгард Друидов и другие личности, считающие себя им же) появился на свет после рождения, а родился в двадцатом веке. Стихи пишет между модифицированием жидких металлов и сном. Закончил аспирантуру МГТУ им. Н.Э. Баумана, что не мешает ему жить и не помогает, но вспоминать об этом он не любит и стесняется. Любит он и не стесняется, когда его хвалят, ценят и называют гением. Поэтому больше всего любит он себя, а больше себя только свою девушку. И в заключении передаю привет папе, маме и спасибо сестре, страдания которой при переводе тихо. творений ни с чем не соизмеримы."

Михаил Евгеньевич Бойко

Журналист, литературный критик, философ, автор экспериментальных стихов и прозы. Родился 17 мая 1979 года в Москве. Публикуется с 1998 года. С отличием окончил физический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова (2001). Референт Алины Александровны Витухновской (1999-2006). Служил командиром взвода в ВС РФ (2002-2003). Работал инженером в Российском научно-исследовательском институте Космического приборостроения (2004-2005), руководителем отдела по связям с общественностью Союза молодежи «За Родину!» (2005-2006), заведующим отделом публицистики еженедельника «Литературная Россия» (2006-2007). Пресс-секретарь луба метафизического реализма ЦДЛ (июнь 2007 – март 2010).

С 2007 года работает в «Независимой газете» – сначала обозревателем, а затем заместителем ответственного редактора «НГ Ex libris».

Автор газет «Независимая газета», «Завтра», «Литературная газета», «Литературная Россия», «День литературы», журналов «Вопросы литературы», «Литературная учеба», «Октябрь», «Дети Ра», интернет-изданий «Русский журнал», «Реакция», «Частный корреспондент», «Полярная звезда», «Органон» и других печатных и электронных СМИ. Экспериментальные стихи печатались в «НГ Ex libris» и «Дети Ра», проза – в журнале «Футурум АРТ».

Разработчик оригинальных философского и литкритического подходов, названных им неологизмами собственного изготовления, – соответственно, «нигилофилософия» и «алгософия».

Считает себя учеником Алины Витухновской, Юрия Мамлеева и Вадима Руднева.

Автор книг «Диктатура Ничто» (2007) и «Метакритика метареализма» (2010).

Участник VIII Форума молодых писателей России (2008).

Член Союза писателей Москвы (с 2008 года).

Ридер премии «Дебют» (2008, 2009).

Номинатор премий «Звездный фаллос» (2009), «Национальный бестселлер» (2010).

Один из авторов идеи, организатор и литературный секретарь премии «Нонконформизм» (2010).

Инна Кириллова (Макурина Инна Кирилловна)

Редактор журнала «Слова».

Родилась и живет в Смоленске. Окончила Смоленское музыкальное училище и Московский психолого-социальный институт. Работает над диссертацией по философской специальности. Автор нескольких прозаических текстов и восьми пьес. Куратор «Первой выставки асемического письма в России» (Смоленск, 2010) и выставки работ из антологии «The Last Vispo» (Смоленск, 2010). Имеет публикации в сетевых изданиях